

ISSN 2078-7081

Научно-методический
и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 1 2019

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Самарский государственный социально-педагогический университет

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин
кандидат исторических наук, доцент

Международная редакционная коллегия

А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения)
В. Н. Гончаров, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия)
И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия)
У. Р. Кушаев, (DSc) доктор философских наук (Ташкент, Узбекистан)
Д. Танцошова, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия)
Н. Ц. Христова, PhD., профессор (история – София, Болгария)
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия)

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, PhD., профессор (экономика – София, Болгария)
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук (Москва, Россия)
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Е. Гринин, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия)
В. М. Минняров, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия)
М. П. Мохначева, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)
М. Сапик, PhD., доцент (философия – Кутна Гора, Чехия)
Е. Н. Сердобинцева, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Цибак, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия)

Рецензенты

М. А. Антипов, кандидат философских наук, доцент (Пенза, Россия)
Ю. В. Драгнев, кандидат педагогических наук, доцент (Луганск, ЛНР)
И. Н. Ефремкина, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
И. В. Казанская, кандидат экономических наук, доцент (Дубна, Россия)
Л. И. Найденова, доктор социологических наук, профессор (Пенза, Россия)
Ю. Г. Фатеева, кандидат филологических наук (Волгоград, Россия)
М. С. Фомин, кандидат педагогических наук (Новосибирск, Россия)
С. В. Ямщиков, кандидат исторических наук, доцент (Дубна, Россия)

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий.

Журнал индексируется в наукометрических базах:

- Электронная научная библиотека (Россия)
- Directory of open access journals (Швеция)
- Open Academic Journal Index (Россия)
- Research Bible (Китай)
- Scientific Indexing Services (США)
- Global Impact Factor (Австралия)
- Cite Factor (Канада)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (Индия)
- General Impact Factor (Индия)
- Infobase Index (Индия)
- Scientific Journal Impact Factor (Индия)
- Universal Impact Factor

Импакт-фактор

- РИНЦ – 0,107
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский центр
«Социосфера», 2019.
© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2019.

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical
and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 1 2019

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Samara State Social and Pedagogical University

The chief editor – Boris Doroshin
candidate of historical sciences, associate professor

International editorial board

A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Yerevan, Armenia)
V. N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia)
I. G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic)
U. R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan)
J. Tancosova, Ph.D., professor (Economics – Bratislava, Slovakia)
N. Ts. Khristova, Ph.D., professor (History – Sofia, Bulgaria)
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia)

International editorial council

N. Arabadzhiski, Ph.D., professor (Economics – Sofia, Bulgaria)
A. Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia)
L. E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia)
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia)
V. M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia)
M. P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia)
M. Sapik, Ph.D., assistant professor (Philosophy – Kutna Hora, Czech Republic)
E. N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
L. Cibak, Ph.D., MBA (Economics – Bratislava, Slovakia)

Reviewers

Michail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, assistant professor (Penza, Россия)
Yuriy V. Dragnev, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Lugansk, LPR)
Irina N. Efremkina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Irina V. Kazanskaya, Candidate of Economical Sciences, assistant professor (Dubna, Russia)
Ludmila I. Najdenova, Doctor of Sociological Sciences, professor (Penza, Russia)
Yulia G. Fateeva, Candidate of Philological Sciences (Volgograd, Russia)
Maksim S. Fomin, Candidate of Philosophical Sciences (Novosibirsk, Russia)
Sergey V. Yamshchikov, Candidate of Historical Sciences, assistant professor (Dubna, Russia)

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities.

The journal is indexed by:

- Electronic Research Library (Russia)
- Directory of Open Access Journals (Sweden)
- Open Academic Journal Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Global Impact Factor (Australia)
- Cite Factor (Canada)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (India)
- General Impact Factor (India)
- Infobase Index (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)
- Universal Impact Factor

Impact factor of the journal

- Russian Science Index – 0,107
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© The science publishing centre «Sociosphere»,
2019.
© Samara State Social and Pedagogical University,
2019.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Василенко В. Г., Тютюнникова Е. Б., Арушанян Ж. А.**
История болезни: смертность от кори в дореволюционный период в Армавире 11
- Орифжонова Г. Р.**
История этнографических коллекций Узбекистана 16
- Сагдиев Х.**
Отношение к вопросам догмы во времена сподвижников 20
- Kholliev A. G.**
The development of economic relations of Russia with European countries and the USA
in the end of the XIX – the beginning of the XX century 27

ЭКОНОМИКА

- Абдуллаева З. И.**
Компьютеризация гостиничного бизнеса и развитие интернет-коммуникаций 35

ФИЛОСОФИЯ

- Антипов М. А.**
Язык и социум: конструктивистская интерпретация 42
- Иванов Е. М.**
Трансцендентен ли Бог? 48
- Кушаев У. Р.**
Религиозная культура в светском обществе 55
- Ниязимбетов М. К.**
Сложность и системное мышление 59
- Оганов А. А.**
Самоконструирующийся выбор культуры 65
- Aytboyev M. Yu.**
Social-philosophical analysis of democracy and democratic development 69
- Mustafaeva M. G., Kamalova O. N., Kamalov A. V.**
To the question of the highest forms of cognitive activity in German idealism
of the XIX century 73

ФИЛОЛОГИЯ

Насирдинова Ё. А.

Проблемы воспроизведения поэтического ритма в переводе узбекских эпических памятников на французский язык (на основе перевода узбекской народной поэмы «Нурали» на французский язык) 77

ПРАВО

Живогляд А. О., Фисун А. В.

К вопросу о реформе судебного представительства в гражданском процессе..... 81

ПЕДАГОГИКА

Хлебников А. С., Лопатинская О. С.

Роль учителя в преодолении конфликтов между подростками-одноклассниками в поликультурной среде образовательного учреждения..... 84

Mai Van Trinh, Le Minh Thanh Chau

Establishment and development of practical skills for pedagogical students of physics in the credit coursesystem at university 89

Nguyen Thi Ut Sau, Nguyen Thi Thanh Huyen

Academic counseling skill of lecturers – advisors in Vietnamese universities 94

Phung Quang Duong, Phan Quoc Lam

Role of professional elementary school manager..... 100

ПСИХОЛОГИЯ

Smolina T. L., Gromkiy I. S.

Experimentation in Social Sciences: Possibilities and Limitations..... 104

СОЦИОЛОГИЯ

Курамаев Б.

Детский труд как социальная проблема кыргызстанского общества 110

Курамаев Б.

Факторы снижающие социальную напряженность 115

Усманов М. Ш.

О роли и влиянии религиозных ценностей на процессы формирования гражданского общества..... 120

Фомина Е. Е.

Использование анализа соответствий в социологических исследованиях 126

Федоткина Г. Н.

Современное состояние дифференциации российского общества по доходу и богатству..... 131

Жуковец О. Ю., Греков И. М.

Актуальные вопросы изучения экспансии новых религиозных движений
в современной России 137

ПОЛИТОЛОГИЯ

Туленова Г. Ж., Сагдуллаева Д. Ш.

Особенности политического реформирования в Республике Узбекистан 142

Salmoorbekov E.

Management of national relations as the implementation of public policy 148

В ПОМОЩЬ СОИСКАТЕЛЮ

Правила для авторов 152

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана,
Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2019 году 154

Информация о научных журналах 156

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 157

CONTENTS

HISTORY

- Vasilenko V. G., Tyutyunnikova E. B., Arushanyan Zh. A.**
Revisiting the mortality from measles in pre-revolutionary Armavir..... 11
- Orifdjanova G. R.**
History of ethnographic collections of Uzbekistan 16
- Sagdiev Kh.**
Attitudes towards dogma issues at the time of the companions 20
- Kholliiev A. G.**
The development of economic relations of Russia with European countries and the USA
in the end of the XIX – the beginning of the XX century 27

ECONOMICS

- Abdullaeva Z. I.**
Computerization of hotel business and development of internet communications..... 35

PHILOSOPHY

- Antipov M. A.**
Language and society: constructivist interpretation 42
- Ivanov E. M.**
Is God Transcendental?..... 48
- Kushaev U. R.**
Religious culture in the secular society 55
- Niyazimbetov M. K.**
Complexity and the system thinking 59
- Oganov A. A.**
Self-constructing choice of culture 65
- Aytboyev M. Yu.**
Social-philosophical analysis of democracy and democratic development 69
- Mustafaeva M. G., Kamalova O. N., Kamalov A. V.**
To the question of the highest forms of cognitive activity in German idealism
of the XIX century 73

PHILOLOGY

- Nasirdinova Y. A.**
The problems of reproduction the poetic rhythm of Uzbek epic monuments
while translation into French (based on the translation of the Uzbek folk poem “Nurali”
into French) 77

LAW

Zhivoglyad A. O., Fisun A. V.

To the question of the reform of judicial representation in the civil process 81

PEDAGOGICS

Khlebnikov A. S., Lopatinskaya O. S.

The role of the teacher in overcoming conflicts between adolescent class-mates
in a multicultural environment of an educational institution 84

Mai Van Trinh, Le Minh Thanh Chau

Establishment and development of practical skills for pedagogical students of physics
in the credit coursesystem at university 89

Nguyen Thi Ut Sau, Nguyen Thi Thanh Huyen

Academic counseling skill of lecturers – advisors in Vietnamese universities 94

Phung Quang Duong, Phan Quoc Lam

Role of professional elementary school manager 100

PSYCHOLOGY

Smolina T. L., Gromkiy I. S.

Experimentation in Social Sciences: Possibilities and Limitations 104

SOCIOLOGY

Kuramaev B.

Child labor as a social problem of the Kyrgyzstan's society 110

Kuramaev B.

Factors that reduce social tensions 115

Usmanov M. Sh.

On the role and influence of religious values on the processes of civil society formation..... 120

Fomina E. E.

The use of correspondence analysis in sociological research 126

Fedotkina G. N.

The current state of differentiation of the Russian society, income and wealth 131

Zhukovets O. Yu., Grekov I. M.

Topical issues of studying of expansion of new religious movements in modern Russia 137

POLITICAL SCIENCE

Tulenova G. J., Sagdullaeva D. Sh.

Features of political reformation of the Republic of Uzbekistan 142

Salmoorbekov E.

Management of national relations as the implementation of public policy 148

TO THE HELP TO A COMPETITOR

Roos for authors..... 152

Plan of international conferences held by the universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Bulgaria, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan and the Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» in 2019 154

Information about about scientific journals 156

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 157

УДК 614

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ: СМЕРТНОСТЬ ОТ КОРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД В АРМАВИРЕ

- В. Г. Василенко** *Кандидат исторических наук, доцент,
ORCIDiD 0000-0002-4963-9329,
e-mail: vasilekov@mail.ru,*
- Е. Б. Тютюнникова** *кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
ORCIDiD 0000-0003-1117-1748,
e-mail: tytunnikov@mail.ru,*
- Ж. А. Арушанян** *кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
ORCIDiD 0000-0002-1125-1599,
e-mail: janna-400181963@mail.ru,
Армавирский государственный
педагогический университет,
г. Армавир, Краснодарский край, Россия*

REVISITING THE MORTALITY FROM MEASLES IN PRE-REVOLUTIONARY ARMAVIR

- V. G. Vasilenko** *Candidate of Historical Sciences, assistant professor,
ORCID iD 0000-0002-4963-9329,
e-mail: vasilekov@mail.ru,*
- E. B. Tyutyunnikova** *Candidate of Agricultural Sciences,
assistant professor,
ORCIDiD 0000-0003-1117-1748,
e-mail: tytunnikov@mail.ru,*
- Zh. A. Arushanyan** *Candidate of Agricultural Sciences,
assistant professor,
ORCID iD 0000-0002-1125-1599,
e-mail: janna-400181963@mail.ru,
Armavir State Pedagogical University,
Armavir, Krasnodar region, Russia*

Abstract. The article describes the peculiarities of the distribution and death rates from measles on the example of pre-revolutionary Armavir. Nowadays, measles remains one of the most common infectious diseases, which is characterized by severe course and higher mortality. Decisive, accessible and effective method of infection control is vaccination of the population.

Keywords: a disease epidemic; mortality; hospital; public health; medical care; infectious diseases; exogenous reasons.

К началу XXI в. корь остается одной из самых распространенных инфекционных болезней, которая характеризуется тяжелым течением и высокой летальностью, достигая 40 % среди детей до трех лет. Широкое применение противокоре-

вой вакцины привело к резкому снижению заболеваемости и даже ее ликвидации в ряде стран. При этом по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в мире ежегодно регистрируется до

30 млн. случаев кори, из которых около 50 тыс. заканчиваются летально.

На большинстве территории России долгое время регистрировались лишь спорадические случаи заболевания, а в 2009 г. в 74 регионах корью не болели. С 2017 г. эпидемиологическая ситуация начала меняться, были опубликованы первые сведения о том, что в России зарегистрировано небывалое количество случаев кори среди населения, при этом Минздрав предупреждал о возможной эпидемии заболевания. В 2018 г. корь в Москве приобрела невиданные ранее масштабы, хотя Роспотребнадзор утверждал, что до настоящей эпидемии еще далеко. Вспышки кори отмечаются практически во всей Европе, заболеваемость инфекцией за последние десять лет достигла исторического максимума, при этом для нее характерно ряд особенностей: болеют люди разного возраста, возросло количество тяжелых форм заболевания, из-за миграционных процессов увеличился завоз кори из других стран. В Европейском центре профилактики и контроля заболеваний связывают такую тенденцию со снижением общемирового уровня вакцинации до 78 % вместо требуемых 90–95%.

Впервые корь была описана в IX в. н.э. арабским врачом Разесом, который считал ее легкой формой натуральной оспы. Поэтому она получила название *morbilli* – малая болезнь, в отличие от *morbus* – оспа (большая болезнь). В XVII в. подробное описание клиники кори в Англии дал Т. Сиденхем и Т. Мортон во Франции. Синдромально заболевание было описано в 1890 г. доктором Бельским (Псков), в 1895 г. детским доктором Филатовым и в 1898 г. доктором Копликом (США). Вирусную этиологию кори в 1911 г. доказали Т. Андерсон и Д. Голдбергер. Живую вакцину, применяемую с 1967 г. для плановой вакцинации, создали А. Смородинцев и соавторы [10, с. 15].

Рассмотрим показатели смертности от кори на примере дореволюционного Ар-

мавира, который был основан российскими военными властями в 1839 г., а в 1914 г. получил статус города [12, с. 50]. Для анализа смертности в Армавире от инфекционных болезней, и в частности кори, нами проанализированы метрические книги, которые в XIX – начале XX века велись в каждом приходе, – это основной источник информации о рождаемости и смертности. Каждая такая книга делилась на три части: первая часть фиксировала рождения, вторая – бракосочетания, а третья – смерти. В третью часть заносили фамилию, имя и отчество скончавшегося, дату смерти и погребения, возраст, причину смерти, место захоронения и др. Именно третья часть метрических книг представляла для нас наибольший интерес.

В дореволюционный период в России лидером среди заболеваний, приводящих к смерти, были инфекционные болезни. С 1891 по 1914 гг. в 50 губерниях от инфекционных заболеваний умерло 2,35 млн. человек [14, с. 72]. Натуральная оспа, холера, скарлатина, корь, коклюш давали значительную смертность и превышали подобные показатели Германии и Бельгии в 2 раза. Аналогичная ситуация складывалась и на Кубани в целом, и в Армавире в частности, где смертность от кори и оспы были высокими.

Историк и общественный деятель Ф. А. Щербина писал, что санитарные условия в Черномории и Екатеринодаре способствовали распространению болезней. Люди повально болели катаром, нервными и гнилыми горячками с сыпью, рожей, цингой, лихорадками, большую смертность давали натуральная оспа и корь [16, с. 738]. Иногда в течение одного года наблюдались эпидемии сразу нескольких заразных болезней. Так, согласно метрическим книгам, в Армавире в 1897 г. наблюдались эпидемии кори, оспы, дифтерии, от которых умерло 134 человека [1, л. 245].

К началу XX в. корь занимала первое место среди детских инфекций по степени распространения в России. Показатель заболеваемости колебался от 13,9 в 1900 г. до 34,5 в 1913 г. на 10 000 населения. Наиболее число заболевших регистрировалось среди детей до 10 лет (80–85 % от общего числа заболевших). Д. В. Лещинский отмечал: «Корь похищала более всего жертв в возрасте от 1 до 2 лет, дифтерия – до 3 лет, а скарлатина – от 3 до 4 лет» [15, с. 23]. Летальность при кори колебалась от 7,3 до 15,4 %. Для заболевания была характерна выраженная сезонность: подъем начинался в ноябре и достигал максимума в марте, затем следовало постепенное снижение. В Кубанской Области смертность от кори была высокая, например в 1906 г. – 16,3 %, в 1907 г. – 14,9 %, в 1914 г. – 13,2 % [13, с. 90].

В Армавире чаще всего дети умирали от кори, скарлатины, коклюша, менингита, крупа. Среди них смертность от кори занимала одно из ведущих мест в структуре смертности от инфекционных болезней, уступая только тифу, холере, туберкулезу. Всего в дореволюционный период умерло от кори и ее осложнений 472 ребенка [11, с. 36]. Смертность от кори регистрировалась постоянно, но вспышки заболеваемости наблюдались в 1885 г., 1890 г., 1895 г., 1897 г., 1906 г., 1908 г. Нужно отметить, что в 1897 г. наблюдалось увеличение числа умерших от кори, дифтерии и оспы [4, л. 245]. Надо учитывать и тот факт, что диагностика оставалась приблизительной, а данные статистики не всегда верными: холера оказывалась дизентерией, кашель был коклюшем, а наружные сыпи могли быть и тифом, и корью, и скарлатиной.

Таблица 1

Смертность от инфекционных болезней

Заболевания/год	1885	1890	1895	1897	1898	1899	1908
Корь	26	12	41	17	3	11	99
Дифтерия	-	1	43	35	4	1	7
Скарлатина	1	15	10	11	15	10	2
Натуральная оспа	20	25	17	75	12	1	30

[2, л. 339; 5, л. 79; 6, л. 539; 7, л. 25; 8, л. 267; 9, л. 307]

Данная болезнь относится к высококонтагиозным инфекциям. Лица, не болевшие и не привитые против нее, остаются высоко восприимчивыми к кори в течение всей жизни и могут заболеть в любом возрасте. Наибольшая восприимчивость у детей 2–7 лет. Путь передачи инфекции воздушно-капельный. Вирус выделяется во внешнюю среду с каплями слюны при разговоре, во время кашля, чихания. Несмотря на нестойкость к воздействию внешней среды известны случаи распространения вируса с током воздуха по вентиляционной системе зда-

ния. Вирус неустойчив во внешней среде – чувствителен к ультрафиолету, в каплях слюны погибает за 30 минут, при высыхании и действии дезинфицирующих средств – мгновенно. Хорошо переносит пониженные температуры. Инфицированный заразен с последних 2-х дней инкубации и до 4-го дня с момента появления высыпаний включительно.

Привитая (переболевшая) и имеющая иммунитет мать передаёт его своему ребёнку (до 3-х месяцев), то есть у таких детей имеется врожденный иммунитет, который постепенно снижается и к 10 меся-

цам исчезает – дети становятся восприимчивыми к заболеванию, что подтверждают данные в армавирских метрических книгах. В них есть записи о смерти младенцев 2 мес., 4 мес., что говорит об отсутствии естественного пассивного иммунитета, а так же наличие большого количества детей 2–4 лет, у детей старше 8 лет смертность не зафиксирована. Отсутствие плановой вакцинации в рассматриваемый период оставляло детское население беззащитными перед большим числом заразных инфекций, в том числе и корью.

Для болезни характерна весенне-зимняя сезонность, это связано с тем, что в холодное время чаще случаются переохлаждения организма, а также присутствует гипо- и авитаминоз, что ослабляет организм и способствует заболеваемости. Самым опасным считается период с ноября по май. В Армавире смертность в конкретный месяц и год отличалась, например в 1885 г. и 1895 г. больше детей умерло в апреле и мае, в 1890 г. число умерших распределилась примерно равномерно с апреля по август, а в 1892 г. с января по ноябрь.

Заболевание протекает тяжело, с подъемом температуры до 39–40⁰С, кашлем, насморком, появлением пятнисто-папулезной сыпи. При тяжелой форме наблюдается расстройство сознания, судороги, бред, одышка, цианоз. Смерть может наступить на 2–3 день лихорадочного периода. Тяжелым осложнением кори являются пневмонии, которые могут закончиться летальным исходом, а так же ларингиты, приводящие к развитию ложного крупа и асфиксии. Менингиты, полиневриты, коревой энцефалит чаще встречаются у взрослых.

Во время одной из эпидемий кори в 1895 г. была зафиксирована смерть 41 ребенка, самому младшему было 6 мес., самому старшему – 6 лет. Только за один месяц (апрель) умерло 15 детей, в мае еще 10 человек. Не редкими были случаи смерти нескольких детей в одной семье:

например, у одного из мещан Армавира в марте этого же года умерли от кори дети 2,5 и 5 лет [3, л. 186]. Высокая контагиозность кори (практически 100 %) не оставляла детям выбора.

Таким образом, в дореволюционный период среди инфекционных заболеваний, приводящих к смерти, одно из ведущих мест занимала корь. Решающим, доступным и эффективным методом борьбы с инфекцией является вакцинация. В соответствии с Национальным календарем профилактических прививок она проводится в возрасте: дети от 1 года до 18 лет (включительно) и взрослые до 35 лет (включительно), не болевшие, не привитые, привитые однократно, не имеющие сведений о прививках против кори; взрослые от 36 до 55 лет (включительно), относящиеся к группам риска. В случае контакта с больным корью вакцинация проводится всем лицам независимо от возраста, у которых нет достоверных сведений о сделанной ранее прививке против кори или перенесенной в прошлом кори. Детям до одного года вводится иммуноглобулин. Так как не существует этиотропного препарата для лечения кори – проведение вакцинации может служить лучшим способом превентивной борьбы с этим заболеванием. Отсутствие необходимых вакцин, иммуноглобулина и других препаратов, необходимых для лечения и профилактики болезни, делали эту болезнь в дореволюционный период смертельно опасной.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации Армавира (АОАА). Ф.55. Оп.1. Д.7.
2. АОАА. Ф.55. Оп. 1. Д. 2.
3. АОАА. Ф.55. Оп. 1. Д. 6.
4. АОАА. Ф.55. Оп. 1. Д. 7.
5. АОАА. Ф.55. Оп. 1. Д. 1.
6. АОАА. Ф.55. Оп. 1. Д. 2.
7. АОАА. Ф.55. Оп. 1. Д. 6.
8. АОАА. Ф.55. Оп. 1. Д. 8.
9. АОАА. Ф.55. Оп. 1. Д. 16.
10. Брико Н. И., Данилкина Б. К. Корь // Медицинская сестра. – 2002. – № 6.

11. Василенко В. Г. Медико-демографические показатели дореволюционного Армавира. – Армавир : Полипринт, 2012.
12. Ктиторов С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918). – Армавир: Скорина, 2002.
13. Кубанский сборник. Т. 14. – Екатеринодар, 1908.
14. Токарева Н. А. История глазами доктора. Хроника российского здоровья за 100 лет // Экология и жизнь. – 2004. – № 6 (41).
15. Цит. по Васильев К. Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. – М., 2001.
16. Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т.2. – Екатеринодар, 1913.
6. ADAMA.F.55. Op.1 D.2.
7. ADAMA.F.55. Op.1 D.6.
8. ADAMA.F.55. Op.1 D.8.
9. ADAMA.F.55. Op.1 D.16.
10. Briko N.I., Danilkina B.K. Measles// Staff nurse. 2002. № 6.
11. Vasilenko V. G. Health and demographic indicators of pre-revolutionary Armavir. – Armavir : Polyprint, 2012.
12. Ktitorov S. N. The history of Armavir (pre-Soviet period 1839–1918). – Armavir : Skorina 2002.
13. Kuban collection. V. 14. – Ekaterinodar, 1908.
14. Tokareva N. A. History through the doctor's eyes. Chronicle of Russian health over 100 years// Ecology and life. 2004. № 6 (41).
15. Quote by Vasylyev K. G. The history of epidemics and the fight against them in Russia in the XX century. – М., 2001.
16. Scherbina Ph. History of the Kuban Cossack Troops. In 2 vol. V. 2. – Ekaterinodar, 1913.

Bibliography

1. The archive department of Armavir municipal administration. (ADAMA).F 55. Op.1 D.7.
2. ADAMA.F.55. Op.1 D.2.
3. ADAMA.F.55. Op.1 D.6.
4. ADAMA.F.55. Op.1 D.7.
5. ADAMA.F.55. Op.1 D.1.

*© Василенко В. Г.,
Тютюнникова Е. Б.,
Арушанян Ж. А., 2019.*

УДК 008

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ УЗБЕКИСТАНА**Г. Р. Орифжонова**

*Докторант,
e-mail: gulirano.orifjonova@mail.ru,
ORCID 0000-0002-5790-716x,
Национальный институт художеств и дизайна
им. Камолiddина Бехзода,
г. Ташкент, Узбекистан*

HISTORY OF ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS OF UZBEKISTAN**G. R. Orifdjanova**

*Doctoral applicant (PhD),
e-mail: gulirano.orifjonova@mail.ru,
ORCID 0000-0002-5790-716x,
National Institute of Arts and Design
named after Kamoliddin Bekhzod,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article devoted to the history of ethnographic museum collections and classification of ethnographic collections of Uzbekistan in the system of museum specialties. Ethnographic collections can be found in various museums in Uzbekistan. Ethnographic collections are the most spread in the museums, such as: history, local history, art, literary museums, memorial museums, home museums, museums-reserve, historical and architectural ensembles. Ethnographic collections in these museums are mainly associated with ethnographic expeditions. Ethnographic collections are systematic collection of items that represent the culture of a particular ethnos or ethnic group. Ethnographic collection items are significant in the field of the museum, with preservation of ethnographic information. There are two types of ethnographic collections: material (household, economic, production and religious) reflecting the material culture of the ethnos and examples of non-material heritage (traditions, beliefs, ceremonies and folklore). Ethnographic collection artifacts have specific features, ethnos are important as a means of characterizing the culture.

Keywords: ethnography; ethnographic collections; ethnographic objects; museum; object; fund; exposition; expedition.

В фондах музеев Узбекистана есть множество этнографических коллекций, и лишь малая их часть представлена в музейных экспонатах. Этнографические коллекции отличаются от других музейных коллекций своим широким охватом. Многообразие этнографических коллекций напрямую тесно связано с этнографией. Поэтому, говоря об этнографических коллекциях музеев Узбекистана, сначала следует остановиться на понятиях этнографии и этнографической коллекции.

Этнография является дисциплиной, изучающая все народности мира, различные типы этнических единиц, их происхождение (этногенезис), образ жизни, обычаи, их различия или общность, а так-

же сходство между собой, их особенности независимо от уровня материального и духовного развития.

Этнос, является объектом этнографии, и дисциплины во всех сферах связанные с народом составляют объект её исследования. В неё входят:

- появление этноса на земле и её история;
- число этноса и ареал распространения;
- внешний вид представителей этноса;
- признаки языковой и религиозной принадлежности;
- основные формы традиционной культуры – хозяйственная деятельность, материальная культура (место обитания и жилье, одежда и пища);

- социальная культура: общественные институты (род, коллектив, семья и др.), морально-нравственные нормы и др.
- духовная культура: обряды в течение жизненного цикла (рождение, бракосочетание, кончина), сезонные обряды, убеждения и представления [6].

Этнографические коллекции – это выстроенные в определенную систему собрание предметов, выражающих культуру отдельного этноса или этнической группы. Предметы, относящиеся к этнографическим коллекциям, представляют большое значение для музея, так как хранят в себе этнокультурную информацию. Существует два вида этнографических коллекций: предметы, отражающие материальную культуру этноса (бытовые, хозяйственные, производственные и связанные с религией), а также образцы нематериального наследия (традиции, верования, обряды и фольклор). Артефакты этнографических коллекций обладают специфическими особенностями, представляют важное значение как средства характеризующие культуру, к которой принадлежит этнос.

Этнографические предметы воплощают в себе этнографические данные – свидетельства о культурных обликах свойственных к какому-либо этносу [3].

Этнографические коллекции музеев Узбекистана представляют большое значение своим многообразием цветов, разнообразием и многочисленностью. Сегодня в ряд музеев с богатыми этнографическими коллекциями можно включить Государственный музей истории Узбекистана, Государственный музей искусства Узбекистана, Государственный музей истории прикладного искусства и ремесленничества Узбекистана (Музей прикладного искусства Узбекистана), Государственный музей истории Тимуридов, а также краеведческие музеи во всех областях страны.

Процесс сбора этнографических коллекций в музеях Узбекистана датируется 1930–1941 годами. В этот же период были

сформированы этнографические фонды многих музеев. В этот период на территории Узбекистана и сопредельных республик было организовано большое количество экспедиций, и в музейные фонды были привезены предметы имеющие отношение к материальной культуре и быту народа. В результате эффективно организованных экспедиций свое место в сокровищницах музеев заняли богатые этнографические коллекции.

Государственный музей истории Узбекистана, Государственный музей искусства Узбекистана можно внести в число музеев, у которых этнографические коллекции формировались в результате экспедиций.

Л. Левтеева приводит следующие свидетельства по поводу накопления этнографических коллекций в Государственном музее истории Узбекистана:

«Музейный фонд, который был накоплен ближе к концу 1930-х годов, был собран во время экспедиций в Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан, а также зарубежные (Иран, Афганистан и другие) страны. В этнографическом фонде музея собрано около 90 коллекций, из которых более 16 тысяч предметов и вещей демонстрируют различные стороны жизни народов Центральной Азии. Также в нее входят предметы, принадлежащие бухарским евреям, дунганам и представителям других национальностей, составляющих меньшинство на этой территории. Коллекция включает в себя: одежду, образцы обуви, изделия вышивки и ковры, бытовые приборы и медь, железную посуду, сельскохозяйственное орудие и ювелирные украшения, ремесленное оборудование и др.» [2].

М. Круковская высказала следующее мнение по поводу истории формирования этнографических коллекций Государственного музея искусства Узбекистана:

«Если сказать, что время между 1935–1941 годами – был периодом сбора коллекций, то период между 1945–1952 года-

ми стал периодом научного описания и научной инвентаризации экспонатов.

Для научного освоения коллекций народного искусства Узбекистана, музей в широких масштабах привлёк этнографов, которые провели научно-исследовательские работы по следующим направлениям: М. А. Бикданова – по коллекциям ювелирного искусства, П. А. Гончарова – по образцам златошвейного промысла, С. С. Затворницкий – по изделиям чеканки, В. Г. Мошкова – по коврам, А. С. Морозова – по глиняным предметам, К. Писарчик – по тканям и вышивкам» [1].

Этнографические фонды некоторых музеев Узбекистана были сформированы в результате исканий и поисков ученых этнографов. Ольга Александровна Сухарева является одной из ученых-этнографов, изучавшая их научно и внесшая эффективный вклад для обогащения музейных фондов.

О. А. Сухарева, осуществлявшая свою деятельность в Самаркандском государственном музее с 1934 по 1946 годы, провела большую коллекционную работу, обогатила фонды музея редкими образцами народного искусства. Основным направлением научной работы О. А. Сухаревой является сбор и научная обработка вышивки и костюмов. Она разработала свою собственную методику для определения времени создания вышивки [5].

В Государственном музее истории Тимуридов существуют богатые этнографические коллекции. Собрание этнографических коллекций музея восходит ко времени основания музея. После объявления о создании музея, посвященного истории Амира Тимура и Тимуридов, многие коллекционеры передали в дар музею свои коллекции. Большинство этих коллекций составляют этнографические собрания. Этнограф-коллекционер Салтанат Сиддикова, коллекционеры Санобар Султонова и Рахима Шарафутдинова, проживающие в городе Ташкенте, обогатили фонд музея

собственными этнографическими коллекциями [4].

Этнографические коллекции Государственного музея истории Тимуридов состоят из глиняных предметов, образцов чеканки по металлу, фарфоровых изделий, доспехов, вышивок, различных украшений и орнаментов, одежды и тканей. Этнографические коллекции этого музея представляют большое значение своим многообразием цветов, и тем что, содержат коллекции, относящиеся не только к эпохе тимуридов, но также относящиеся и к другим историческим периодам.

В место заключения можно сказать, что в этнографических экспозициях воплощен образ жизни (быт), прошлое и настоящее народа. Ибо именно этнографические коллекции состоят из предметов, взятых из жизни народа. Поэтому роль этнографических коллекций в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма, уважения к нашим историко-культурным ценностям несравнимо велика.

Библиографический список

1. Круковская С. М. В мире сокровищ. – Т. : Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1982. – С. 21.
2. Левтеева Л. Дунган либослари ва такинчоклари // Санъат. – Тошкент, 2005. – № 3–4. – Б. 18.
3. Молчанова Н. В. Проблемы экспонирования этнографических предметов в музеях Российской Федерации / Маг. диссертация. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 17.
4. Темурийлар тарихи давлат музейи 15 ёшда / маъсул мухаррир: Н. Н. Ҳабибуллаев. – Т. : Akademnashr, 2011. – Б. 6 Темурийлар тарихи давлат музейи 15 ёшда / маъсул мухаррир: Н. Н. Ҳабибуллаев. – Т. : Akademnashr, 2011. – Б. 6.
5. Хасанова Ш., Қаюмов Р. Музей иши фидойлари // Мозийдан садо. – Тошкент, 2016. – № 4. – Б. 16.
6. Этнология (этнография): учебник для академического бакалавриата / под ред. В. А. Козьмина, В. С. Бузина. – М. : Издательство Юрайт, 2015. – 438 с. – Серия : Бакалавр. Академический курс.

Bibliograficheskij spisok

1. Krukovskaya S. M. V mire sokrovishh. – T. : Izdatel'stvo literatury` i iskusstva imeni Gafura Gulyam, 1982. – S. 21.
2. Levteeva L. Dungan liboslari va taqinchoqlari // San`at. – Toshkent, 2005. – № 3–4. – B. 18.
3. Molchanova N. V. Problemy` e`ksponirovanie e`tnograficheskie predmetov v muzeyax Rossijskoj Federacii / Mag. dissertaciya. – Sank-Peterburg, 2016. – S. 17.
4. Temurijlar tarixi davlat muzeji 15 yoshda / ma`sul muxarrir: N. N. Xabibullaev. – T. : Akademnashr, 2011. – B. 6 Temurijlar tarixi davlat muzeji 15 yoshda / ma`sul muxarrir: N. N. Xabibullaev. – T. : Akademnashr, 2011. – B. 6.
5. Xasanova Sh., Qayumov R. Muzej ishi fidoijlari // Mozijdan sado. – Toshkent, 2016. – № 4. – B. 16.
6. E`tnologiya (e`tnografiya): uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. V. A. Koz`mina, V. S. Buzina. — M. : Izdatel'stvo Yurajt, 2015. – 438 s. – Seriya : Bakalavr. Akademicheskij kurs.

© Орифжонов Г. Р., 2019.

УДК 930.85

ОТНОШЕНИЕ К ВОПРОСАМ ДОГМЫ ВО ВРЕМЕНА СПОДВИЖНИКОВ**Х. Сагдиев***PhD, вр. и. о. доцента,
Международная исламская
академия Узбекистана,
Ташкент, Узбекистан***ATTITUDES TOWARDS DOGMA ISSUES AT THE TIME OF THE COMPANION****Kh. Sagdiev***PhD, assistant professor,
International Islamic Academy of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The paper gives information about the early stage of the development of the dogmatic theology in the period of the companions of the Prophet Muhammad. In particular, it includes information about the disagreement between the companions on the legal and theological issues. Besides, the views of the companions on the dogmatic theology were analyzed.

There are 10 fundamental issues that have been the subject of heated debate among Islamic theologians of the Middle Ages. Approaches to these issues are comparatively analyzed from the point of view of modern Islamic studies. Actual conclusions have been developed on some of the fundamental problems concerning the differences between modern Islamic trends and schools.

Keywords: “ilmu-l-acauid”; disagreements; companions of righteous caliphs; dogmatic theology; legal theology.

Изучая историю шариатских наук в исламе можно убедиться, что догматическое богословие (*илму-л-`акаид*) появилось в VIII веке в период активного становления догматико-правовой системы. Несмотря на это, еще во времена Пророка Мухаммада среди мусульманской общины поднимались некоторые вопросы, связанные с догмой ислама, и были случаи дискуссий на эту тему.

Примером этому служит дискуссия между сподвижниками на тему предопределения. Узнав о том, что сподвижники спорят по этому поводу, Пророк Мухаммад разозлился и предостерег их, напоминая, что прежние общины сошли с истинного пути по причине столкновения одних священных слов Аллаха с другими. Он отметил, что аяты Корана подтверждают друг друга и призвал сподвижников соблюдать те из них, которые им ясны (*мухкамат*), а также уверовать в те из них, которые считаются неясными (*муташабихат*) [18:77]. После этого предупрежде-

ния, сподвижники не входили в дискуссии в области догмы.

После смерти Пророка Мухаммада, сподвижники придавали больше внимания практическим деяниям, а в вопросах догмы не разглагольствовали. Если они сталкивались с новыми явлениями, то обращались к Корану и хадисам Пророка. А если же, не находили ответы в этих священных источниках, то придавались к аналогии, которую они видели во времена жизни Пророка. Касательно тех вопросов на которые они не находили ответов в предыдущих источниках, иногда прибегали к собственному суждению (*ар-ра`й*), а часто обращались к совету (*шура`*, *маслаха*), представляющему интересы общины мусульман.

Что касается вопросов догматического характера, то после запрета Пророком темы о предопределении, сподвижники не возвращались к дискуссиям вероучения.

Известный богослов Абу-ль-Хасан Аш`ари в своем произведении «Макалатуль-исламиин» говорит: «Сподвижники, во

времена Пророка, даже после его смерти были объединены единым убеждением и находились на истинном пути. Разногласий между ними не было. Только лишь в познании дошедших до них аятов, из Корана и хадисов от Пророка, обращались друг к другу. Если не находили ответы на свои вопросы в Коране или сунне, возвращались к высказанным словам своих братьев по религии и принимали их благонаправленным образом» [10: 1, 34].

Историк Такиюддин Макризи (1364–1442) утверждает, что, изучая хадисы Пророка, и деятельность праведных предшественников (*салафу-с-салихун*), а также несмотря на разнообразия степени и количества сподвижников, будь это достоверным или слабым сообщением, ни один из них не задавал вопросов о значении атрибутов и сущности Аллаха, которые были описаны в Коране и Сунне Пророка. Все они понимали значение, приведенных текстов и воздерживались что-либо говорить по данному вопросу. Никто из них не пытался различать атрибутов сущности и действия Аллаха. Все они придавали Аллаху такие извечные атрибуты как: знание (*илм*), мощь (*кудра*), жизнь (*хайат*), желание (*ирада*), слух (*сама`*), зрение (*басар*), речь (*калам*), величие (*джалал*), великодушие (*икрам*), щедрость (*джувд*), дарение (*ин`ам*), почитание (*`изза*) и подтверждали их одинаково. Точно таким же образом, сподвижники признавали лик (*ваджх*), руки (*йад*) и другие атрибуты Аллаха, о которых Он сам поведал, не придавая им образа своих творений. Они подтверждали эти атрибуты, не отрицая и не придавая им образа. Кроме этого, ни один из них не приводил в качестве довода в единственность Аллаха и пророчества Мухаммада ничего, кроме Корана. Никто из них не знал ни методов поборников схоластической теологии (*мутакаллимы*), ни философских вопросов. Эпоха сподвижников прошла, согласно этим основам [21: 3, 420].

Тематика догмы в период праведных халифов, оставалась такой же, как во времена жизни Пророка. Среди сподвижников возникали некоторые разногласия, не связанные с вопросами догмы. Эти разногласия были в вопросах практики, то есть юридического богословия (*иджтихад*). Хотя некоторые утверждали, что эти разногласия юридического богословия, отчасти влияли на темы догматической теологии.

Разногласия же, возникавшие между сподвижниками в области юридического богословия, можно разделить на 2 типа:

1. В тех вопросах, которые не стали поводом для девиза вероучения какой-либо группы;

2. В тех вопросах, которые стали поводом для обвинения некоторых сподвижников, а также послужили доводом и девизом для какой-либо группы [10: 1, 35].

Рассматривая эти разногласия в юридическом богословии, можно перечислить нижеследующие вопросы: И **первый** из них, был по поводу возможного письма Пророка. Бухари доводя цепочку до ибн Аббаса передает: *«Когда (предсмертные) страдания пророка, да благословит его Аллах и приветствует, усилились, он сказал: – Принесите мне (принадлежности для) письма, и я напишу для вас то, благодаря чему вы не собьётесь с правильного пути»* (Бухари-114) [2: 41].

И тогда между сподвижниками появилось разногласие: достаточно ли им будет написанного письма Пророка, или же все-таки им нужно будет обращаться к Корану и Сунне. Став свидетелем этой ситуации Умар ибн Хаттаб осведомил, что болезнь, которая пришла к Пророку, протекает тяжело и выразил свое мнение, что достаточно им лишь Корана. Дискуссия привела к шуму и гаму, на что пророк сказал: *«Оставьте меня, не следует спорить в моём присутствии!»* (Бухари-114) [2: 41].

Комментируя слова Пророка, приводится другой хадис от Аишы, где она говорит: *«Болея Посланник, да благословит*

его Аллах и приветствует, сказал: *«Позови ко мне Абу Бакра, твоего отца, и твоего брата, чтобы я написал [завещание], ибо, поистине, я боюсь, что [найдутся] желающие и кто-нибудь скажет: «Я более достоин», но Аллах и верующие отвергнут [любого], кроме Абу Бакра»*. (Муслим-2387) [11: 1051] Известный мухаддис Мухиддин Навави, комментируя приведенный Муслимом ибн Хаджаджом хадис, отмечает что, то письмо, которое хотел написать Пророк во время своей болезни, было приурочено к избранию халифом Абу Бакра [19: 15, 155–156].

Второе разногласие связано со смертью Пророка, после которого некоторые сподвижники пришли в замешательство о том, жив ли он или умер. Дело дошло до того, что даже Умар ибн Хаттаб стал твёрдо утверждать: *«Если кто-либо из Вас скажет, что Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, умер, того я зарублю своим мечом»*. [3: 1, 143-144] Выход Абу Бакра к дискусирующим и прочтение 144-аята суры «Семейство Имрана», вернуло всех в чувство. Тогда Умар ибн Хаттаб, тоже придя в себя, прочитал 30-аят суры «аз-Зумар» (Толпы), а также 34-аят суры «аль-Анбийя» (Пророки).

Третье разногласие между сподвижниками возникло по поводу места захоронения Пророка. Мекканские мухаджиры утверждали, что его нужно похоронить в Мекке, по той причине, что он там родился, да и пророчество к нему начали ниспосылаться там же. Кроме всего прочего – это тот город, который является кыблой для всех мусульман и там похоронен прадед посланника, Пророк Исмаил.

На что мединские ансары ответили, что тело Пророка Мухаммад нужно похоронить в Медине, в которую он сделал хиджру (*переселение*) и где Аллах даровал ему победу ислама.

Среди сподвижников были и те, которые придерживались мнения о захоронении тела Пророка в Иерусалиме, где находится могила Авраама (Ибрагим) и

других пророков, а также было совершено перемещение (*исра*), а после и вознесение Мухаммада к Аллаху [9: 12].

Абу Бакр и в этом вопросе тоже проявил мудрость и привел довод от Мухаммада о захоронении тел пророков: *«Поистине, тела пророков хоронят в тех местах, где была взята их душа»* (Тирмизи-1018) [4: 2, 327–328].

После этих доводов все сподвижники пришли к единому мнению и похоронили тело Пророка в комнате Аишы.

Четвёртое разногласие связано с войском, высылаемым против византийской империи, во главе которого Пророк, до своей болезни, назначил Усаму ибн Зейда. Болезнь Пророка усугубилась, и поход войска был приостановлен. Сам же Пророк перед своей кончиной резко осудил тех людей, которые не были согласны с назначением столь молодого сподвижника во главе войска [12: 155–169; 17: 93–97].

После смерти Пророка, между сподвижниками началось разногласие о высылке войска во главе с Усамой ибн Зейда. Так как, высылая войска в столь дальний поход, мусульмане останутся ослабленными и к тому же было опасение о восстании многих арабских племен. Абу Бакр веря, в пользу приказов Пророка решительно настоял на походе войска. В походе этого войска была стратегия наведения страха на те арабские племена, которые могли решиться на восстание.

Причиной **пятого** разногласия стал отказ от уплаты подушной подати (зякет) некоторых арабских племён, после смерти Пророка. Сподвижники разделились на две группы в этом вопросе и первые из них решили не сражаться с такими племенами, а вторые утверждали обратное.

Во главе первой группы сподвижников стоял Умар ибн Хаттаб и в качестве довода не вступать в сражение с этими племенами, привел слова Пророка где сказано: *«Мне было велено сражаться с людьми пока они не произнесут: «Ла илаха илла-Аллах» (нет никого достойного поклоне-*

нии, кроме Аллаха). Если засвидетельствуют эти слова, то уберегут от меня свою жизнь и имущество» (Бухари-1399) [2: 339].

Во главе группы сподвижников, которые требовали сражения был Абу Бакр. Комментируя вышеприведенный хадис, на который опирались оппоненты и тем самым приводя опровержение им, Абу Бакр сказал: «Разве Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, не сказал в хадисе: «Кроме соблюдения его (Аллаха) прав»? Разве выстаивать молитву и выплачивать подушную подать (зякет), не из прав Аллаха? Клянусь Аллахом, если они не разумеют и не будут выплачивать то, что они давали Посланнику, да благословит его Аллах и приветствует, стану с ними сражаться до конца». (Бухари-1456) [2: 354] После этого, разногласия прекратились. Но его отголосок продолжился после эпохи сподвижников и стал отправной точкой для полемики среди мусульман о том, считаются ли деяния условием веры (иман).

Шестое разногласие связано с вопросом имамата (правления) после смерти Пророка. Это разногласие остается актуальным в исламской общине и по сей день. Ерисограф Шахристани утверждает: «Самое большое разногласие среди общины [Мухаммада] вызывала тема имамата. Поэтому что, ни по одному из религиозных вопросов в исламе столь часто не обнажался меч, кроме как правление мусульманами» [9: 13].

После смерти Пророка, мединский род Бани Саида собрал совещание по поводу имамата и выразил мнение о том, что, должен выбираться один эмир (*правитель*) из ансаров (*мединские мусульмане*), и один эмир из мухаджиров (*мекканские мусульмане*). Таким образом ансары выбрали себе эмиром Са`да ибн Убаду. Подоспевшие к совещанию Абу Бакр и Умар ибн Хаттаб привели в качестве опровержения действиям ансаров, слова Пророка: «*Правление (имамат)* назначается из

[племени] курайшитов» и тем самым прекратили разногласие. (Ахмад-13238) [15: 5, 526] После чего, большая часть мухаджиров и ансаров дали присягу Абу Бакру. Присягу не дали только несколько людей из племени Хашима, Абу Суфьян из племени Умейя и Али ибн Абу Талиб, который был занят похоронами Пророка. [10: 7, 39] Изначально считавшееся юридическо-богословское разногласие, с окончанием эпохи сподвижников, перекавалифицировалось в дискуссию догматического характера среди течений и групп ислама.

Седьмое разногласие среди сподвижников развернулось вокруг дела «Фадак» [материальное наследство], оставленного Пророком. Довод Абу Бакра приведенный из слов Пророка: «*Наше имущество не может быть унаследовано, а то, что мы оставили, есть садака (милостыня)*» (Бухари-3093) [2: 762] решил все недоразумения среди сподвижников.

Уместно будет вспомнить историю, которая не связана с разногласиями между сподвижниками, но затрагивает тему догматического богословия, которая произошла во времена правления Умар ибн Хаттаба. Она связана с беседой между Умаром ибн Хаттабом и человеком по имени Субайга ибн Асал. После вестей, дошедших до Умара ибн Хаттаба о том, что Субайга ибн Асал затрагивает аяты муташахат (*неясные*), он вызвал к себе «зачинщика», после чего предпринял меры взыскания и приказал покинуть Медину. Высылая Субайгу ибн Асала из Медины в Йемен, Умар ибн Хаттаб написал письмо своему наместнику региона, Абу Мусе Аша`ри, о том, чтобы никто не беседовал со Субайгой ибн Асалом. [5: 252–255; 18: 50–51] После решительных мер, предпринятых Умаром ибн Хаттабом, в источниках больше не наблюдается случаев обсуждения аятов муташахат в период сподвижников.

Помимо этого, ученый ибн Таймия [в отношении которого имеются разные про-

тиворечивые мнения], приводит историю о догматическом пререкании между Умаром ибн Хаттабом и вором. Когда правитель хотел наказать последнего, тот в качестве отговорки ссылался на предопределение, но получил ответ в том же духе [7: 3, 234].

Восьмое разногласие связано с предложением Умара ибн Хаттаба о назначении халифа, из числа названных им сподвижников, путем совета. (Бухари-3700) [2: 910–912].

Следом идет **девятое** разногласие, связанное с трагической смертью Усмана ибн Аффана [14: 341–439].

Десятое разногласие связано с присягой Али ибн Абу Талибу, а также с участниками битв «Джамал» и «Сиффин» [13: 235–262, 503–658] Несмотря на то что, вышеназванные битвы, проходившие среди сподвижников, оценивались ими, как результат юридическо-богословских разногласий, спустя определенное время в догматических произведениях, приписываемых эпонимам школ суннитского направления, вопрос выхода против правителя (*бугат* – притеснения) стал квалифицироваться как одна из тем вероубеждения.

В исламских исторических источниках приводится сообщение о том, что в период своего правления у Али ибн Абу Талиба была беседа с иудеем на догматическую тему, о сущности Аллаха [8: 7, 237] Помимо этого, в шиитских источниках приводится информация об обмене мнениями Али ибн Абу Талиба со старцем по поводу вопросов предопределения [16: 7].

Кроме этого, во времена правления Али ибн Абу Талиба открыто начал свою деятельность один из основателей [по мнению суннитов] шиитского направления, йеменский иудей Абдулла ибн Сабаъ. Последующий своими верованиями об «аль-васая» (наследие) и «ар-раджа» (возвращение) стал обожествлять личность Али ибн Абу Талиба. В результате чего, Али предпринял решительные меры в отношении Абдуллы ибн Сабаъ, чтобы

среди общины не возникали новые смуты. Итогом этих мер стала высылка Абдуллы ибн Сабаъ в город Мадейн (город у реки Тигр) [22: 1, 51; 6: 57–58; 20: 20].

После правления Али ибн Абу Талиба, во времена последних (молодых) сподвижников, Абдуллы ибн Умара, Джабира ибн Абдуллы, Абу Хурейры, Абдулла ибн Аббасс, Анаса ибн Малика и Абдуллы ибн Авфа появились первые представители кадаритов такие как, Ма`бад ибн Халид аль-Джухани, Гайлан ибн Маслама Димашки и Джа`д ибн Дирхам, которые проповедовали концепцию свободы человеческой воли. Сподвижники отреклись от кадаритов и запретили с ними здороваться, участвовать в их похоронах и посещать во время болезни [1: 19–20].

Нужно отметить, что ни в эпоху праведных халифов, ни во времена последних сподвижников, не считая юридическо-богословских разногласий, не наблюдалось явных разночтений между праведными предшественниками в вопросах догматического богословия.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать что, во времена сподвижников между ними не проходило очевидных полемик по основным догматическим вопросам. Разногласия же между сподвижниками возникали в юридическо-богословских вопросах, которые не могли играть роль источника для догматического богословия.

Кроме этого, сподвижники не возвращались к методам сталкивания одних аятов Корана с другими в вопросах догмы, после пресечения Пророка. Помимо этого, приводя доводы из Корана и сунны на догматические вопросы, сподвижники не вдавались в аллегорическое толкование священных текстов. Некоторые юридическо-богословские разногласия, произошедшие между сподвижниками по истечении времени, в эпоху эпонимов суннитского направления, стали рассматриваться, как догматическо-богословские вопро-

сы и позже отразились в приписываемых им произведениях.

Подытоживая вышесказанное мнение, нужно учесть, что, изучая краеугольные темы догматического богословия такие как: сущность Аллаха, Его ангелов, Его книг, Его пророков, судного дня и предопределения не надо вдаваться в аллегорическое толкование текстов Корана и сунны, а также придерживаться пути сподвижников и праведных предшественников, что дает возможность уйти от различных пуганиц, бесполезных пререканий и бесплодных итогов.

Библиографический список

1. Абду-ль-Кахир ибн Тахир ибн Мухаммад аль-Багдади. Аль-Фарк байна-ль-фирак. – Бейрут: аль-Мактабату-ль-асрия, 1995.
2. Абу Абдулла Мухаммад Бухари. Сахиху-ль-Бухари. – Дамаск: Дар ибн Касир, 2002.
3. Абу Джа`фар Ахмад Табари. Ар-Рийазу-назира фи манакиби-л-аш`ара. – Бейрут: Дару-ль-кутуби-ль-`илмия, 1984.
4. Абу Иса Мухаммад ибн Иса Тирмизи. Аль-Джами`у-л-кабир. – Бейрут: Дару-л-гарби-л-исламия, 1996.
5. Абу Мухаммад Абдулла Дарими. Муснаду-д-Дарими. – Эр-Рияд: Дару-л-мугни, 2000.
6. Абу Мухаммад Хасан ибн Муса Наубахти. Фираку-ш-шиа. – Бейрут: Маншурати-р-риза, 2012.
7. Абу-ль-Аббас Такиуддин ибн Таймия. Минхаджу-с-суннати-н-набавия. – Эр-Рияд: Джмиа`ту-ль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1986.
8. Абу-ль-Касим Али ибн Асакир. Тарих мадина Димашк. – Бейрут: Дару-ль-фикр, 1995.
9. Абу-ль-Фатх Мухаммад ибн Абдулькарим Шахристани. Аль-милал ва-н-нихал. – Бейрут: Дару-ль-кутубу-ль-`илмия, 1992.
10. Абу-ль-Хасан Аш`ари. Макалату-ль-исламийин. – Бейрут: Аль-мактабату-ль-`асрия, 1990.
11. Абу-ль-Хусайн Муслим ибн Хаджджадж. Сахих Муслим. – Эр-Рияд: Дару-с-салам, 2000.
12. Али Мухаммад Саллаби. Аль-Халифату-ль-аввал Абу Бакр Сиддик шахсия ва асруху. – Бейрут: Дару-ль-ма`рифа, 2009.
13. Али Мухаммад Саллаби. Асмау-ль-маталиб фи сира амири-ль-му`минин Али ибн Аби Талиб. – Шаржа: (ОАЭ): Мактабату-с-сахаба, 2004.
14. Али Мухаммад Саллаби. Тайсиру-ль-кариму-ль-маннан фи сира Усман ибн Аффан. – Каир: Дару-т-тавзи` ва-н-нашру-ль-исламия, 2002.
15. Ахмад ибн Ханбал. Муснаду-л-имам Ахмад ибн Ханбал. – Бейрут: Дару-л-кутуби-л-`илмия, 2008.
16. Ахмад ибн Яхья Муртаза. Китабу-ль-муния ва-ль-амал фи шарх китаби-ль-милал ва-н-нихал. – Хайдарабад: Даирату-ль-ма`ариф, 1898.
17. Большаков О.Г. Рождение и развитие ислама и мусульманской империи (VII–VIII вв.). – М: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.
18. Джалалиддин Суюти. Савну-ль-мантик ва-ль-калам. – Каир: Дару-н-наسر, 1970.
19. Мухиддин Навави. Сахих Муслим би шархин-Навави. – Каир: Аль-Матбау-ль-Мисрия бил-Азхар, 1930.
20. Са`д ибн Абдулла Аби Халаф Аш`ари Кумми. Китабу-ль-макалат ва-ль-фирак. – Тегеран: Матбуат Хайдари, 1922.
21. Такиуддин Ахмад ибн Али Мукриси. Аль-мав`из ва-ль-и`тибар би зикри-ль-хитати ва-ль-асар. – Каир: Мактаба мадбула, 1998.
22. Encyclopaedia of Islam. 2 ed. – Leiden: E. J. Brill, 1986. – V. 1, S. 51.

Bibliograficheskij spisok

1. Abdu-l-Kaxir ibn Taxir ibn Muxammad al-Bagdadi. Al-Fark bajna-l-firak. – Bejrut: al-Maktabatu-l-asriya, 1995.
2. Abu Abdulla Muxammad Buxari. Saxihu-l-Buxari. – Damask: Dar ibn Kasir, 2002.
3. Abu Dzha`far Axmad Tabari. Ar-Rijazu-n-nazira fi manakibi-l-ash`ara. – Bejrut: Daru-l-kutubi-l-`ilmiya, 1984.
4. Abu Isa Muxammad ibn Isa Tirmizi. Al-Dzhami`u-l-kabir. – Bejrut: Daru-l-garbi-l-islamiya, 1996.
5. Abu Muxammad Abdulla Darimi. Musnadu-d-Darimi. – E`r-Riyad: Daru-l-mugni, 2000.
6. Abu Muxammad Xasan ibn Musa Naubaxti. Firaku-sh-shia. – Bejrut: Manshurati-r-riza, 2012.
7. Abu-l-Abbas Takiuddin ibn Tajmiya. Minxadzhu-s-sunnati-n-nabaviya. – E`r-Riyad: Dzhmia`tu-l-imam Muxammad ibn Saud al-islamiya, 1986.
8. Abu-l-Kasim Ali ibn Asakir. Tarix madina Dimashk. – Bejrut: Daru-l-fikr, 1995.
9. Abu-l-Fatx Muxammad ibn Abdul`karim Shaxristani. Al-milal va-n-nixal. – Bejrut: Daru-l-kutubu-l-`ilmiya, 1992.
10. Abu-l-Xasan Ash`ari. Makalatu-l-islamijin. – Bejrut: Al-maktabatu-l-`asriya, 1990.
11. Abu-l-Xusain Muslim ibn Xadzhdzhadzh. Saxix Muslim. – E`r-Riyad: Daru-s-salam, 2000.

12. Ali Muxammad Sallabi. Al`-Xalifatu-l`-avval Abu Bakr Siddik shaxsiya va asruxu. – Bejrut: Daru-l`-ma`rifa, 2009.
13. Ali Muxammad Sallabi. Asmau-l`-matalib fi sira amiri-l`-mu`minin Ali ibn Abi Talib. – Sharzha: (OAE`): Maktabatu-s-saxaba, 2004.
14. Ali Muxammad Sallabi. Tajsiru-l`-karimu-l`-mannan fi sira Usman ibn Affan. – Kair: Daru-t-tavzi` va-n-nashru-l`-islamiya, 2002.
15. Axmad ibn Xanbal. Musnadu-l-imam Axmad ibn Xanbal. – Bejrut: Daru-l-kutubi-l`-ilmiya, 2008.
16. Axmad ibn Yax`ya Murtaza. Kitabu-l`-muniya va-l`-amal fi sharx kitabi-l`-milal va-n-nixal. – Xajdarabad: Dairatu-l`-ma`arif, 1898.
17. Bol`shakov O.G. Rozhdenie i razvitie islama i musul`manskoj imperii (VII–VIII vv.). – M: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015.
18. Dzhahaliddin Suyuti. Savnu-l`-mantik va-l`-kalam. – Kair: Daru-n-nasr, 1970.
19. Muxiddin Navavi. Saxix Muslim bi sharxi-n-Navavi. – Kair: Al`-Matbau-l`-Misriya bi-l`-Azzar, 1930.
20. Sa`d ibn Abdulla Abi Xalaf Ash`ari Kummi. Kitabu-l`-makalat va-l`-firak. – Tegeran: Matbuat Xajdari, 1922.
21. Takiuddin Axmad ibn Ali Mukrizi. Al`-mav`iz va-l`-i`tibar bi zikri-l`-xitati va-l`-asar. – Kair: Maktaba madbula, 1998.
22. Encyclopaedia of Islam. 2 ed. – Leiden: E. J. Brill, 1986. – V. 1, S. 51.

© Сагдиев X., 2019.

UDC 94(47)

**THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS
OF RUSSIA WITH EUROPEAN COUNTRIES AND THE USA
IN THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

A. G. Kholliiev

*PhD, assistant professor,
ORCID 0000-0002-3365-7979,
e-mail: azizbekholliiev@gmail.com,
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. In this article the main directions of development of economic relations of Russia with the countries of Europe and the USA in the end of the XIX – the beginning of the XXth century are considered. Special attention is paid to such questions as attraction of western investments into economy of Russia and also development of trade relations with these countries.

Keywords: Russia; economic relations; foreign trade; foreign investments; loans; European countries; the USA; export; import.

During the considered period Russia was integrated into processes of world history. The geopolitical position of Russia predetermined its participation in worldwide policy. On power of the financial capital it conceded to "Big Four", that is England, the United States of America, France and Germany.

In the beginning of 90s years of the XIXth century Russia was faced with a problem of creation of the modern industry and a raising of agricultural industry. However the country had no opportunity for the simultaneous solution of both tasks.

The Russian industrial and financial capitalism had noticeable particularity. From the economic point of view one of the main features was that Russia much more imported the capital, than took out it, and the state played a special role in import.

Industrial jump in the 90th years, consolidation of finance and introduction of gold ruble though strengthened the Russian economy, but did not allow it to compete on equal terms to the western countries in fight for the world markets yet.

The union with France provided access to the Parisian money market which became the

main source of external loans of the imperial government. Means for creation of the state-private sector of economy abroad in the form of banks, railway and other joint stock companies etc. were scooped from it.

Russia supported as the active participant of the struggle for economic and in particular the political partition of the world. At the same time Russia was a subject to capital investments of richer and developed countries – France, Germany, England and some other.

In the end of the XIXth – beginning of the XXth century the Russian foreign trade developed in high tempo, not being inferior to growth of the world market. From 1894 to 1913 its total turnover grew more than twice. However its specific weight in world trade increased during that time slightly (from 3.2 to 3.6 %) [6, p. 14–18].

By volume of foreign trade Russia conceded to England, Germany, the United States and France.

About a state of foreign trade of Russia it is possible to judge by the following table [1].

The total annual turnover of foreign trade of Russia and some countries of the world for 1909–1913 (million rubles)					
Countries	1909 y.	1910	1911	1912	1913
United Kingdom *	8617	9496	9747	1058	1119
Germany *	7001	7507	8247	9097	9662
USA	5777	6411	6945	7490	8351
France *	2413	7842	2996	3300	3084
Holland *	4373	4642	4774	-	-
Belgium *	1993	2075	2202	2477	2420
Russia	2038	2257	2451	2507	2706
British India	2334	2533	2753	2691	2900
Austria-Hungary *	1916	2088	2170	2305	2322
Italy	4486	5028	5304	5648	5815

Source: Статистический ежегодник на 1914 г. / под ред. В. И. Шараго. СПб., 1914. С. 817. (The statistical year-book of 1914. / edited by V. I. Sharago. – SPb., 1914. P. 817.)

* Data on special import and export include the rest minus transit, import for further processing, etc.

Russia in the end of the XIXth – beginning of the XXth century still delivered abroad mainly agricultural goods to which share fell to a half of total amount of the Russian export.

The structure of the Russian import to that period generally also remained without changes. Cars, cotton, wool, tea, chemical products and coal were its largest articles. In process of growth of own industry the need for import of industrial goods decreased, and before war the greatest dependence of the Russian market from abroad was observed concerning machines and the equipment, machines, chemical products and some products of non-ferrous metallurgy.

The Russian foreign trade suffered from a number of essential shortcomings which during the considered period got rid slowly and gradually. So, its foreign trade could not rely on large-scale capital export. The small number of the Russian merchant marine was as one of shortcomings. The capital scarcity complicated the financing of trade opera-

tions, the organization of transportations and storage of goods.

Weaknesses of the Russian foreign trade was partly compensated by aggressive backing of the state – protectionist customs tariffs, export bounties and so forth.

The Government of the Russian Federation attached great value to development of foreign trade, in particular export. The sums received as a result of excess of export over import allowed to have the active balance of payments and served as "one of the most powerful factors of economic progress" [8, p. 313]. Really, only in a decade – from 1904 to 1913 – the foreign trade turnover poured about 3.2 billion rubles in the national economy of the country.

For Russia, which took the road of industrialization, the need for creation of protecting customs barriers was acute want. In 1891 the Russian government entered the foreign trade tariff with unprecedented height of customs rates.

In 1893 the tariff of 1891 remained only for the countries which are most favoring to Russia; for the others extra charges affected 30 % for finished products and 20 % for semi-finished products. In 1900 duties on luxury goods were increased [10, p. 127].

In the beginning of the XX century the tariff was reconsidered and on January 13, 1903, after the approval by the emperor, received law force.

Taxes were considerably raised for 91 items from 218 items of the former tariff. The growth of rates first of all concerned chemical products, cars, machines, ferrous and non-ferrous metals and products from them. The new tariff meant continuation and strengthening of the former protectionist course of the government.

Acceptance of a new tariff was closely connected with preparation for reconsideration of the conventional commercial treaties concluded in the nineties of the 19th century.

The central place in the system of trade agreements of Russia was taken by the contract with Germany.

The Russian-German commercial treaty was signed on February 10, 1894 in Berlin for a period of 10 years. According to its conditions, Russia refused the autonomous customs tariff and reduced duties on the German industrial goods on 18–65 % in comparison with a tariff of 1891. Germany, in turn, extended to Russia the reduced rate established in 1891 in commercial treaties of Germany with some countries that meant lowering of the rates for 15–33 % in comparison with a normal tariff. Besides, the contract extended most-favored-nation principle to both parties [9, p. 166].

The Minister of Finance S. Witte was responsible for negotiations on new trade agreements with Germany and other countries.

Severe negotiations assumed the lingering character. In June, 1903 the parties exchanged requirements on customs rates which were submitted in the maximum size.

Two rounds of negotiations – in July – August in St. Petersburg and in November in

Berlin – did not lead to a compromise. High level of the German grain duties and the Russian customs rates on industrial goods remained as a stumbling block.

However the inflexibility of the parties in such situation led to tariff war that was desired by neither Russian, nor German governments. Negotiations showed to Witte inevitability of recognition of the "minimum" grain duties. By the end of 1903 the main attention of the Russian party had already focused on equivalent compensations for its recognition that should be put negotiations on the real ground.

The war that began in 1904 with Japan had worsened positions of Russia in negotiations. It complicated foreign policy position of the country, aggravated its need in loans including in the German money market. Perhaps faster agreement became relevant and, besides it gained economic, political and financial markings. The German government also sought to the fast completion of negotiations, but under the observance of its "agricultural interests".

On July 15 (28), 1904 Witte and Byulow signed the additional convention to the treaty of 1894 which issued the reached agreement in Berlin. The convention for a period of 12 years came into force in a year after ratification.

The Russian delegation achieved the recognition of the basic principle on that it insisted – maintaining balance in customs taxation. If Germany considerably raised taxes on the Russian grain (except for barley) and live stock breeding products, then Russia, in return, in not a smaller size lifted duties on many German goods, first of all metals and metal products, cars and chemical products. Witte received consent to placement of the Russian loan of 500 million marks in the German market. Witte, under the existing ratio of forces, perhaps, had achieved a maximum of possible.

The conclusion of a number of new trade agreements followed after German treaty. Those tariff contracts – Russian-French 16 on September (29), 1905, Russian-Austrian 2

on February (15), 1906 and Russian-Italian 15 on June (28), 1907 – were considered as some kind of addition to the main treaty – Russian-German.

Russia most of all was involved in commodity turnover with developed, mainly in European countries. The considerable part of

the Russian export and import in the years preceding world war was the share of the European countries.

The characteristic feature of the Russian foreign trade consisted in affection for traditional addressees.

The Russian export on countries of destination on average in the five-years for 1899–1913 [2]

	1899–1903		1904–1908		1909–1913		1913	
	Mln. rubles	%	Mln. rubles	%	Mln. rubles	%	Mln. rubles	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Germany	193,	2	269,0	25	435,1	2	453,	2
Great Britain								
Holland	81,4							
France	61,9		68,1		94,5			
Iran	22,7		28,0		45,1		57,7	
Belgium	28,0		40,3		62,0		64,7	
Italy	41,6		46,4		64,4		73,8	
Austria-Hungary	31,1		44,6		63,4		65,3	
China and	11,1		32,4		26,0		31,5	
Denmark	22,3		29,2		34,7		36,4	
Turkey	17,5		19,7		31,0		35,0	
Romania	10,8		12,8		20,5		21,7	
USA	6,6		5,0		13,3		14,2	
Sweden	10,4		9,1		10,1		11,4	
Norway	6,7		7,2		7,2		6,7	
Other countries	40,2		48,7		55,0		45,9	
Finland	39,9		46,2		50,6		55,3	
Total								

Source: Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1914 г. Ia., 1915. С. III. (The review of foreign trade of Russia on the European and Asian borders for 1914. Ia., 1915. Page III.)

The Russian import over the countries of departure on average in the five-years for 1899–1913 [3]								
Countries	1899–		1904–1908		1909–1913		1913	
	Mln. rubles	%	Mln. rubles	%	Mln. rubles	%	Mln. rubles	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Germany	22							
Great Britain	11							
China								
USA								
France								
Iran								
India								
Austria-								
Holland								
Italy								
Japan			9,1		4,7		4,8	
Sweden			7,6					
Turkey			7,3					
Egypt					7,4		5,9	
Denmark			6,4		8,5			
Norway			7,5		8,8		9,8	
Other								
Finland								
Total:								

Source: Обзор внешней торговли России по Европейской и Азиатской границам за 1914 год. – Пг., 1915. Ч. 1. С. V. (The review of foreign trade of Russia on the European and Asian borders for 1914. – Pg., 1915. Ch. 1. Page V.)

As well as after the contract of 1894, the German industry got the slight gain not in export growth of the capital, but in expansion of export of goods. In the economic relations between Russia and Germany export of goods the farther, the more dominated over export of the capitals.

Grain (over a half of all quantity of grain exported by Russia) was on the first place from among the Russian goods which were taken out to Germany. In big sizes also cakes, bran, eggs, the wood, a flax, rawhide, oil products, manganese ore, furs, etc. were exported.

The Russian export consisted of agricultural products more and more. That unilaterality of Russian export was its weakness.

Import value from Germany grew much quicker, than the value of the Russian export there. Germany played a crucial role in import to Russia of machines and devices, chemical products, paints, woolen and cotton fabrics, skin, knitted products, linen, haberdashery, ferrous and non-ferrous metals. It widely developed also intermediary trade, importing coffee, cocoa, spices, raw silk, the Chilean saltpeter into Russia.

The important place in a foreign trade turnover of Russia was taken by England. The English-Russian agreement of 1907,

having smoothed contradictions of two powers, created the atmosphere of bigger trust which contributed to the development of economic relations. Foundation in December, 1908 of Russian-English trade board was an important step on that way. It provided to a business community of Russia and England versatile economic information on both countries and protected the interests of Russian-English economic rapprochement in the press and various institutions. The Russian office of the London trade board was created in England at the same time.

40 % of all external trade sea transportation of Russia, and at the Black and Azov seas over 50 % of transportations, were the share of the English fleet. More than a half of all ships of actually merchant marine fleet of Russia was constructed on the English shipyards [9, p. 163].

The Russian-English trade turnover considerably increased in 1908–1913. Steadily both export of the Russian goods to England, and import grew from there.

Nevertheless on some important objects of the Russian export (eggs, butter, pork, the processed wood, linen, manganese ore) the value of the English market increased, and Great Britain won or kept first place at that. As for import, in pre-war years England won the first place only selling coal, rubber and ships to Russia.

Thus, only two powers still dominated in the Russian foreign trade in the 1900th years. Both England and Germany with success used capital export for development of trade with Russia.

Commodity turnover volume with other developed countries was lower. Holland took the third place, the small country with big merchant marine fleet, communications with which was characterized by huge prevalence of export over import. It was explained by the fact that it largely served as the transit point for the Russian goods on the way to Germany. Grain and also the wood and manganese ore were in transit there through Holland.

Allied France took only the fourth place in foreign trade of Russia. Though in absolute figures commodity turnover with it constantly increased, its specific weight in those years even a little reduced.

Wool and wine (the first place) and also luxury goods were the main articles of the French export to Russia. France mainly took out agricultural products – bread and a flax and also the wood and oil products. As since the end of the 19th century in France the high import duties for wheat surpassing even German were established it remained the modest buyer of the Russian grain [7, p. 274].

France used the position of the main creditor of the tsarist government to get more profitable conditions of commodities exchange in contracts with Russia. However the range of products which two countries exchanged was quite narrow that in itself limited possibilities of development of their mutual trade.

Two more states played certain role in the Russian external trade – the United States of America and Italy. The role of the USA as consumer of the Russian goods was insignificant (no more than 1 % of the Russian export were the share of them). But in import to Russia the United States till 1910 took the fourth place, and since 1911 came to the third place. The USA was the chief supplier on the Russian market of cotton and farm vehicles. Also the denunciation of the Russian-American commercial treaty of 1832 which is carried out by the U.S. Government in 1912 for political motives did not prevent it. Commodity turnover between Russia and the transatlantic republic in the years preceding world war constantly increased. In May, 1913 with assistance of the American diplomacy in Moscow the Russian-American trade board was founded. Negotiations on the conclusion of the new commercial treaty brightly expressed, which did not manage to finish before the war began [6, c. 26].

Differently there were trade relations with Italy that had pronounced raw-material producing character. Not less than 90 % of cost

of export to that country were made by wheat. Such grain as corn, oats, barley were distinguished from other export goods. Nevertheless if Italy was a solid buyer, but as the supplier of goods to the Russian market it shared with India modest the tenth - the eleventh places. The agricultural products raw silk, citrus, olive oil composed the basis of import of the Italian goods into Russia [6, p. 26].

Attraction of financial resources from abroad became one of fundamentals of economic policy of the Minister of Finance Witte and his successors.

On the eve of World War I the Russian Empire was the largest world borrower. The gold ruble had the fixed exchange rate. The Russian securities were actively on sale and bought in all world share centers. The multinational companies of the end of the XIX – beginning of the XXth century ran business in Russia. The business legislation of Russia was rather stable to attract investments. Financial crises in Paris and London struck the financial markets in Moscow and St. Petersburg [5, p. 38].

Russia relied on attraction in a big amount of the foreign capital. By the time of falling of tsarism Russia was the largest world borrower of whom about 11 % of world volume of the international debts were the share [5, p. 41].

The foreign capital came to Russia in two main forms - investments into the national economy and loans. Foreign capital investments in stocks and bonds of the Russian enterprises approached 1 billion at the turn of the century, and by the time of world war – 2 billion rubles [4, p. 445]. Their specific weight was about 1/3 cumulative share capitals of the country. The role of foreign capital investments in development of the Russian economy was ambiguous. Their inflow promoted industrialization of the country. Rapid industrial growth of Russia in the 90th years of the XIXth century and in 1909–1913, undoubtedly, was also connected with import of the capital.

In parallel with inflow of investments into the national economy process of growth of financial dependence, other, more important from the foreign policy point of view, imperial, and since February, 1917 Provisional government from foreign powers as a result of placement abroad of the Russian loans and securities developed. Inflow of the foreign capital in a loan considerably exceeded foreign investments into economy. At the turn of the century it made about 4 billion, and in 1913 – 5.6 billion rubles. Sharp increase in liabilities of Russia – on 7.25 billion rubles – happened during world war [11, p. 295].

Bibliography

1. Внешняя торговля. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. Российская Академия Наук. Институт Российской истории. – Санкт-Петербург, 1995, таблица 8. <http://istmat.info/node/213>
2. Внешняя торговля. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. Российская Академия Наук. Институт Российской истории. – Санкт-Петербург, 1995, таблица 5. <http://istmat.info/node/213>
3. Внешняя торговля. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. Российская Академия Наук. Институт Российской истории. – Санкт-Петербург, 1995, таблица 6. <http://istmat.info/node/213>
4. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. – М., 1948.
5. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX - начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / перевод с англ. – М., РОССПЭН, 2003.
6. История внешней политики России. конец XIX – начало XX века. – М., 1997.
7. Китанина Т. С. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. – Л., 1978.
8. Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919. Кн.2, – М., 1992.
9. Ошарин А. В. Экономическое развитие и проблема модернизации России в XVIII – начале XX вв. – СПб., 2008.
10. Самохин Ю. М. Экономическая история России. – М., 2001.
11. Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). – М., 1960.

Bibliography

1. Vneshnyaya trgovlya. Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumental'nyj spravocnik. Rossijskaya Akademiya Nauk. Institut Rossijskoj istorii. – Sankt-Peterburg, 1995, tablicza 8. <http://istmat.info/node/213>
2. Vneshnyaya trgovlya. Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumental'nyj spravocnik. Rossijskaya Akademiya Nauk. Institut Rossijskoj istorii. – Sankt-Peterburg, 1995, tablicza 5. <http://istmat.info/node/213>
3. Vneshnyaya trgovlya. Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumental'nyj spravocnik. Rossijskaya Akademiya Nauk. Institut Rossijskoj istorii. – Sankt-Peterburg, 1995, tablicza 6. <http://istmat.info/node/213>
4. Gindin I. F. Russkie kommercheskie banki. – M., 1948.
5. Gregori P. E`konomicheskiy rost Rossijskoj imperii (konecz XIX - nachalo XX v.): Novy`e podschety` i ocenki / perevod s angl. – M., ROSSPE`N, 2003.
6. Istoriya vneshnej politiki Rossii. konecz XIX – nachalo XX veka. –M., 1997.
7. Kitanina T. S. Xlebnaya trgovlya Rossii v 1875–1914 gg. – L., 1978.
8. Kokovcev V. N. Iz moego proshlogo. Vospominaniya, 1903–1919. Kn.2, –M., 1992.
9. Osharin A. V. E`konomicheskoe razvitie i problema modernizacii Rossii v XVIII – nachale XX vv.– SPb., 2008.
10. Samoxin Yu. M. E`konomicheskaya istoriya Rossii. – M., 2001.
11. Sidorov A. L. Finansovoe polozhenie Rossii v gody` pervoj mirovoj vojny` (1914–1917). – M., 1960.

© *Kholliev A. G.*, 2019.

УДК 33

КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА И РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ

З. И. Абдуллаева

*Старший преподаватель,
e-mail: abdulaevazulfiya@yandex.ru,
Самаркандский институт экономики и сервиса,
г. Самарканд, Узбекистан*

COMPUTERIZATION OF HOTEL BUSINESS AND DEVELOPMENT OF INTERNET COMMUNICATIONS

Z. I. Abdullaeva

*Senior teacher,
e-mail: abdulaevazulfiya@yandex.ru,
The Economic and Service Institute
of the Samarkand,
Samarkand, Uzbekistan*

Abstract. In article features of a computerisation of hotel business are opened and recommendations about development of Internet communications in Republic Uzbekistan are given.

Keywords: client; systems; hotel; computer; personnel; income; integration.

Решить проблему информированности клиентов гостиничных хозяйств, повысить уровень их обслуживания поможет компьютеризация гостиничных хозяйств. Компьютеризация гостиницы позволяет:

- повысить эффективность системы управления;
- повысить безопасность гостей и личного имущества, а также имущества отеля;
- расширить клиентскую базу отеля и решить ряд маркетинговых задач;
- увеличить доходы, связанные с расширением предложения дополнительных услуг отеля.

Очевидно, все перечисленные задачи являются на настоящий момент актуальными для любой гостиницы Самаркандской области вне зависимости от количества номеров, ее категории и месторасположения.

Если номера и служебные помещения отеля оборудованы электронными замками, то с помощью компьютера их можно объединить в единую сеть, которая также осуществляет ряд дополнительных функций:

- блокировка, открытие одного или нескольких номеров по команде с центрального пульта;
- получение сигнала тревоги в случае попытки несанкционированного доступа в номер;
- получение информации о статусе двери (открыта/закрыта, каким ключом);
- получение информации о том, есть ли в номере гость или нет. Хотя такая функция запрещена в некоторых странах, так как является вторжением в частную жизнь гостя.

Компьютерные системы централизованного управления гостиничным комплексом позволяют координировать работу даже крупного отеля без особых затрат

времени и сил. Система позволяет решить следующие задачи:

- оптимизация бизнес-процессов, снижение бумажного документооборота;
- повышение контроля над деятельностью служб и персонала;
- повышение качества обслуживания гостей;
- оптимизация операционных затрат;
- статистические и аналитические функции.

В основу профессиональных систем положен успешный опыт большого числа гостиниц, который с каждым годом накапливается и усовершенствуется в новых профессиональных разработках. На сегодняшний день существует несколько профессиональных разработок, которые заслуживают внимания гостиниц при выборе автоматизированной системы управления.

Несмотря на многочисленность комплексных систем автоматизации гостиничных хозяйств, основные принципы построения подобных систем довольно схожи.

Все системы представляют собой интегрированные пакеты программ, автоматизирующих деятельность основных служб гостиницы: управление номерным фондом, административной, коммерческой, инженерной, службы общественного питания. Сами программы построены по функциональному принципу.

Так, программа автоматизации службы управления номерным фондом (Front office) позволяет обеспечить управление номерным фондом, резервирование, бронирование и размещение, регистрацию гостей, ведение гостевых счетов с автоматическим начислением стоимости проживания и оказанных услуг.

Программа, предназначенная для автоматизации предоставления услуг и расчетов с клиентами в ресторанах, барах и других подразделениях общественного питания, решает следующие задачи: ведение программы питания гостей и управления загрузкой залов, просмотр наличия продуктов на складе и в производстве,

оформление требований на продуктовый склад, учет и контроль движения продуктов на производстве, калькуляцию блюд и меню.

Сервисные модули систем, предназначены для подготовки и печати документов, писем и формирования операционных, статистических и финансовых отчетов. Для небольших гостиниц лучше использовать упрощенные системы, предназначенные в основном для автоматизации Front office. Кратко рассмотрим некоторые системы.

Система Fidelio

Наиболее распространенным универсальным продуктом является комплекс крупнейшей в мире корпорации Microsoft Fidelio, специализирующейся на создании систем управления для гостиниц и ресторанов на протяжении 20 лет. Такая система установлена в 100 крупнейших гостиничных цепях (Sheraton, Hilton, Marriott, Kempinsky, Hyatt и т. д.).

Система Fidelio поддерживает все этапы работы гостиницы: от компьютерного резервирования номеров, регистрации, размещения и выписки гостей до управления номерным фондом, ведения бухгалтерии и финансов. Система исключительно проста в обращении, не требует каких-либо особых персональных компьютеров и подходит для использования в гостиницах любого размера.

Функционально комплекс разбит на несколько модулей: бронирование, блок управления номерным фондом, управление тарифами (просмотр, изменение, оптимизация), пакетирование услуг (конфигурация, реализация, отслеживание, предоставление услуг, расчеты и т. п.), регистрация и выписка гостей, подготовка отчетов и т. п.

Модуль бронирования позволяет выполнять более 20 различных подзадач: просматривать информацию о наличии комнат, вести базу данных клиентов, бронировать номера для любых категорий гостей, вести учет и статистику, поддер-

живать автоматическую факс-рассылку. Модуль отчетов ведет подготовку почти 300 видов различных необходимых в работе гостиницы справок, форм, статистических материалов. Например, отчетов о состоянии номеров, заполнении гостиницы, о проживающих гостях, текущем финансовом положении.

Следует отметить, что система Fidelio полностью адаптирована для нашего рынка. Как правило, система Fidelio устанавливается гостиницами совместно с популярным расчетно-кассовым комплексом для ресторанов Micros. Дополнительно могут поставляться программа автоматизации финансово-хозяйственной деятельности, программа организации отдела продаж и маркетинга, программа главного инженера и др.

Все программы работают как единая интегрированная система. Система Fidelio функционирует в операционной среде DOS. Стоимость установки системы Fidelio FO рассчитывается для каждого заказчика индивидуально и в первую очередь зависит от комплектации системы и размеров гостиницы.

Система Lodging Touch

Система Lodging Touch создана американской компанией MAI Hospitality, являющейся одним из лидеров в разработке программ для индустрии гостеприимства.

На сегодняшний день система Lodging Touch является одной из наиболее современных программных средств комплексной автоматизации гостиничного бизнеса. Программа полностью адаптирована под узбекский гостиничный рынок. В отличие от других подобных систем, Lodging Touch функционирует в операционной среде Windows NT, что значительно расширяет ее деятельность, а также позволяет легко освоить работу с ней даже неискушенному пользователю.

Система представляет собой интегрированный пакет программ, автоматизирующий различные отделы гостиницы: портье, ресторанный службу, отдел продажи

организации банкетов. Система Lodging Touch может быть связана с такими периферийными системами, как бухгалтерские программы, системы оптимизации прибыли гостиницы, платное телевидение, системы телефонные, контроля доступа в номера и др. Примечательно, что система Lodging Touch стыкуется с бухгалтерскими программами, например, с системой «Парус».

Программа Lodging Touch-Портье построена по модульному принципу. Центральным является операционный блок, поддерживающий функции бронирования номеров (оформление и отмена брони, ведение листов ожидания, просмотр поэтажных планов), заселения и выписки гостей, начисления платежей и процедуру ночного аудита. Здесь можно просмотреть отчет по состоянию гостиницы (в графическом или табличном вариантах), получить разнообразную справочную информацию (гостевые карточки, паспортные данные и т. д.).

К числу некоторых других программных модулей систем номерным фондом (для составления графика уборки номеров и работы горничных). Следует отметить наличие в системе Lodging Touch программного блока работы с турагентствами, позволяющего выполнять оформление заявок от агентств, расчет комиссионных, определение скидок и специальных предложений, просмотр статистики.

Система Nimeta

Это сравнительно новый продукт, предназначенный для малых и средних отелей. Работа системы Nimeta предоставляет возможность аренды и использования системы управления гостиницей посредством Интернет-технологий. Эта технология заключается в том, что все данные о гостинице и собственно, сама программа системы управления гостиницей находятся вне гостиницы на специально выделенном для этого сервере. Такой сервер находится в оборудованном

сервис-центре Интернет-провайдера. Таким образом, для подключения и использования системы Nimeta достаточно просто иметь компьютер и выход в Интернет.

Существуют также множество других систем компьютеризации гостиничных хозяйств. Практически все системы имеют примерно одинаковый набор функций и возможностей с незначительными отличиями. Так, в системе «Эдельвейс» бронирование осуществляется с использованием визуального плана номеров отеля, что облегчает операцию бронирования.

Многолетний опыт работы компаний с различными системами резервирования показывает, что для «средней» гостиницы начало продаж через электронные системы резервирования означает дополнительное получение от нескольких десятков до нескольких сотен ночевочек ежемесячно.

В настоящее время все системы позволяют резервировать места в отелях, заказывать прокатные автомобили, билеты на различные представления и т. п.

На сегодняшний день в мире существуют четыре по-настоящему глобальные системы резервирования (Global Distribution Systems — GDS): 96 Amadeus, Galileo, Sabre и Worldspan. Им принадлежит более 90% рынка, их терминалы установлены в более чем 400 тыс. турагентств по всему миру, неслучайно их называют «золотой четверкой». Оставшиеся несколько процентов составляют региональные системы резервирования и системы, находящиеся в стадии слияния с одной из вышеперечисленных. Применительно к Республике Узбекистан также следует упомянуть систему резервирования SAHARA вследствие ее «тесной близости» к системе бронирования авиаперевозок Gabriel, повсеместно распространенной на территории СНГ.

Универсального рецепта работы с системами резервирования не существует, поэтому для каждой конкретной гостиницы необходимо тщательно проанализировать структурный состав клиентуры, ценовую политику и т. д.

Каждая GDS, хотя и является глобальной, имеет свой ареал распространения. Для Amadeus и Galileo — это, прежде всего, Европа, для Sabre и Worldspan — Америка. Система SAHARA распространена на территории СНГ и в некоторых странах Африки и Ближнего Востока.

Для гостиниц Республике Узбекистан и в частности для гостиниц города Самарканда и Бухара, принимающих западных туристов, представление во всех системах, входящих в «золотую четверку», сегодня является уже необходимостью, а не просто данью моде. Для гостиниц, ориентирующихся на внутренний туризм, более предпочтительно представление в системе SAHARA. Узбекским гостиницам следует войти в системы, альтернативные глобальным, например, в системы, существующие в сети Интернет.

Для таких гостиниц, входящих в гостиничные цепи, как Inter-Continental, Radisson и другие, работа с GDS выполняется централизованно и является неотъемлемой частью маркетинговой стратегии гостиничной цепи в целом. У независимой гостиницы существует несколько вариантов работы с глобальными системами резервирования:

- установить у себя терминалы одной или нескольких систем бронирования и начать работать самостоятельно;
- заключить договор с компанией-посредником, специализирующейся на предоставлении подобного рода услуг;
- заключить договор с крупным туроператором, уже имеющим доступ к глобальным системам резервирования.

Установка в гостинице собственных терминалов GDS является наиболее сложным и дорогостоящим решением. Для его осуществления гостинице необходимо заключить договоры с системами резервирования, проложить линии связи, установить оборудование, обучить персонал и многое другое. Для того, чтобы вложенные затраты оправдались за какое-либо обозримое время, необходимо постоянно

получать из GDS очень много бронирований, что делает подобный подход экономически оправданным лишь для гостиничных цепочек, обладающих сетью собственных отелей. Поэтому случаи самостоятельного представления гостиницы в GDS практически неизвестны.

Работать через компанию-посредника (так называемого провайдера) намного проще. Кроме того, как правило, нет необходимости в установке специального оборудования, прокладке специальных выделенных линий связи и выполнении других несвойственных гостинице функций. Надо лишь заполнить анкеты, подробно описывающие гостиницу, номера, цены и ждать прихода бронирований (обычно по факсу).

Услуги провайдера стоят от нескольких сотен до нескольких тысяч \$ в год. Также за каждое чистое (т.е. совершенное и неаннулированное) бронирование взимается фиксированная плата (около 10 \$ США). В функции компании-посредника (и, соответственно, в расходы гостиницы) также входит выплата комиссионных туристским агентам, осуществляющим бронирование. Размер комиссионных устанавливается каждой гостиницей индивидуально. Обычная величина составляет 10 % суммы бронирования.

С технической точки зрения работа через туроператора в точности совпадает с предыдущим вариантом. Отличие состоит в организации финансовых отношений. Для туроператора каждый клиент, осуществивший бронирование гостиницы через GDS, является фактически индивидуальным туристом, на проживание которого распространяются туроператорские цены, предоставленные гостиницей. Размер туроператорской скидки (комиссии), как правило, составляет от 15 до 30 % и выше, в зависимости от стоимости номеров. Из своей скидки туроператор выплачивает агентскую комиссию, обязательные платежи системам резервирования, телекоммуникационным компаниям и др.

Во всех отношениях работу через туроператора стоит признать предпочтительной, поскольку туроператорская скидка применяется на фактическое проживание клиентов, и, стало быть, туроператор в прямую.

А заинтересован в привлечении клиентов в гостиницу. Есть клиенты есть прибыль, нет клиентов – нет и никаких платежей от гостиницы.

Конечно, выбор партнера, будь он провайдером или туроператором, не должен быть случаен. Существует несколько аспектов, на которые необходимо обратить особое внимание.

Скорость подтверждения мест для клиентов. Глобальные системы резервирования используются, в основном, для бронирования деловых поездок, которые никогда не могут быть спланированы на месяцы вперед. По статистике, бронирование гостиницы через GDS осуществляется всего за несколько дней (а то и часов) до вылета. В такой ситуации фактор оперативности получения турагентом подтверждения сделанного бронирования становится одним из наиболее важных и часто превалирует над ценой.

Любая система резервирования имеет несколько режимов, называемых типами доступа, принципиально различными из которых являются два: тип «А» и тип «В».

При доступе по типу «А» подтверждение бронирования возвращается автоматически в течение 7 с, что позволяет туристическому агенту полностью обслужить клиента за один визит в офис.

При доступе по типу «В» подтверждение возвращается агенту вручную персоналом провайдера (туроператора) или даже гостиницы в течение 24 ч. Помимо существенной задержки по времени, это приводит еще и к необходимости повторного визита клиента к турагенту. Любой турагент, зная о существовании различных типов доступа, будет всегда выбирать те гостиницы, которые как можно быстрее подтвердят бронь.

Большинство провайдеров и туроператоров для уведомления гостиницы о заезде используют факсовую рассылку. Если бронирование сделано за несколько дней до или даже в день заезда, то наличие у провайдера или туроператора технологии полностью автоматизированной факсовой доставки является гарантией того, что гостиница получит информацию об этом бронировании. В отсутствие такой технологии можно готовиться к неприятным объяснениям с клиентом, приехавшим с подтвержденным бронированием, о котором гостиница может ничего не знать.

Несмотря на любые рекламные кампании, привлекательные цены и прочие маркетинговые инструменты, четкая и аккуратная выплата агентских комиссионных является основой для формирования имиджа гостиницы среди туристических агентств.

В результате стремительного развития альтернативных каналов распространения информации глобальные системы резервирования в гостиничной сфере постепенно теряют свои ранее казавшиеся незыблемыми позиции. Несомненным лидером этой «новой волны» является всемирная компьютерная сеть Интернет. Этот факт признается и самими системами бронирования, что стимулирует их к интеграции с Интернет и созданию собственных Интернет-серверов, через которые обеспечивается доступ к информации и бронированию гостиниц в GDS. Сегодня все GDS, за исключением системы SAHARA, обладают подобными способностями.

Возможности Интернета для гостиниц не ограничиваются только работой совместно с GDS. Основными преимуществами для гостиницы в использовании Интернета являются большая широта охвата аудитории (свыше 100 млн человек во всем мире) и невысокие, по сравнению с GDS, накладные расходы.

Уже сегодня Интернет стал реальным конкурентом глобальным системам резервирования. Работа через Интернет отлича-

ется от работы глобальных систем резервирования следующими принципиальными моментами:

- в GDS гостиница может быть представлена только один раз, а в Интернете – любое количество раз на любых серверах;
- с глобальными системами резервирования работают профессиональные турагенты, получающие за свою работу комиссионные от гостиниц, а Интернетом пользуются частные лица, стремясь найти себе гостиницу подешевле. При этом никакая агентская комиссия не выплачивается.

Получить доступ в Интернет и создать свою страничку значительно проще и дешевле, чем получить доступ в глобальные системы резервирования, и по силам любой гостинице. Однако, Интернет – децентрализованная среда. Если, например, гостиница города Самарканда загрузит информацию о себе в любую GDS, то ее увидит каждый турагент, просматривающий список Самаркандских гостиниц.

Важным преимуществом использования Интернета является сокращение расходов на международные и междугородние переговоры.

Библиографический список

1. Безрукова Н., Кузина М., Аршинова И. Тенденции развития мировых туристских рынков и иностранного туризма в России / БТИ. – Специальный выпуск, Интурист-Холдинг Компания, 1994.
2. Бородина В. Ресторанно-гостиничный бизнес: учет, налоги, маркетинг, менеджмент. – М. : Книжный мир, 2002. – 164 с.
3. Браймер Р. А. Основы управления в индустрии гостеприимства / пер. с англ. – М. : Аспект-Пресс, 1995.
4. Волков Ф. Ю. Технологии гостиничного обслуживания. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 384 с.
5. Волков Ю. Ф. Экономика гостиничного бизнеса. – Ростов-н/Д : Феникс, 2003. – 384 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Bezrukova N., Kuzina M., Arshinova I. Tendencii razvitiya mirovy`x turistskix ry`nkov i inostrannogo turizma v Rossii / BTL. – Special'ny`j vy`pusk, Inturist-Xolding Kompaniya, 1994.
2. Borodina V. Restoranno-gostinichny`j biznes: uchet, nalogi, marketing, menedzhment. – M. : Knizhny`j mir, 2002. – 164 s.
3. Brajmer R. A. Osnovy` upravleniya v industrii gostepriimstva / per. s angl. – M. : Aspekt-Press, 1995.
4. Volkov F. Yu. Tekhnologii gostinichnogo obsluzhivaniya. – Rostov n/D.: Feniks, 2003. – 384 s.
5. Volkov Yu. F. E`konomika gostinichnogo biznesa. – Rostov-n/D : Feniks, 2003. – 384 s.

© Абдуллаева З. И., 2019.

УДК 81:1+1:316

ЯЗЫК И СОЦИУМ: КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

М. А. Антипов

*Кандидат философских наук, доцент,
e-mail: 210483@inbox.ru,
ORCID 0000-0003-4672-7144,
Пензенская духовная семинария,
г. Пенза, Россия*

LANGUAGE AND SOCIETY: CONSTRUCTIVIST INTERPRETATION

M. A. Antipov

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
e-mail: 210483@inbox.ru,
ORCID 0000-0003-4672-7144,
Penza Theological Seminary,
Penza, Russia*

Abstract. The article is devoted to the role of language in social life. Language is considered in the context of the constructivist paradigm. Based on the concepts of foreign and domestic researchers (T.V. Chernigovskaya, L. Wittgenstein, N. Chomsky, M. Heidegger), the influence of language on thinking and collective consciousness is interpreted. Attention is drawn to the language determination of social practices. Specific examples of the action of "language games" in the life of modern society are revealed. The conclusion is made about the possibility of evaluating the language both within the framework of radical constructivism and a more moderate approach.

Keywords: language; thinking; social consciousness; constructivism; social reality.

Если язык рассматривать как культурное явление, созданное не для коммуникации, а для мышления, то слова наделяются особенной силой. И данное утверждение не является чем-то новым. Так, в такой форме первичный религиозных верований, как магия, ряд слов служат заклинаниями, то есть инструментами магических воздействий. В Священном писании христиан – Новом Завете Евангелие от Иоанна начинается с фразы: «В начале было слово...» [7]. В житейском сознании и в пространстве всемирной информационной сети есть известный мем, инспирированный песней из мультфильма «Приключения капитана Врунгеля». Аутентичное «как вы яхту назовете, так она и поплывет» трансформировалось в «как вы

судно назовете, так оно и поплывет» [6]. Но от этой неосознанно совершенной логической операции обобщения понятия смысл суждения не поменялся: язык не менее важен, чем мышление, и также, как и разум, участвует в конструировании социальной реальности.

По Хайдеггеру, «язык есть дом бытия», ведь языковое обозначение предметов и явлений делает их очеловеченными, вводит их из сферы объективного сущего в сферу коллективного сознания, в культурную среду [9, с. 106]. А человек, осваивая слова и их значения, занимает пограничное положение по отношению к их референтам. Язык таким образом становится пограничником, привратником, находящимся между внешним по отноше-

нию к человеку сущим как сущим и сущим, ставшим в его сфере сознания бытием, а подобная констелляция бытия и сознания есть хайдеггеровское бытие-здесь.

Если сущее выводится из тьмы на свет, при котором становится бытием, благодаря языку, то язык становится нашим пропуском в мир, гарантом преодоления изначально предопределенной каждому заброшенности, нахождения в своем внутреннем мире как в непроницаемой скорлупе. В языке сущее оживает, а оживая, становится бытием. То, какой смысл мы вкладываем в слова, и то, какие слова чаще мы используем, какие значения нас окружают, во многом определяет как сознание каждого индивида, так и сознание социума.

Если мы мыслим и обозначаем что-либо, относящееся к первой природе, существующей до и независимо от человечества, мы не конструируем сам объект, задавая лишь вектор отношения к нему, а значит и характер возможного взаимодействия с ним, влияния на него или сохранения нейтралитета и т. д.

Язык, как утверждает Т. В. Черниговская, это то, посредством чего не только мы говорим друг с другом, переводя мысли как часть субъективного мира в слова как часть интересубъективного, то и мозг каждого из нас говорит с нами. Язык процессов, происходящих в данном физиологическом субстрате, имеет биохимический характер, но нам мозг дает о себе знать, именно благодаря тому языку, с помощью которого мы даем о себе знать другим, а они, в свою очередь, нам [11].

Как мы мыслим, так мы и действуем, как мы помышляем объект, так мы к нему и относимся, и чем больше наше отношение определяет его существование, тем сильнее влияние нашего мыслительного представления, выраженного в языке. А если мышление и есть язык (а согласно концепции языковых игр Л. Витгенштейна, языковой мир у каждого свой, значит каждый, несмотря на интересубъектив-

ность культуры, интерпретирует реальность по-своему, создавая особый субъективный мир), то это факт такого влияния становится еще более очевидным. Л. Витгенштейн указывает, что каждый строит картину мира на основе языкового фона, неких правил переплетенной с действиями «языковой игры», которые усваиваются в ходе приобщения индивида к культуре. Критерием достоверности в таком случае служит «унаследованный опыт, отталкиваясь от которого» каждый из нас различает истинное и ложное [2, с. 410–494]. Язык здесь предстает как одна из «форм жизни», некая мифология, задающая когнитивный и ценностный фон для познания и понимания изменчивой действительности.

В семиотике У. Эко также присутствует идея о первоначности индивидуальной интерпретации, а не конвенционального смысла того или иного знака [12, с. 153]. Главное – это не то, какому референту должен соответствовать данный знак, а то, какие идеи и чувства он вызывает в сознании личности, какой индивид с его уникальным сознанием, жизненным миром, когнитивным фоном, жизненным опытом будет вкладывать в данный знак смысл.

Об этом же писал отечественный психолог А. Н. Леонтьев, когда выделял в структуре сознания следующие компоненты: чувственную ткань, значение и личностный смысл [3]. Значение культурно обусловлено, это коллективно определенная семантика того или иного чувственно воспринимаемого объекта, а личностный смысл отражает индивидуальность восприятия и понимания.

Н. Хомский, развивая идею универсальной грамматики, убежден во врожденном характере способности к языку, представляющей собой набор синтаксических правил – правил выстраивания предложений [10]. А отсюда следует первичность языка по отношению к мышлению. Однако, такая универсальная грамматика

создает барьер для познания объективной реальности, так как последняя проходя через синтаксические всеобщие правила оформляется в соответствие с языковыми схемами, заложенными в разуме человека.

Согласно конструктивизму, объективная реальность и та реальность, с которой имеют дело люди, кардинально различаются. Первая доступна лишь в той мере, насколько это позволяют нам органы чувств и возможности рационального познания. Вторая есть результат понимания и объяснения той части первой реальности, которая эмпирически доступна и объяснима (ее можно назвать имманентной в смысле доступности для нашего сознания и значит присутствия в нем в качестве содержания сферы сознания), а также продукт конструктивной активности сознания, направленной на достраивание картины мира в тех ее регионах, которые остаются для нас *terra incognita* (это область трансцендентного). Например, это вопросы сущности Божественного, наличия или отсутствия души, опыта посмертного существования и т. д.

Но с развитием СМК надстраивание происходит во всем регионе картины мира, даже тем, где возможно относительно точное отражение объективной реальности. Подобные искажения осуществляются, так как информация становится важным ресурсом, а прямые методы властвования уступили место косвенным, манипулятивным играм с массовым сознанием.

Р. Лэнг использует идею о единстве языка и мышления для критики терминологического аппарата психиатрии [4, с. 9]. Если задуматься, что выверенная терминология – это один из критериев научности знания, то возникают сомнения в научности данной области знаний. Но эта относится к проблеме научной рациональности, динамики науки, лакуны между практикой и теорией, из которых вторая часто не успевает за первой, в том числе и на терминологическом уровне.

Понятия, составляющие обыденный язык и обыденное мышление, порой настолько искажены по смыслу, который мы в них вкладываем, что это вызывает множество трудностей. Еще Ф. Бэкон считал подобные когнитивные ошибки «идолами площади (рынка)» [1, с. 296–298]. Это ведет к возникновению и закреплению в обыденном сознании стереотипов, современных мифов, социальных стигм.

Так, например, свастика – это древний религиозный символ, отсылающий нас к солнечному культу, представлениям о круговороте жизни смерти, движении, цикличности, перерождении душ и т. д. Но для многих свастика ассоциируется с тем смыслом, который появился у нее в гитлеровской Германии, стал известен по всему миру и стал стереотипом. И данный семантический оттенок в сознании многих современных людей затеняет первоначальные исконные смысловые грани данного символа. При этом, я говорю здесь не только об изображении свастики, но и о слове «свастика», как совокупности букв.

Искаженное понятие о механизмах возникновения раковых опухолей приводит к мифу «раковые больные заразны» вплоть до случаев, когда соседи собирают подписи с требованием выселить семью с больными раком детьми из подъезда, чтобы не «подцепить заразу». Некоторое время назад социальные сети были переполнены постами, посвященными данному случаю в Москве [8].

Стигматизация проявляется, например, в отношении людей, имевших судимость, страдающих от алкоголизма или наркомании, психических заболеваний. Навешивание ярлыков «алкоголик», «наркоман», «психически больной» ведет к искаженному восприятию такой личности другими, и как следствие, социальной сегрегации и изоляции. Трудно не применить такой ярлык к человеку, который не единожды срывался в запой или употреблял наркотики, но не каждый понимает, что все случаи индивидуальны по их причи-

нам, протеканию, следствиям и исходу. Один деградирует окончательно, уходя полностью на социальное дно без шансов выбраться на поверхность, другой же под действием самых разных факторов «берет себя в руки» и вовремя (или не совсем вовремя) меняет свой образ жизни и реинтегрируется в социум, вновь став полноценным активным субъектом общественной жизни.

Словом можно исцелить, а можно искалечить, и этому можно найти не сверхъестественное, а сугубо рационалистическое научное объяснение в том плане, что слова, а особенно, слова в наш адрес, оставляют свой след в нейронных структурах головного мозга, как бы отпечатываются. И здесь важно правильное понимание слов.

Например, слово как единица языка и понятие как атом мышления «Солнце» выражает отношение к данному космическому объекту как источнику тепла и света, необходимому для сохранения жизни на нашей планете. Семантические оттенки данного слова варьируются от картины мира, в которой данное понятие используется: мифо-религиозная – солнце наделяется сакральным смыслом вплоть до персонификации и обожествления, житейская – солнце является неотъемлемой частью природы, научная – центр Солнечной системы.

Если же нами мыслится и обозначается нечто, относящееся ко второй природе, нечто порожденное человеком, то это означаемое будет играть конструирующую роль в плане маркирования граней объективации того или иного духовно-субъективного содержания. Если взять для рассмотрения пару взаимосвязанных слов «сакральное» и «профанное», то сразу высвечивается определенная область сущего, семантическими полюсами которой и выступают «священное» и «мирское». При наложении данных категорий на мир он делится на два разомкнутых региона, один из которых доступен только для посвя-

щенных, мирянам же в данную область полный доступ оказывается закрытым.

Совершенно другой пример, показывающий, как слово может менять тот или иной фрагмент социальной реальности, характер отношений между людьми, делать востребованными одни социальные практики и исключать из употребления другие. Возьмем понятийный ряд: «человек с особыми потребностями», «человек с ограниченными возможностями», «инвалид», «калека», «урод», в котором негативно-уничжительный смысловой оттенок нарастает от первого к последнему. Каждое из этих слов или словосочетаний может выступать означаемым, референтом которого будет один и тот же индивид, имеющий ту или иную степень инвалидности, выражаясь языком государственных структур и официальных документов. А вот означаемое, то есть смысловой оттенок, возникающий в сознании человека, будет определяться означаемым. А если учесть коллективную природу языка, то такие смысловые отклики будут проявляться и на уровне общественного сознания, а значит определять соответствующие области социальных отношений, взаимодействий, практик.

Что частота использования того или иного слова в конкретном обществе, прежде всего в повседневной речи и в СМИ, влияет на положение таких людей, отличающихся от большинства, сомневаться не приходится. Инициированный институтами гражданского общества и государственными структурами переход от медицинской парадигмы реабилитации к социальной и курс на формирование доступной социальной среды не привел бы к кардинальным изменениям положения людей со стойкими нарушениями здоровья без смены отношения к ним в социуме в сторону их принятия как равных. А такие изменения в общественном мнении, социальных аттитюдах, житейских стереотипах не были бы возможны без трансформаций на уровне языка. Если

слово «урод» вызывает отторжение и брезгливость, «калека» – жалость, инвалид – нечто нейтральное, но тоже ближе к негативным чувствам, то последние два означающих в приведенном выше ряду выражают признание людей со стойкими нарушениями здоровья равными и полноценными членами общества, такими же людьми, как и те, кто может похвастаться относительно крепким здоровьем.

Недавнее скандальное заявление первооткрывателя структуры ДНК Джеймса Уотсона о том, что интеллект человека зависит от его расовой принадлежности и последовавшее за этим лишение Нобелевского лауреата почетных званий наглядно демонстрирует специфику «языковой игры» современного вестернизированного мира. Произнесенная публично фраза о том, что «есть разница в результатах тестов IQ белых и темнокожих людей» на сложившемся культурно-языковом фоне западной цивилизации вызвала бурное противодействие и осуждающую реакцию, будучи предосудительной и не имеющей под собой объективных оснований [5].

Слово «nigger» в США считается уничижительным, выражающим расизм и дискриминацию, предпочтительнее использование «Afro-American». Казалось бы, это очередное чудачество властей, гипертрофирование толерантности, однако, учитывая вышеприведенные концептуальные выкладки о языке, подобная мера представляется совсем в ином свете – как единственный и обоснованный шаг по изменению индивидуальных и коллективных представлений об отношении к чернокожему населению Штатов через трансформацию на уровне языкового контекста.

Понятийное мышление развивается через язык, и то, как человек в дальнейшем будет относиться к обозначаемому в этих понятиях, зависит от семантики слов. Представитель одной и той же большой, выделяемой по критерию наличия в собственности тех или иных средств производства, может быть назван «буржуем»,

«капиталистом», «предпринимателем». Первое понятия свойственно коммунистическому идеологическому дискурсу, а также молодежному анархо-бунтарскому, второе – научно-теоретическому, имеющему марксистскую направленность, третье относится к либерально-рыночному дискурсу. В каждом случае видна своя языковая игра, создающая для индивида когнитивный бэкграунд, фон, некую мифологию, задающую его установки относительно политэкономического устройства, справедливости и несправедливости, равенства и неравенства, распределения и обмена.

В понимании языка как знаковой системы, определяющей персональное и коллективное сознание, можно выделить, по крайней мере, два подхода: умеренный конструктивизм и радикальный конструктивизм. Согласно первому подходу, язык как объективированная система знаков и символов детерминирует мышление и повседневное поведение как каждого индивида как представителя социума, а значит носителя культуры и важнейшего ее элемента – языка, так и общественное сознание, а значит формы коллективной жизнедеятельности. Второй подход учитывает возможность внесения поправок в языковые конструкты с учетом изменяющихся реалий и требований времени. Так, например, социальные институты как результаты объективации знаковых конвенциональных типизаций могут трансформироваться под воздействием актуальных тенденций общественной жизни.

Библиографический список

1. Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. I. – М. : Мысль (Философское наследие), 1971. – 590 с.
2. Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы (часть 1). – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
3. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. Интернет-ресурс. URL: <https://bookap.info/klasik/leontyev/>
4. Лэнг Р. Расколотое Я – СПб. : Белый кролик, 1995. – 352 с.

5. Нобелевского лауреата лишили почетных званий за высказывания о связи расы с уровнем интеллекта // Новая газета. Интернет-ресурс. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2019/01/14/148328-nobelevskogo-laureata-lishili-pochetnyh-zvaniy-za-vyskazyvaniya-o-svyazi-rasy-s-urovнем-intellekta>
6. Приключения капитана Врунгеля. Мультипликационный фильм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Tn7Lju40lj8>
7. Св. Евангелие от Иоанна. Глава 1. Интернет-ресурс. URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/nrt/43/01/>
8. Семья с онкобольными детьми уехала из съемной квартиры в Москве. Соседи требовали выселения детей, боясь заразиться раком. Интернет-ресурс. URL: <https://meduza.io/news/2018/12/12/semya-s-onkobolnymi-detmi-uehala-iz-s-emnoy-kvartiry-v-moskve-sosedi-trebovali-vyseleniya-detey-boyas-zarazitsya-rakom>
9. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие – М. : Республика, 1993. – 447 с.
10. Хомский Н. Язык и мышление – М. : Издательство Московского университета, 1972. – 122 с.
11. Черниговская Т. В. Что такое: Ум, Мудрость, Гениальность, Интеллект [Будущее человечества. Интернет-ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lu8SI2ajIOW>
12. Эко. У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
3. Leont`ev A. N. Lekcii po obshhej psixologii. Internet-resurs. URL: <https://bookap.info/clasik/leontyev/>
4. Le`ng R. Raskolotoe Ya – SPb. : Bely`j krolik, 1995. – 352 s.
5. Nobelevskogo laureata lishili pochetny`x zvanij za vy`skazy`vaniya o svyazi rasy` s urovнем intellekta // Novaya gazeta. Internet-resurs. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2019/01/14/148328-nobelevskogo-laureata-lishili-pochetnyh-zvaniy-za-vyskazyvaniya-o-svyazi-rasy-s-urovнем-intellekta>
6. Priklyucheniya kapitana Vrungelya. Mul`tiplikacionny`j fil`m. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Tn7Lju40lj8>
7. Sv. Evangelie ot Ioanna. Glava 1. Internet-resurs. URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/nrt/43/01/>
8. Sem`ya s onkobol`ny`mi det`mi uehala iz s`emnoj kvartiry` v Moskve. Sосedi trebovali vy`seleniya detej, boyas` zarazit`sya rakom. Internet-resurs. URL: <https://meduza.io/news/2018/12/12/semya-s-onkobolnymi-detmi-uehala-iz-s-emnoy-kvartiry-v-moskve-sosedi-trebovali-vyseleniya-detey-boyas-zarazitsya-rakom>
9. Xajdegger M. Pis`mo o gumanizme // Xajdegger M. Vremya i by`tie – М. : Respublika, 1993. – 447 s.
10. Xomskij N. Yazy`k i my`shlenie – М. : Izdatel`stvo Moskovskogo universiteta, 1972. – 122 s.
11. Chernigovskaya T. V. Chto takoe: Um, Mudrost`, Genial`nost`, Intellekt [Budushhee chelovechestva. Internet-resurs. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lu8SI2ajIOW>
12. E`ko. U. Otsutstvuyushaya struktura. Vvedenie v semiologiyu – SPB. : ТОО ТК «Petropolis», 1998. – 432 s.

Bibliograficheskij spisok

1. Be`kon F. Sochineniya. V 2-x tomax. T. I. – М. : My`sl` (Filosofskoe nasledie), 1971. – 590 s.
2. Vitgenshtejn L. O dostovernosti // Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty` (chast` 1). – М. : Gnozis, 1994. – 612 s.

© Антипов М. А., 2019.

УДК 211.2+215

ТРАНСЦЕНДЕНТЕН ЛИ БОГ?**Е. М. Иванов**

*Кандидат философских наук, доцент,
e-mail: mikroprozop58@mail.ru,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

IS GOD TRANSCENDENTAL?**E. M. Ivanov**

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
e-mail: mikroprozop58@mail.ru,
Saratov State University,
Saratov, Russia*

Abstract. In Christian theology, God is thought to be tangential to man and the universe. From a philosophical point of view, the concept of the transcendent seems to be incorrect, because involves thinking of something beyond all possible experience. But the transcendence of God is given in the experiences of mystics and requires an explanation. This transcendence is relative, it is present in experience, but not given sensually or intellectually. It is given through mystical intuition. How can this be understood philosophically? The God of philosophers is the supra-individual World Mind (Plotin). If the soul actively contemplates the contents of the World Mind, then this Mind is experienced by the soul as something multiple, and if the soul extinguishes this discriminating activity in itself, the same Mind as if “plunges into darkness” and becomes the undifferentiated for the soul. Then it is natural to assume that World Mind and transcendental God of mystics are the same thing, but in two different states – manifested and unmanifested.

Keywords: God; transcendental; immanent; mystical experience; the World Mind; Platonism; theology.

В православной христианской теологии абсолютно преобладает точка зрения, что Бог должен мыслиться как нечто трансцендентное по отношению к человеку и материальной Вселенной. Григорий Палама писал: «Пресущественная природа Божия не может быть ни выражена словом, ни охвачена мыслью или зрением, ибо удалена от всех вещей и более чем непознаваема, будучи носима непостижимыми силами небесных духов, непознаваема и неизреченна для всех и навсегда. Нет имени, ни в сем веке, ни в будущем, чтобы Ее назвать, ни слова – найденного душою и выраженного языком, нет какого-нибудь чувственного или сверхчувственного касания, нет образа, могущего бы дать о Ней какое-нибудь сведение кроме совершенной непознаваемости, которую мы исповедуем, отрицая всё, что суще-

ствует и может иметь имя. Никто не может назвать Ее сущностью или природой в собственном смысле слова, если он действительно стремится к Истине, которая превыше всякой истины». (Цит. по [2] с. 16). Итак, Бог – есть нечто за пределами любого возможного нашего опыта, он чувственно невоспринимаем, непредставим и даже немислим. Мы, согласно православной догматике, способны быть причастными лишь к Божественным энергиям, действиям Бога в мире, но не можем быть причастными Божественной природе, не можем постичь способ существования Бога «в себе», поскольку наше тварное существование не имеет ничего общего с Божественным бытием как таковым и никак с ним не соприкасается. Так ли это? Не является ли эта точка зрения следствием ошибочной философии, допускающей

существование вещей, абсолютно за пределами любого возможному опыту? Этот вопрос мы и попытаемся прояснить в данной статье.

Основной аргумент против идеи абсолютной трансцендентности Бога проистекает из локковского подхода к пониманию источника осмысленности используемых нами понятий. По Локку, смысл понятий происходит из их способности указывать на денотат, т. е. на некий фрагмент нашего опыта, соответствующий содержанию данного понятия. Иными словами, мысль должна указывать на свой предмет, как-то иметь его в виду, а это возможно лишь в том случае, если предмет мысли каким-то образом дан в опыте, переживается субъектом. Понятия, которым не соответствует тот или иной фрагмент опыта, по Локку, просто не имеют никакого смысла. Они абсолютно бессодержательны, есть лишь пустая словесная оболочка, лишенная какого-либо смыслового содержания.

Наш язык устроен таким образом, что он позволяет строить словосочетания, такие, например, как «круглый квадрат», которые не указывают на какой-либо мыслимый или воспринимаемый предмет опыта, а потому лишены всякого смысла. В этом случае мы что-то замысливаем, пытаемся некие признаки совместить в мышлении, например, идею «круглого» и «квадратного», но у нас ничего из этого не получается. Такой синтез не реализуем в пределах возможного нашего опыта. В этом случае мы говорим о «нонсенсе», отсутствии смысла, «пустоте» заявленного в данном словосочетании понятия. Трансцендентное, по определению, есть то, что находится за пределами всякого возможного опыта и как таковое, очевидно, не может быть предметом на который указывает какое-либо понятие. Следовательно, трансцендентное, с этой точки зрения, — это такой же нонсенс как и «круглый квадрат». Помыслить трансцендентное — значит попытаться указать на нечто за пределами всякого возможного опыта, а

это принципиально невозможно. Если нечто мыслится, имеется в виду, оно тем самым уже содержится в пределах нашего опыта как предмет мысли. Пытаясь помыслить трансцендентное, мы как бы пытаемся генерировать мысль, которая сама о себе говорит: «я не мысль и не что-то, на что возможно указать в опыте». Но такая мысль самопротиворечива, поскольку мыслить можно лишь мысли, или же то, на что мысль некоторым образом указывает, имеет в виду.

Таким образом всякая идея трансцендентного бессодержательна, есть нонсенс, нечто самопротиворечивое. Значит и идея трансцендентного Бога также есть нонсенс, пустое понятие, не имеющее никакого определенного содержания.

Некоторые православные теологи (например, В. Н. Лосский, С. Н. Булгаков) признавая иррациональность идеи абсолютной трансценденции, именно в этой иррациональности усматривают принципиальное отличие и даже превосходство богооткровенной теологии над рациональной философией. В. Н. Лосский писал: «Если Бог откровения не есть Бог философов, то именно сознание Его абсолютной непознаваемости проводит грань между двумя этими мировоззрениями» [2, с. 30]. В данном случае мы имеем следующий ход мысли: Бог абсолютно за пределами опыта человека, но Он, во-первых, дал человеку Откровение и т.о. сообщил нам о своем существовании, и, во-вторых, Он проявляет себя в мире через Божественные энергии, также доступные нашему познанию (в том числе и через непосредственное их действие на душу верующего). Т.о. то, что непостижимо рационально, оказывается неким мистическим образом нам все же известно. Но даже если мы примем реальность Божественного Откровения и существование божественных энергий, прямо действующих на душу человека, мы не можем на основании этого заключить о существовании трансцендентного Бога, как источника Откровения

и Божественных энергий. Ведь и в Откровении, и в энергиях нам даны лишь действия Бога, которые мыслятся не тождественными его сущности. Следовательно, о самой Божественной сущности мы через эти Божественные действия ничего не узнаем. Эта непостижимая Божественная сущность, по сути, лишь формально примысливается к действиям Бога, исходя из того, что если есть действия, то должен быть и деятель, тот кто действует. Но еще Шопенгауэр указывал на то, что примысливание к действиям некоего субъекта этих действий – бессмысленная операция, т. к. ничего не добавляет к нашему знанию об объекте, полученному через известную нам совокупность его действий. Все, что мы можем знать о Боге – может быть лишь знанием о его действиях, проявлениях в нашем мире и добавление к этим действиям «самого Бога» как абсолютно неизвестного нам субъекта этих действий – ничего к этим знаниям прибавить не может. В таком случае, если нам доступны лишь реальные (осуществленные) и возможные действия Бога (его энергии и силы), то не стоит ли тогда отбросить абсолютно бесполезную «скрытую Божественную сущность» и отождествить Бога с этими его реальными и возможными действиями и сказать: Бог – это и есть совокупность его энергий и сил.

Заметим, что сущность чего-либо, в том числе и сущность Бога, не обязательно должна мыслиться как что-то непостижимое. Напротив, с точки зрения платоновской и аристотелевской философии, сущность – это и есть то, что нами постигается, мыслится в самой вещи. С точки зрения учения Платона мышление имеет прямой доступ к сущностям вещей – их эйдосам, которые мы непосредственно (в подлиннике, не репрезентативно) созерцаем в «мире идей». В силу принципа тождества бытия и мышления – эйдосы (сущности) вещей – это и есть «сами вещи» как таковые, тогда как чувственное восприятие имеет дело лишь с субъективны-

ми репрезентациями этих эйдосов («тени на стене пещеры» – согласно платоновской метафоре пещеры). Таким образом, учение о «непостижимости сущности» предполагает иную чем у Платона (и Аристотеля) теорию познания, близкую к теории познания Нового Времени (Декарт и Локк) – в которой не только чувственное познание репрезентативно – имеет дело не с вещами, а с их «образами»-репрезентациями в чувственном сознании, но и мышление также оперирует лишь теми же образами и, следовательно, также как и восприятие, не имеет прямого доступа к самим вещам. Как показал Кант, последовательное проведение этой точки зрения неизбежно нас приводит к заключению, что не только Бог трансцендентен, ни и любая вещь «тварного мира» есть «вещь в себе» – нечто абсолютно нам неизвестное и непознаваемое. Здесь опять вступают в силу приведенные выше аргументы против идеи «абсолютно трансцендентного» – оно не только непознаваемо, но даже и не может быть помыслено в качестве чего-то непознаваемого, поскольку любая мысль осмысленна через то, на что она указывает, что она имеет в виду – а иметь в виду и указывать она может лишь то, что лежит в пределах данного субъекту, в пределах его опыта. Следовательно, с этой точки зрения «вещь в себе» никакого смысла не имеет.

Отсюда вытекает необходимость отказа от Декарто-Локковской модели процесса познания в которой сознание полностью отчуждено от своего предмета знания. Чтобы знать, что предмет знания хотя бы существует, необходимо как-то опытно владеть этим предметом, т. е. он должен быть дан в опыте не репрезентативно, а самолично, «в подлиннике». Иными словами, необходима теория познания, в которой сознание не замкнуто в себе, но где-то, на каком-то уровне «разомкнуто», имеет доступ к самим вещам. Если доступ к самим вещам имеет место на уровне чувственного восприятия, то мы получаем

«интуитивистскую» теорию познания (Бергсон, Лосский, Франк, Хайдеггер и т. п.). Если же мы полагаем, что сознание разомкнуто на уровне мышления (я воспринимаю образы-репрезентации, но мыслю сами вещи) – то мы возвращаемся к платонизму, концепции тождества бытия и мышления. В обоих случаях сущность вещей вполне постижима – на уровне восприятия (интуитивизм) или же на уровне мышления (платонизм). Подводя итог, можно утверждать, что идея «непостижимой Божественной сущности» не есть простое следствие принципиальной непостижимости всякой сущности вообще и таким образом нельзя аргументировать непостижимость сущности Бога ссылаясь на непостижимость всякой сущности, как это отчасти делал, например, Василий Великий, который утверждал, что «непостижима даже сущность муравья», а следовательно, тем более непостижима Божественная сущность.

О непостижимости Божественной сущности нам также говорят мистики – Бог для них открывается как нечто невыразимое, словесно неопишное, и, следовательно, трансцендентное по отношению и к нашей чувственности (Бог безвиден) и по отношению к нашему разуму (Бог понятийно невыразим). Однако, поскольку Бог, как нечто невыразимое, все же прямо переживается мистиком, то это означает, что Бог присутствует в мистическом опыте, а значит не трансцендентен по отношению к опыту вообще, но лишь трансцендентен по отношению к чувственному и интеллектуальному опыту. Следовательно, если действительно мистики способны к подлинному богопознанию и то, что они переживают – это и есть сам Бог (а не его энергии или какие-либо его репрезентации), то, нужно признать, что существует и какая-то третья способность к познанию, помимо чувственного и интеллектуального познания, которая обычно обозначается термином «мистическое познание» или «мистическая интуиция». Уче-

ние о таком мистическом познании было разработано в России Н. О. Лосским и С. Л. Франком [3, 5, 6] и согласно этому учению Бог постигается именно «интуитивно», т. е. прямо и непосредственно, «в подлиннике», но так, что он, при этом, не становится чувственно или умственно постигаемым.

Рассматривая вопрос о природе религиозной веры С. Л. Франк пишет: ...вера-доверие – непосредственно или через ряд промежуточных инстанций – опирается на веру-достоверность. Но как возможна вера-достоверность? Достоверность во всех областях мысли и знания может означать только одно: *реальное присутствие самого предмета знания или мысли в нашем сознании*. ... Достоверность в конечном счете носит всегда характер того непосредственно очевидного знания, в котором сама реальность наличествует, как бы предъявляет себя нам; именно это мы разумеем под словом «*опыт*». Опыт – такое обладание чем-либо, которое само есть свидетельство реальности обладаемого. Если возможна вера-достоверность, то это предполагает, что есть вера, имеющая характер опыта» [6 с. 14]. «...религиозный опыт, в качестве познания личного Бога, есть ... живая встреча с Богом, непосредственное общение с Ним» [6, с. 37]. Таким образом в религиозном опыте Бог непосредственно опытно открывается человеку, но «то, что при этом ... открывается, открывается именно как *абсолютно-непостижимое* – как бездонная глубина или необъятная полнота» [5, с. 201] – открывается как нечто непостижимое ни чувственно, ни рационально.

Такое решение проблемы трансцендентности Бога представляется вполне философски удовлетворительным. Но непосредственно оно может опираться лишь на мистический религиозный опыт и, следовательно, требует философского прояснения. Для того прояснения нам необходима философская концепция Бога – т. е. такая концепция, которая вытека-

ла бы из общефилософской проблематики, вводилась именно как необходимое средство решения философских проблем. И эта концепция должна дать нам прояснение смысла представления мистиков о Боге, трансцендентном восприятию и мышлению, но тем не менее, опытно данному (и таким образом мы достигнем примирения между концепциями «Бога философов» и «Бога мистиков»).

Самый очевидный метод введения понятия о Боге в философию – это платоновское и аристотелевское понятие о Боге как о надындивидуальном мышлении, к которому наше сознание, наша душа лишь причастна, но не является ни творцом, ни хозяином этого мышления. Действительно, у Платона Бог – это, по сути, и есть «мир идей», который у Плотина трансформируется в концепцию «Мирового ума». Аристотель же явно озвучивает тождество Бога и мышления: Бог – это «мышление которое направлено на само себя» [1]. Мышление (рассматриваемое с точки зрения его содержания, всей совокупности умопостигаемых объектов) можно отождествить с Богом лишь в том случае, если оно понимается в духе платоновской онтологии и гносеологии – как нечто надындивидуальное и сверхчувственное и, вместе с тем, как источник существования чувственных вещей (последние, по Платону, есть «отпечатки» идей в «воспринимающей природе», которая, по сути, и есть сама форма чувственного бытия (пространственность, временность и качественность)). Вместе с тем, мы неизбежно приходим к платонизму в понимании мышления, если отказываемся как от натуралистической Декарто-Локковской гносеологии «замкнутого в себе» сознания (я ощущаю образы в сознании, а не сами вещи, и мыслю также эти образы) – поскольку она ведет к непостижимым и немислимым в принципе Кантовским «вещам в себе», так и отказываемся от интуитивизма (концепции прямого постижения реальности уже на

уровне чувственного восприятия) – хотя бы потому, что интуитивизм ведет к отрицанию онтологичности научной картины мира (если вещи именно таковы, какими мы их видим (т. к. мы видим сами вещи, а не репрезентации), а наука нам говорит, что они совсем не таковы, то, очевидно, наука не имеет ничего общего с реальным положением дел и должна пониматься лишь как некая весьма произвольная форма упорядочивания нашего опыта, имеющая в лучшем случае лишь прагматическую ценность). Тогда, для того, чтобы избежать солипсизма, нам остается лишь признать, что сознание где-то «разомкнуто» – имеет доступ к самим вещам, но не на уровне восприятия (как в интуитивизме), но «разомкнуто» на уровне мышления, а значит и объекты, которые мы мыслим – есть сами вещи, как они существуют сами по себе, безотносительно к нашему индивидуальному сознанию. Мы не творим и даже не присваиваем себе эти умопостигаемые вещи – они усматриваются нами там, где они существуют – в надындивидуальном Мире идей. Поскольку идеи в этом Мире существуют «в вечности», вне становления (становление есть атрибут лишь чувственного восприятия), то, очевидно, эти идеи не возникают, не исчезают, не меняются – они всегда все имеются в наличии. Таким образом мир идей конкретизируется посредством понятия «Мирового Ума» – в котором изначально (в вечности) пребывают все возможные идеи (т.е. содержательно он есть Умопостигаемый универсум – множество всего, что вообще возможно помыслить). Этот статичный надындивидуальный Мировой Ум, наполненный всеми возможными идеями, и есть «Бог философов».

Введение такого рода надындивидуальной реальности в которой «укоренено» индивидуальное сознание, по сути является необходимым условием самого существования философии. Философия, в классическом ее понимании, появляется тогда, когда мы помимо предметной ре-

альности осознаем существование субъекта, познающего эту реальность, и задаемся вопросом об отношении субъекта и объекта. Но чтобы помыслить субъект-объектные отношения, будучи, при этом, только лишь субъектом, а не объектом, мы должны каким-то образом посмотреть на эти отношения как-бы извне – из некоей области реальности, в которой различие субъекта и объекта отсутствует. Эта надиндивидуальная, надсубъектная и надобъектная область «всеединства» – и есть Бог с т.з. философии. Чтобы философствовать, нужно взглянуть на реальность с точки зрения Бога. Если же Бога нет, то и философия не возможна. Таким образом, «философский Бог» – это нечто необходимое философии в качестве средства ее самообоснования.

Можно ли от «Бога-ума» философов как-то логически перейти к идее «сверхумопостигаемого» Бога мистиков? Такой переход мы видим у Плотина в его концепции Единого как предельного основания Мирowego Ума. Можно попытаться определить это Единое как сам принцип мышления (суть мышления можно усмотреть в синтезе, соединении разнородных элементов мысли – мысль всегда что-то с чем-то соотносит, сопоставляет, сравнивает, схватывая сходство и различие). Ясно, что принцип мышления как таковой сам по себе не является содержанием мышления – т.к. он есть именно форма, а не содержание мысли. И с этой точки зрения единение как принцип мышления находится как бы «выше» любого объекта мышления, есть нечто сверхумопостигаемое. Однако, единение как принцип мышления имманентно самому мышлению как его атрибут и таким образом нет никаких оснований выносить этот принцип мышления за пределы Мирowego Ума и мыслить его как самостоятельную сущность некоторым таинственным образом производящую сам этот Ум. У Плотина возникают серьезные проблемы, когда он пытается из Единого вывести Ум – как

«единое-многое» (такое многое, в котором каждый элемент содержит в себе все целое) т.к., очевидно, из Единого логически корректно можно вывести лишь Единое, но никак не Многое.

Если Многое происходит от Единого, то, очевидно, это Многое должно как-то неявно в этом Едином присутствовать. И Плотин действительно говорит о том, что в Едином эйдосы Мирowego Ума все же присутствуют «в потенции». «Оно (Единое – И. Е.) и в самом деле содержит в себе их (эйдосов Ума – И.Е.) бытие, но только в неразличимом, слитном виде; разумообразное различие и разделение этого смежного бытия производит уже второй принцип, так как он – актуальная энергия Первого, тогда как Первое есть основа или потенция всех вещей» [4, V, 4, 2]. Даже душа человека, по Плотину, сливаясь в состоянии экстаза с Единым, тем не менее, поскольку она способно выйти из этого состояния сохранив свою индивидуальность, не растворяется полностью в Едином, и таким образом потенциально сохраняет в нем свою индивидуальность и обособленность.

Если в Едином потенциально присутствую множественные эйдосы Мирowego Ума, то в чем тогда различие Ума и Единого? Очевидно в том, что в Уме потенциальное становится актуальным, непроявленное – проявленным. Но тогда естественно предположить, что Ум и Единое – суть одно и то же, но в двух различных состояниях – проявленном и непроявленном. Единое – это Ум, в котором множественность эйдосов потенциальна и они неотличимы друг от друга. Это как бы Ум погруженный «во тьму» неразличимости. Ум – же есть Единое, как бы «освещенное светом» различающей способности души. Эта теория предполагает, в отличие от Плотина, что Ум не способен к саморазличению (иначе он всегда был бы единым-многим, и не был бы никогда просто Единым). Но тогда источником различающей деятельности может быть лишь работа че-

ловеческой (и иной) души – которая и различает эйдосы Ума. Следовательно, если душа активно созерцает содержимое Мирового Ума – то этот Ум переживается душой как единое-многое (совокупность эйдосов), а если душа эту различающую активность в себе гасит – тот же Ум как бы «погружается во тьму» и становится для души недифференцированным Единым. Таким образом, если предположить, что мистики действительно переживают именно того Бога, о котором говорят философы, в качестве чего-то «неизреченного», «неразложимого на признаки понятий», то это, видимо, является следствием «отключения» в мистическом экстазе различающей способности души – что и погружает «Бога-ума» во тьму неразличимости.

Вместе с тем и Бог – Мировой ум, поскольку он есть Всё (Абсолют) апофатичен в том смысле, что, являясь Всем, он не является чем-то определенным, подпадающим под какие-либо конкретные понятия, не обладает конкретной «чтойностью». Всякое понятие ограничивает – отделяет предмет данного понятия от всего остального бытия. Бог, как единый универсум мыслимого – никак и ничем не ограничен и поэтому не может быть опре-

делен понятийно, за исключением предельно общего понятия Всё (Абсолют).

Библиографический список

1. Аристотель *Метафизика*. Книга 12. гл. 9. – М. : Эксмо, 2006.
2. Лосский В. Н. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви*. – М. : Центр «СЭИ», 1991.
3. Лосский Н. О. *Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция*. – М. : Терра-книжный клуб, 1999.
4. Плотин *Эннеады*. – К. : УЦИММ-ПРЕСС, 1995.
5. Франк С. Л. *Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии*. – М. : Правда, 1990.
6. Франк С. Л. *С нами Бог*. – М. : АСТ, 2003.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aristotel` *Metafizika*. Kniga 12. gl. 9. – M. : E`ksmo, 2006.
2. Losskij V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoj Cerkvi*. – M. : Centr «SE`I», 1991.
3. Losskij N. O. *Chuvstvennaya, intellektual`naya i misticheskaya intuiciya*. – M. : Terra-knizhny`j klub, 1999.
4. Plotin E`nniady`. – K. : UCIMM-PRESS, 1995.
5. Frank S. L. *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii*. – M. : Pravda, 1990.
6. Frank S. L. *S nami Bog*. – M. : AST, 2003.

© *Иванов Е. М., 2019.*

УДК 02.71

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

У. Р. Кушаев

*Доктор философских наук (DSc),
e-mail: umididunyo@mail.ru,
Узбекский государственный университет
мировых языков,
г. Ташкент, Узбекистан*

RELIGIOUS CULTURE IN THE SECULAR SOCIETY

U. R. Kushaev

*Doctor of Science (Philosophy),
e-mail: umididunyo@mail.ru,
Uzbek State University of World Languages,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article analyzes the essence of religious culture as an urgent problem of modern society. Revealed the need to increase attention to this problem in light of the rapid growth of the level of religiosity on a global scale. The elements and factors of religious culture that have a dialectical relationship are consistently studied. Religious consciousness, religious tolerance, freedom of conscience and other principles, and the phenomenon are considered as determinants of the religious culture of man and society.

Keywords: religious culture; religious consciousness; secularization; tolerance; civil society; religiosity.

Современные социокультурные реалии общества показывают непрерывный рост уровня религиозности людей. Религия как одна из форм мировоззрения не только продолжает занимать большое место в жизни социальных субъектов, но и ее функции, которая она выполняет, все больше обогащаются новыми смыслами.

Отдельное внимание заслуживают прогнозы по поводу расширения религиозного горизонта социума в ближайшем будущем. Так, согласно результатам исследований, проводимых специалистами центра Pew Research Center (США), «по состоянию на 2010 год христианство с большим отрывом было крупнейшей религией мира, обладая по подсчетам 2,2 миллиардами приверженцев, что составляет почти треть (31 %) от всего 6,9-миллиардного населения Земли. Ислам занимал второе место, имея 1,6 миллиардов приверженцев, то есть 23 % от всех людей.

Однако, если актуальная демографическая тенденция продолжится, ислам по-

чти догонит лидера к середине XXI века. В период с 2010 по 2050 год ожидается, что общее население Земли вырастет до 9,3 миллиардов, то есть, на 35 %. За этот же период число мусульман – среди которых в среднем много молодых людей, обеспечивающих высокую рождаемость, – по прогнозам увеличится на 73 %. Число христиан тоже должно увеличиваться, но медленнее, примерно с той же скоростью (35 %), что и общее увеличение населения Земли.

В результате, согласно прогнозам Pew Research Center, к 2050 году число мусульман (2,8 миллиарда или 30 % населения) будет почти равно числу христиан (2,9 миллиарда или 31 %), возможно, первый раз за всю историю» [1].

Разумеется, это результаты прогностических анализов определенного центра. Однако сегодня подобные исследования проводятся во многих научных средах общественных наук, и отметим, что, их выводы по данной проблеме тоже аналогичны. Такие данные подтверждают роста

актуальности проблем, связанных с религиозной культурой человека и общества в целом, которые требуют систематических научных исследований.

Известно, что религиозная культура – понятие, означающее определенную религиозную деятельность и возникающие в ее результате духовно-культурные события и явления. Религиозная культура как система включает в себя следующие элементы: вера в бога; обряды и ритуалы, формы молитв; предметы, используемые в процессе религиозных действий; религиозные догмы; социальные институты, возникающие в ходе религиозной деятельности.

Религия, это не только комплекс определенных точек зрения, представлений и практик, одновременно, она должна рассматриваться как идея и форма культуры. В этом смысле каждая культура имеет религиозную окраску и действует в той или иной мере на основе сформированных в рамках религиозного мировоззрения догм, ценностных ориентаций и нравственных норм. Важное место в структуре религиозной культуры занимают систематизированные действия, которые представляют собой комплекс строго регламентируемых поступков, направленных на установление связей с божественными силами. Они, в свою очередь, отражаются в различных религиозных ритуалах и обрядах, так как молитвенные обряды присущи всем религиям.

Обществу, большинство членов которого исповедуют одну религию, присуща единая система религиозной культуры. В социокультурном пространстве, где преобладает поликонфессиональность, действует религиозная культура плюралистического характера. Как и другие формы культуры религиозная культура тоже проявляется на уровне личности, социальной группы, этноса и народа, соответственно, эти уровни активно влияют друг на друга и часто могут друг друга изменить.

Следует отметить, что сегодня религиозная культура развивается в условиях секуляризации, поэтому важно исходить

из этого постулата в понимании сущности религиозной культуры. основополагающие стороны секулярного общества – правовое государство и гражданское общество – способствуют гармонизации религиозности и светскости. С этой точки зрения, религиозная культура как система в наши дни должна включать в себя и следующие элементы: соблюдение действующего законодательства по обеспечению свободы совести; стремление к здоровому религиозному просвещению; культура толерантности.

Приведенные выше факторы имеют важную значимость в развитии системы религиозной культуры в условиях правового государства, где религия отделена от политики. Строгое соблюдение данного принципа несомненно служит обеспечению гармоничности между религиозностью и светскостью.

Религиозная культура невозможна без религиозного сознания. Как одна из форм общественного сознания, религиозное сознание, основано на вере в сверхъестественные, божественные силы. Оно является фундаментом формирования религиозной культуры. В религиозном сознании вера занимает центральное положение, представляя собой стабильные, душевные психологические состояния людей при всяких жизненных ситуациях. Также вера является одной из основных причин социальной активности и фактором определения смысла жизни.

Кроме этого, в религиозном сознании особое место занимают чувства и представления, через которые происходит общение верующих с божественными силами. Еще одним важным компонентом религиозного сознания выступает религиозный язык. Это такой язык этноса или народа, с помощью которого отражаются религиозные значения и смыслы.

Принято выделять два взаимосвязанных уровня религиозного сознания: обыденный и теоретический. Обыденный уровень связан с каждодневной практи-

кой, проявляющей себя в традициях, молитвах, ритуалах и обрядах. Теоретическое религиозное сознание формируется богословами, теологами и представляет собой сложную систему понятий, концептуальных положений и идей. В этой системе с точки зрения требований пространства и времени упорядочиваются нравственные нормы, правила поведения верующих в сферах деятельности: экономике, праве, политике, искусстве и др. Теоретический уровень отражается в теологии каждой религии, например, в христианстве догматика, апологетика, экзегетика, патрология и т. д., в исламе калям, фикх и др. Формирование, совершенствование религиозного сознания зависит от взаимодействия его с другими такими формами общественного сознания, как нравственное, политическое, экономическое, правовое и т. п., также от особенностей истолкования основных положений религии, отражающихся в рамках теологических учений.

Религиозная культура в условиях современного общества тесно связана с демократическим принципом свободы совести, которая, отражает право каждого человека исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой; выступает важнейшим принципом толерантности, регулирующий взаимоотношения между людьми, касающиеся религиозного убеждения [2, с. 354].

Свобода совести закреплена во Всемирной декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообщая с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов». Также эта демократическая ценность отражена в конституциях государств как правовая основа отделения политики, системы образования, науки и т.п.

от религии. Согласно свободе совести государство обязано охранять своих граждан от деятельности деструктивных религиозных групп, оказывающих негативное влияние на психологический и моральный облик людей, а подчас и несущих угрозу их жизни и здоровью. Одновременно этот принцип гарантирует традиционным религиозным объединениям право регистрироваться, открывать свои организации и вести свою законную деятельность, и тем самым, развивать истинное религиозное просвещение.

Иначе говоря, свобода совести составляет неотъемлемую часть прав и свобод человека. Она как совокупность способов, механизмов и мер, направленных на стабилизацию религиозной сферы общества, является важным фактором развития религиозной терпимости.

Еще одним важным вектором развития современного общества является процесс секуляризация (от позднелат. *saecularis* – мирской, светский), который означает тенденцию высвобождения всех сфер жизни общества и личности из-под контроля религии. В общем смысле данное понятие означает события и явления, связанные с отдалением религиозной жизни от государственной политики, и тем самым, оно также отражает феномен светскости. Процесс секуляризации в основном берет свое начало в эпоху Просвещения, когда стали развиваться идеи гражданского общества и национальной государственности. Противодействие или борьба против церковной власти, стремление к отдалению государственных и церковных дел и сокращение сфер деятельности религиозных организаций были основными свойствами этого процесса. Уменьшение объема религиозных услуг и молитв в обществе, также передача множества гражданских дел в государственное распоряжение, превалирование роли светскости в литературе, искусстве и морали – основные характеристики секуляризации.

Следует отметить, что секуляризация обусловлена прогрессом общественных отношений и возникла в результате новшеств, появившихся с развитием науки и техники. Революции в Европе привели к конфискации собственности церкви в пользу государства, отделению школы и образования от церкви, декларированию прав, направленных на обеспечение свободы совести.

Принято считать, что формирование конституционного строя было результатом процесса секуляризации. Таким образом, сегодня человечество проживает в условиях секулярного общества. Однако это не означает снижения роли и значения религии как социального института. Она как неразрывная часть духовной сферы до сих пор сохраняет свои основные мировоззренческие и поведенческие функции. Достижение баланса светскости и религиозности во многом будет предопределять дальнейшую судьбу процесса секуляризации [2, с. 357].

Поликонфессиональность общества требует высокого уровня религиозной толерантности, которая выступает одной из важных форм толерантности, проявляющаяся в уважительном, терпимом, доброжелательном, внимательном отношении к представителям другой религии. Значимость религиозной толерантности заключается в том, что она активно влияет и иногда даже предопределяет другие виды и формы толерантных взаимоотношений. Например, если между представителями разных конфессий, которые имеют одновременно и разные национальности, отсутствует религиозная толерантность по отношению друг к другу, то можно без сомнения утверждать, что между ними не сформируется межнациональное согласие и уважение. И наоборот, если в разрезе межнациональных отношений не существует теплых и близких отношений при

наличие у наций разных религий, то сложно представить взаимопонимание между ними в религиозном плане. В этом отношении религиозная толерантность своей силой воздействия охватывает огромные плоскости и, тем самым, практически выступает одним из предопределяющих факторов стабильности социальных взаимоотношений в целом.

Религиозная толерантность – труднодостижимый процесс, поэтому она актуальна во все исторические периоды. С этой точки зрения надо отметить, что толерантность между религиями формируется на основе религиозной терпимости, которая в свою очередь, как начальное, важное звено открытых и искренних взаимоотношений между религиями, несмотря на наличие у представителей непонимания, невнимания, уважения и иногда даже некоей антипатии и неприязни, подразумевает, терпеливые отношения к представителям другой религии, их ценностям, традициям и образу жизни в целом.

Библиографический список

1. Будущее мировых религий: прогнозы демографического роста, 2010-2050 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/religion/20170208/238688310.html> (дата обращения: 17.01.2019).
2. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Budushhee mirovy`x religij: prognozy` demograficheskogo rosta, 2010-2050 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://inosmi.ru/religion/20170208/238688310.html> (data obrashheniya: 17.01.2019).
2. Kushaev U. R., Doroshina I. G. Tolerantnost` : e`nciklopedicheskij slovar`. – Penza : Nauchno-izdatel`skij centr «Sociosfera», 2014. – 484 s.

© Кушаев У. Р., 2019.

УДК 004.827

СЛОЖНОСТЬ И СИСТЕМНОЕ МЫШЛЕНИЕ

М. К. Ниязимбетов

*Кандидат философских наук,
ORCID 0000-0001-9517-3374,
e-mail: niyazimbetovm_7@mail.ru,
Национальный университет Узбекистана,
Ташкент, Узбекистан*

COMPLEXITY AND THE SYSTEMSTHINKING

M. K. Niyazimbetov

*Doctor of Philosophy (PhD),
ORCID 0000-0001-9517-3374,
e-mail: niyazimbetovm_7@mail.ru,
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. We are living in the world, which is nonlinearity complex. The problem of complexity is the one of the main questions of modern epistemology and methodology. It is certain, catching up always changing world and its regularity is not impossible using fragments thinking; that is why, alternative stils thinking of research phenomena of complexity must be made up. The philosophical aspects of systems thinking is analyzed in the article.

Keywords: complexity; system; nonlinearity; systems thinking; fragments thinking; reduction; systems modeling.

Введение. Мы живем в сложном нелинейном мире. Проблема сложности прочно заняла центральное место среди проблем современной эпистемологии и методологии науки. Становится очевидным, что познание усложняющегося мира, его закономерностей невозможно адекватно отразить с фрагментарного мышления, поэтому возникла необходимость разработки альтернативных стили мышления исследования феномена сложности. В данной статье дан анализ философских аспектов природы системного мышления.

Основная часть. В современной гносеологии системное мышление исследуется в качестве адекватного образа мышления для познания сложности.

Что такое системное мышление? Ряд исследований содержат его определения. К примеру, по мнению А. Н. Аверьянова, «системное мышление это – самая развитая форма мышления» [1, с. 263], по В. К. Толкачеву, оно есть «качественно

новое состояние мышления» [2, с. 347]. По мнению одного из крупных специалистов в вопросах системного мышления и системного подхода Донеллы Медоуз, «системное мышление – новый способ описания и познания окружающего мира, учитывающий, что "всё связано со всем", что взаимосвязи могут носить нелинейный характер и образовывать циклы обратных связей, что система в целом представляет собой нечто большее, чем простая совокупность составляющих ее частей. Специалистов в области системного мышления и системной динамики называют системными мыслителями или системщиками. Современный мир быстро меняется, многое усложняется, системное мышление помогает нам увидеть наши возможности, применять их и управлять ими. Данный тип мышления может помочь найти истинные причины проблем и найти пути их преодоления» [3, с. 150]. Противоположностью системного мыш-

ления является фрагментарное (отрывочное, неполное) мышление. Если фрагментарное мышление изучает предметы и явления, деля их на части, то системное мышление занимается построением целого объекта из его частей. Односторонность фрагментарного подхода много веков назад отметил древнекитайский философ Лао Цзи в своем высказывании: «когда человек делит мир на части, он перестает понимать воздействие не только божественных, но человеческих законов». Между прочим, фрагментарное мышление мы можем рассмотреть на примере индийской притчи, в которой говорится о том, как несколько слепцов не смогли познать истину, представляя себе части тела слона, которые они ощупывали:

Первый, ощупывая хвост слона, почитал, что это веревка. Второй, ощупывая зубы слона, представил их себе в виде палок. Третий, ощупывая его живот, представил себе стену. Четвертый, ощупывая ноги слона, представил себе столбы.

Слепцы познали только части целого. Они не осознали, что в действительности истина выглядит по-другому. Анализ только частей не обеспечивает понимания целого, ибо целое определяется взаимодействием частей. Отдельно взятая часть целого это только часть, она не дает никакого представления о целом. Между тем, объединив свои разрозненные представления, слепцы могли бы создать единую картину целого и таким образом достичь истины. При помощи системного мышления мы создаем широкую панораму, точнее понимая происходящее.

В подобном вышеприведенному фрагментарному мышлению, мы получаем информацию о небольшой части предмета или явления.

Фрагментарное мышление дает человеку только одну единственную возможность, другие возможности и связи между ними остаются за пределами его понимания. Точно также фрагментарное мышление приводит только к одному единствен-

ному решению вопроса, других решений человек не видит. Фрагментарное мышление это – видение только частей предметов и явлений, отдельной их стороны, отдельных связей в них. Например, исследователь, опирающийся на фрагментарное мышление в решении проблемы, связывает ее возникновение с одним единственным фактором, имея дело со строгим детерминизмом (линейной связью) причинно-следственной зависимости. Размышляя над единственным решением проблемы, невозможно прийти к новым решениям.

В виде примера мы также можем обратиться к сфере предпринимательства. Если предприниматель, занимаясь бизнесом, удовлетворяет только свой материальный интерес и не видит в нем других вещей, таких, например, как возможность морального удовлетворения от совершения добрых дел, то он мыслит несистемно. Маловероятно, что такое предпринимательство будет эффективным.

К тому же специалисты много говорят об экономических проблемах, загрязнении окружающей среды, социально-политических беспорядках и других проблемах современной действительности, размышляют над решением этих проблем, однако окончательного решения эти проблемы еще не получили. Причиной этого является усложнение мира. Осознание, понимание сложных систем традиционным образом мышления недостаточно. Следовательно, возникла необходимость в другом типе, образе мышления, которым является системное мышление. Системное мышление это – способность познавать не только части целого, но и его синергию, различные связи, присутствующие в системе.

Мы живем в мире систем. Поэтому нам необходимо системное мышление. Раз мир является системным, то и для его познания необходимо системное мышление.

Системное мышление предполагает, что мы должны видеть свойства предметов и явлений не как отрицающие друг друга, а в виде элементов, из которых

строится целое. В истории философии некоторые учения рассматривали материю и дух противоположными друг другу, отрицающими друг друга. Однако материя и дух представляют собой целостность, следовательно, они предполагают друг друга. Такие представления, присутствующие в некоторых учениях, можно оценить в качестве фрагментарного мировоззрения, которое противоположно системному мировоззрению. По мнению М. Р. Шагиахметова, системное мировоззрение это – рассмотрение человека и природы, человека и мира при помощи нового, адекватного подхода, в котором никакая часть не может быть противопоставлена другой, рассмотрение мира в целостном, системном единстве [4, с. 6].

Раз мир является целостной системой, наше представление о нем, наше мировоззрение также с необходимостью должно быть системным. Тогда наши знания о мире будут адекватными.

Первый Президент Узбекистана И. А. Каримов в своем произведении «Высокая духовность – неодолимая сила» высказал идею о том, что материальный и духовный мир существуют во взаимной гармонии, целостности, предполагая друг друга, обладают синергией:

«...думаю, будет уместным сравнить материальный и духовный миры с крыльями летящей птицы, необходимые человеку для воплощения в жизнь своих мечтаний и стремления, для его осмысленного существования» [5, с. 47–48].

Таким образом, предметы и явления необходимо рассматривать, основываясь не на их амбивалентности, а в совокупности всех их сторон, которые предполагают друг друга, когда это необходимо обращать внимание на то, как они меняются местами. В качестве примера взглядов, придерживающихся признания единства противоположностей, их взаимопереходов, а не отрицания их друг другом, можно привести китайскую басню:

В одной из китайских деревень жил счастливый крестьянин, ибо у него была лошадь, которой не было у других. Однако однажды лошадь убегает... и он превратился в самого несчастного человека в деревне. Однажды его лошадь вернулась, но привела с собой дикую лошадь. Человек снова стал считать себя счастливым. Но его единственный сын, пытаясь приручить дикую лошадь, упал с нее, сломал ногу и стал калекой. Крестьянин вновь ощутил себя несчастным, потому что его единственный сын стал калекой. Однажды император объявил сбор воинов в военный поход, и всех молодых парней забрали на войну, в деревне остался только сын крестьянина, так как был калекой. Крестьянин снова почувствовал себя счастливым.

В данной басне выдвигается идея о том, что в определенных условиях противоположные вещи могут быть хорошими и полезными, в других – плохими и бесполезными, одним словом, какая-либо часть целого не может быть названа абсолютно плохой или абсолютно хорошей, напротив противоположные части могут переходить друг в друга, предполагать друг друга, находиться в постоянной синергии. Вышеизложенные идеи предрасполагают поинтересоваться рассматривать такие противоположные категории, как этические «добро» и «зло», эстетические «прекрасное» и «безобразное», духовные «мудрость» и «невежество». А также вызывают необходимость разработки нового учения, рассматривающего данные двойственные категории не как отрицающие, а дополняющие друг друга, предполагающие друг друга, бессмысленность одной из категорий, когда отсутствует противоположная ей категория, а также, что они являются частями целого. Например, известно, что Джалалиддин Руми применял системное мышление в рассмотрении человеческого поведения: «если бы человек был абсолютно мудрым и полностью свободным от невежества, тогда именно эта мудрость разрушила бы его. Следовательно, неве-

жество вечно, потому что оно обеспечивает непрерывность существования. Мудрость и невежество меняются местами, невежество помогает мудрости также как ночь и день дополняют друг друга» [6, с. 19–20], то есть «это есть самое малое подтверждение того, что противоположные стороны не отрицают друг друга» [7, с. 317].

Системное мышление раскрывает нам также новое видение фундаментальных проблем философии. В частности в определении сущности человека в некоторых философских учениях приоритет занимает разум (Декарт), в других воля (Шопенгауэр) или ощущения (Ж. Локк и другие). Исторически рационализм, сенсуализм и иррационализм формировались как оппозиционные друг к другу доктрины. Например, гносеологическая позиция учения рационализма выражена высказыванием: «Я мыслю, значит я существую» (Р. Декарт), сенсуализм же опирается на принцип «чего нет в ощущениях, того не может быть в разуме». На наш взгляд, данный подход фрагментарен, то есть аналитический, так как в данном случае в познании разум и ощущения рассматриваются и признаны как отделенные друг от друга части.

Философ, мыслящий системно, считает, что разум, воля и ощущения не отрицают друг друга, а являются частями (элементами) целого, которые предполагают друг друга. Это сравнимо с человеческим организмом, в котором мозг в отрыве от сердца, сердце в отрыве от печени не могут выполнять полностью свои функции, они являются дополняющими друг друга частями целого. Подобная мысль была выдвинута несколько веков назад французским философом Леже-Мари Дешаном. По его мнению, «разум-рассудок не могут существовать без ощущений. Однако разум-рассудок составляет не только одно ощущение, чувство. Разум-рассудок составляют единство и гармонию вместе со всеми ощущениями в

целом. Поэтому делать выводы из одного единственного ощущения все равно, что делать выводы об общем, основываясь только на частное. Такие выводы будут бессмысленными, потому что общие выводы, которые делаются на основе всех частей целого, могут иметь совсем иную природу» [7, с. 317]. Однако теория познания основывается на концептуальную модель Декарта – метод аналитического мышления, согласно которому, чтобы познать целое, необходимо разделить его на части, а в результате их объединения можно получить свойства целого. Об односторонности данной методологии Фритьоф Капра пишет следующее: «картезианская научная картина мира оказала положительное воздействие на классическую механику и развитие техники, однако во многих других сферах человеческого развития привела к серьезным негативным последствиям. Картезианское мировоззрение явилось причиной множества беспокойств, возникших в мире в настоящее время» [8, с. 336].

Таким образом, по нашему мнению, в настоящее время основу современного гносеологического принципа составляет применение методов холизма и элементаризма в единстве. Методологические методы редукционизма, механицизма присущи фрагментарному мышлению. Редукционизм является методологическим средством перехода от сложного к простому, то есть, чтобы познать сложное целое, необходимо изучать его, разделив на части. Такой подход был присущ классической науке.

Следует отметить, что моделирование сложных систем должно основываться на системном моделировании.

Системное моделирование это – метод, опирающийся на системное мышление, когда отображение исследуемой системы строится согласно требованиям системного подхода. Системный подход это направление методологии научного познания и социально-экономической прак-

тики, основанная на изучении объектов в качестве систем, применении системного принципа.

Основные положения системного принципа [9, с. 18]:

- целостный характер систем;
- взаимосвязь в системе целого и частей;
- примат целого над частями, то есть приоритетность, превалирование целого;
- иерархичность структуры системы;
- динамизм систем, их структуры, характеристик элементов;
- неоднозначность в будущем возможного состояния и поведения, в том числе нередко и хаотического, внешней среды и изучаемых систем;
- устойчивость или эффективная адаптация, включая гомеостатическое поведение, сложных систем по отношению к неизвестному.

Заключение. Таким образом, специалисты различных областей науки в процессе исследовательской деятельности должны опираться на системное моделирование изучаемого ими объекта. Для этого до начала построения модели системы они должны изучить его структуру, проанализировать его компоненты, определить связи между отдельными его элементами. В свою очередь до анализа структуры системы они должны знать содержание и сущность ряда понятий, а именно: система, элемент, структура, малая система, большая система, обратная связь, которые характеризуют строение и функционирование системы.

В заключении можно сказать, в настоящее время для молодежи эффективным инструментом решения сложных задач в усложняющемся мире, принятия правильного решения может служить системное мышление. При использовании системного мышления, когда признано, что проблема имеет системный характер, требуется решать не одну проблему, а множество проблем. Решение системных проблем связано с системным мышлением. Ибо, по мнению специалистов, множество

проблем настоящей действительности, в частности возникновение экологического, экономического, социального и пр. кризисов связано с тем, что не было опоры на системное мышление.

Библиографический список

1. Аверьянов А. Н. Системное познания мира: методологические проблемы. – М. : Политиздат, 1985. – С. 263.
2. Толкачев В. К. Роскошь системного мышления. – СПб. : Эмпатия, 1999. – С. 347.
3. Медоуз Д. Х. Азбука системного мышления / пер. с англ. под ред. чл.-корр. РАН Н. П. Тарасовой. – 2-е изд. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. – С. 150.
4. Шагиахметов М. Р. Основы системного мировоззрения (системно-онтологическое обоснование). – М. : КМК, 2009. – С. 6.
5. Каримов И. А. Юксак маънавият – энгилмас куч. – Тошкент : Маънавият, 2008. – 47–48 б.
6. Модернизация жараёнининг фалсафий-методологик тахлили. Маъсул муқаррир М. Н. Абдуллаева. – Тошкент : Noshir, 2010. – 19–20 б.
7. Ҳақиқат манзаралари // Леже-Мари Дешан мақоласи. – Тошкент : Янги аср авлоди, 2009. – 317 б.
8. Капра Фритъоф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. – К. : «София»; М. : ИД «Гелиос», 2002. – С. 336.
9. Лившиц В. Н. Основы системного мышления и системного анализа. – М. : Институт экономики РАН, 2013. – С. 18.

Bibliograficheskij spisok

1. Aver`yanov A. N. Sistemnoe poznanie mira: metodologicheskie problemy`. – М. : Politizdat, 1985. – S. 263.
2. Tolkachev V. K. Roskosh` sistemnogo my`shleniya. – SPb. : E`mpatiya, 1999. – S. 347.
3. Medouz D. X. Azbuka sistemnogo my`shleniya / per. s angl. pod red. chl.-korr. RAN N. P. Tarasovoj. – 2-e izd. – М. : BINOM. Labora-toriya znaniy, 2011. – S. 150.
4. Shagiaxmetov M. R. Osnovy` sistemnogo mirovozzreniya (si-stemno-ontologicheskoe obosnovanie). – М. : КМК, 2009. – S. 6.
5. Karimov I. A. Yuksak ma`naviyat – engilmas kuch. – Toshkent : Ma`naviyat, 2008. – 47–48 b.
6. Modernizatsiya zharayonining falsafij-metodologik taxlili. Ma`sul muqarrir M. N. Abdullaeva. – Toshkent : Noshir, 2010. – 19–20 b.
7. Ҳақиқат манзаралари // Lezhe-Mari Deshan maқolasi. – Tosh-kent : Yangi asr avlodi, 2009. – 317 b.

8. Капра Фрит`оф. Пautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivy`x sistem. – K. : «Sofiya»; M. : ID «Gelios», 2002. – S. 336.
9. Livshicz V. N. Osnovy` sistemnogo my`shleniya i sistemnogo analiza. – M. : Institut e`konomiki RAN, 2013. – S. 18.

© *Ниязимбетов М. К., 2019.*

УДК 130

САМОКОНСТРУИРУЮЩИЙСЯ ВЫБОР КУЛЬТУРЫ

А. А. Оганов

*Доктор философских наук, профессор,
ORCID 0000-0002-6385-2222,
e-mail: arnold.oganov@yandex.ru,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

SELF-CONSTRUCTING CHOICE OF CULTURE

A. A. Oganov

*Doctor of Philosophical Sciences, professor
ORCID 0000-0002-6385-2222,
e-mail: arnold.oganov@yandex.ru,
Moscow Lomonosov State University,
Moscow, Russia*

Abstract. The article substantiates the position according to which culture is a self-developing system of spiritual values. There is a point of view, according to which the management of culture should be mainly reduced to the function of material support of its institutions. Culture itself guides the path of its further development. It is argued that only the culture itself is able to find an adequate response to the changing socio-political situation. The nature of the confrontation between cultural values and the onslaught of increasing pragmatic civilizational changes stands out.

Keywords: culture; culture of postmodernism; nonclassical types of culture; culture as self-constructing model; spiritual values; culture management.

Достаточно эскизного наброска реалий современного бытия, чтобы сделать зримой их абсурдность и драматизм. Примечательно соприсутствие высокотехнологического интеллекта наряду с духовным убожеством, неумным потребительством, консюмеризмом, политическим безрассудством. Какой культуре быть в этом мире и как прочерчивается ее путь в будущее?

Если отсечь все, что роднит человека с животным миром, то останется одна лишь культура. Она с ним от обряда рождения до обряда смерти. Чем больше в нем от культуры, тем меньше от животного и больше от человека. Это своего рода иммунная система. Она сберегает в человеке человека, придает смысл его бытию. Культура – неявно выраженная жизнь человечества, но она изначально укоренена в нем. Поэтому культура не может уме-

реть, пока не умрет человечество. Отсюда ее необычайная жизнестойкость.

Особенность культуры в том, что это древнейший в истории человечества институт. Философы спорят, что было раньше – этика или эстетика. Священнослужители первенство отводят культу. Так или иначе во все времена они составляли основу культуры, образуя развернутую систему ее ценностей. В какую бы даль не уходили эпохи – в историю, или в будущее, чувство прекрасного, опыт взаимоотношений и надежда на чудо спасения будут всегда неизбывны. Конечно, процессы исторических превращений и катаклизм как влияли, так и будут на них влиять, отчего и затруднительно заглянуть за горизонт нынешней культуры.

Между тем человеку свойственна устремленность в неведомое. Игрой воображения, фантазий он создавал, казалось бы, не осуществимые проекты в области

науки и техники. И тем не менее пророчества эти успешно осуществлялись. Вместе с тем история не располагает подобным опытом прорицания в сфере культуры и искусства. Нам неизвестны из прошлого предсказания, пришедших впоследствии новых традиций, праздников, художественных школ, направлений, различных субкультур.

Не увенчались успехом ожидания представителей просветительской мысли Нового времени на приход благопристойной, свободной от пороков жизни общества. Осмотрительнее были писатели. Свои предвидения они живописали в жанре художественных утопий, не претендуя, таким образом, на их осуществимость.

Напрашивается вывод – бытие культуры во времени протекает вне закономерной последовательности и «тяжести необходимости» (Н. Бердяев). Культура являет собой самотворящуюся систему. В отличие от науки она хранит свое прошлое, часто возвращается к нему, повторяется не всегда в узнаваемых масках. Культуру нельзя неволеить, невозможно направлять, приспособлять в интересах приземленно-бытовых, хозяйственно-экономических, политико-идеологических. Нередко это практикуется и тогда наступает симуляция культуры, ее артефактное существование. На этот случай у Э. Ионеско сказано: «Нам не надо министерство культуры, а надо министерство пера и бумаги». Роль государственных органов не управлять, а организационно обустроить ее, создавать благоприятные условия для развития. В ней аккумулировалась такая многовековая мудрость, что только ей одно безошибочно торить свой путь. Только она и знает какой ей быть, как реагировать и влиять на мироустройство человека. В этом ее сакральность, экзистенциальная неопостижимость.

Представляется крайним самомнением во всех бедах винить культуру, не осознавая, что ее исторические парадигмы не случайны, а детерминированы множе-

ством обстоятельств объективного и субъективного свойства. Такой генеральной парадигмой современной культуры является постмодернизм. В общественном мнении, а часто в научных текстах довольно распространена его негативная оценка. Наиболее вероятно полагать в этом две причины. Одна – отождествление *издержек* цивилизационного развития общества и его культуры. Тогда имеет место тот случай, когда недостатки часто ищут и находят не в оригинале, а в его отражении. Здесь надо отметить, что отражения в культуре не зеркальны, они неузнаваемо трансформированы, подобно тому, как это происходит в живом организме. Поэтому непросто указать на их первоисток.

Несмотря на то, что общество представляет собой единое культурно-цивилизационное образование с взаимопроницаемыми структурами, биполярная направленность прагматизма цивилизации и духовности культуры со временем все более контрастируют. Вероятнее всего такая тенденция в перспективе будет нарастать. В этом отношении человечеству уже не испытать гармоничного бытия, знакомого ему по ушедшим в прошлое эпохам. Предвидения на этот счет представителей философии жизни, начиная с О. Шпенглера, вскоре оправдались. Конечно, с приходом цивилизации культура не умерла. Точнее сказать, развенчаны прежние представления о классической культуре, и, похоже, безвозвратно. На рубеже XIX–XX вв. философы диагностировали перемены, однако, скольконибудь определенного видения иной, постклассической культуры в их текстах мы не находим.

Другая распространенная причина некорректно вынесенного приговора постмодернизму заключается в том, что для нас привычно выносить суждения о малоизвестном и необычном на основании уже сложившегося опыта взаимодействия с подобными явлениями. Оценивая но-

вое, мы невольно исходим из прежде усвоенных критериев. Другой шкалой оценок мы еще не располагаем. Это наглядно просматривается на примере истории искусств XIX–XX вв. Так, просвещенный Париж отвергал импрессионизм; похожим образом был встречен немецким экспрессионизм, русский авангардизм, многоликий модернизм... Нынче не счесть произведений этих художественных направлений и течений, вошедших в ряд классических образцов искусства. Немногие из их авторов получили прижизненное признание. Гении, как заметил В. Белинский, современникам не нужны, они для грядущих поколений.

Понятие постмодернизма указывает *только* на последовательность прихода современной культуры. Никакой содержательной ее характеристики понятие это в себе не несет. Но чтобы представить будущее культуры, надо всмотреться в нее сегодняшнюю, в ее исходные позиции. Это провозглашение плюрализма идей, множественности и конкурентности различных концепций, интерпретаций, оценок; преодоление клише, канонов, стереотипов, догматизма, поощрение эксперимента; осмеяние консервативного, ортодоксального, пародирование сословных привилегий, псевдоморали, ирония. Все это вполне позитивно и демократично, при том что ни в каких манифестах не прописано.

Критика и отторжение постмодернизма очевиднее всего вызваны ее формообразующими свойствами, способами индустриализации, острашения и очуждения. Отсюда гротеск и метафора, алогизм и аллегория, деструкция и деформация. Постмодернизм эпатажен. Он эпатирует, чтобы быть услышанным. Посредством игры, театрализации и карнавализации пародируется спектакль, разыгрываемый в действительности. Этот спектакль в спектакле, как в шекспировском Гамлете, когда разоблачается преступная ложь и лицемерие. Подобно это и театру абсурда, где языком алогизмов предстает реальная

картина абсурдности человеческого бытия, иллюзорности его ожиданий, некоммуникабельности его взаимоотношений. Та же гротесковость и метафоричность, что у Ф. Кафки в его «Превращении» и «Процессе», когда уничтожение человека превращает его в насекомое или в жертву бюрократической машины.

В остранных картинах постмодернизма чаще всего отражаются характерные негативные черты современности. Целесообразно в нашем случае обратиться к российской действительности. Мы наблюдаем инверсию приоритетов в системе ценностей, когда личности отводится отнюдь не первостепенное значение; тотальное господство СМИ, в особенности, телевидения, в рыночном угаре, преуспевшем в «дебилизации» общества (показатель рейтинга телеканала «Культура» существенно ниже по сравнению с основными федеральными каналами). Не может не беспокоить инкорпорированность политики в культуру, политические телешоу и разборки, скрытое табуирование в культуре, псевдопатриотические лозунги (С. Аверинцев: «Нас сплывал image of enemy»). Нарастают культ вещизма, консьюмеристская экспансия, популизм, омассовление сознания, падение нравов. Неистребимы бюрократизация и стандартизация образования, культуртрегерство, привилегированность властных элит.

Кто-то посчитает, что хорошего в обществе больше, но ведь от этого не убудет плохое. Так или иначе культура не может оставаться безучастной. В Золотой век России она к общественным порокам относилась с критическим неравнодушием. Но наступило другое время, когда реальные ценности подменяются симулякрами, в сетевое рабство впадает молодое поколение, а на телеэкранах идут отупляющие сериалы и политические спектакли с масками (справедливо названные О. Басиловыми «обезьянками»). В результате стала востребована «методология» постмодернизма. Он намеренно рядится в мас-

ки абсурда и переходит на язык гротеска, карикатуры, иронии, пародируя таким образом абсурд, происходящий в реальности. Невольно напрашивается аналогия с офортом Ф. Гойи из серии «Капричос» – «Сон разума рождает чудовища».

Понятно, что культура в своей целостности не сводится к постмодернистской модели. Однако именно она выразительно актуализировалась в наше время. Так определилась сама культура, таков ее выбор в условиях и обстоятельствах современной действительности.

Не претендуя на прорисовку завтрашнего дня культуры, ограничимся лишь обозначением ее векторной направленности. Вполне ожидаемо распространение

культурного мейнстрима, усиление взаимовлияния культур, увеличение наднациональных факторов и идентификационных стратегий, прогрессирование дистанционных форм коммуникации (тактильного и ментального), развитие технологически оснащенных форм искусства... Многое зависит от того, насколько позитивны или негативны будут последствия этих перемен. Пока же ничто в современной культуре не предвещает скорого ее вхождения в трансгрессивное состояние с последующим перерождением в новое качество.

© *Оганов А. А., 2019.*

UDC 342.34

**SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF DEMOCRACY
AND DEMOCRATIC DEVELOPMENT**

M. Yu. Aytboyev

*Senior lecturer,
ORCID 0000-0002-3979-6734,
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. Global changings in the world are bringing new challenges to the humanity and society. Indeed, today social progress cannot be achieved by old thought on social development, autocratic control methods, unreasonable democratic measures contradicting people’s interests. Humanity and society may have to directly link their development to democracy. The socio-philosophical issues of democracy and democratic development are researched in the article.

Keywords: democracy; development; freedom; human rights; society; people’s will; state; value; person’s will; person.

It is true that advanced scholars claim that using effectively from opportunities of democracy leads to liberty, a free society about which nations have dreamt. Therefore, since the first days of independence, to set universal democratic values, to make government more humanitarian by refreshing and modernization of the society, to function government agencies to the people, to guarantee human rights and their freedom have become a strategical task of the state.

According to the Constitution of the Republic of Uzbekistan, ‘the people is the only source of state power. The government of the Republic of Uzbekistan is functioned basing on the interests of the people and by the govern branches authorized by the Constitution of the Republic of Uzbekistan and the laws adopted on its basis’(Article 7).

Indeed, over the past twenty-eight years, the country has worked out the main milestones and concepts of democratic development, has made bicameral parliament, has created the multiparty system, the Ombudsman and the National Human Rights Centre, more than 9,200 civil society institutions, has implemented 70 international legal documents, and more than 400 laws, regulations and state programs supporting the pluralism of property.

It should be emphasized that as the democratic development is a continual process, there is a need for working on our state and nation more actively, for making a new strategy for innovative development of our country, for going to a new stage of national development. Thus, under the initiative of the leadership of our state Sh. M. Mirziyoev, the Strategy for the development of the Republic of Uzbekistan for 2017–2021 has been worked. The first priority task is to deepen democratic reforms, do the public administration system up, and improve the public administration system [1, p. 10–11].

The President of Uzbekistan Sh. Mirziyoev proposes the concept of ‘people should not serve the state bodies, but they should do people’ and starts to create its democratic, effective mechanisms for implementation into real life.

Actually, what is democracy? Scientific literature describes more than sixty definitions of ‘democracy.’ In fact, the category of ‘democracy’, which comes from ancient Greek, means ‘people’s power.’ Today, it is interpreted in relation to a wide and diverse reality, events and ideas. Special studies have been conducted on this subject, and the etymological and hermeneutic interpretations of ‘democracy’ are given [2–5].

Democracy is an axiom describing ‘authority of majority.’ Liberal democratic views, however, do not deny the power of the majority, neither prefer to rule over the minority. Fearing the privileges given to majority, liberal democrats sometimes claim that in making decisions, the state should take account not only interests of majority but minority, even personality. In this way, John Stewart Mill’s ‘tyranny of the majority’ is suppressed. Consequently, many issues such as majority and minority, environment and individual, communitarianism and individualism have emerged in political philosophy.

According to the etymological definition, democracy is an institute serving the interests of people. From this point of view, we can understand that democracy is an institution that is appropriate to traditions of East communitarianism, and protects interests of people. But some researchers state that there are some differences between the majority and the minority, and that democratic development requires the elimination of these discrepancies. For instance, American researcher R. Dal believes that the majority of those who ignore the rights of minorities or their interests for their numerical superiority can not justify their decisions. Corporate governance should also take into account the interests of minority, otherwise, the requirements of economic democracy are violated, and self-governance in the staff will be voluntary [6, p. 28–30].

Majority is a community of people who support each other in the same way, they are in the same sense, social or mentality. Becoming majority to gangs, ruling whom is difficult, is also dangerous for the democratic environment and social stability. Therefore, harmonization of the interests of the majority with minority’s one without distorting second is one of the urgent tasks for modern democracy.

It is difficult to imagine democracy and democratic development without the phenomenon of law. Democracy is derived from the law, and ultimately it returns to law again. The positively deemed law converts

democracy into a reality, while the negatively deemed law demoralizes democracy. What norms are positive, what laws are negative? Lawyers state that there is no negative law that any law serves to fulfil one or another purpose and task. That is right, there is no absolutely negative law, but norms that don’t deserve the time requirements, the social life, may have a negative impact on one or another sphere. Democracy is a social ideal and law is a means of achieving that.

As democracy demands laws, and a law also requires democracy. If democracy is to make a decision without a right (which is difficult to imagine), it will be a dry utopia, a dream. Therefore, democracy can be a reality only if it is based on laws. According to that, if democracy is created without laws, it will become a totalitarian regulator neglecting human rights and freedoms. That is why democracy and democratic development should be based on the law phenomenon as well as the right is also based on democracy. In order to know what the values of society are and how they stand for development, one needs to learn the dialectical link between democracy and the phenomenon of law.

Scholars who study democracy and democratic development have focused on the issues related to liberty. Liberty is the value that is comprehended by human beings. German philosopher R. Schtainer in his famous ‘Philosophy of freedom’ writes: ‘Our life consists of free and unfree actions. But we can not fully understand what a person is until we have come to the spirit of manifestation of the human nature. The free we are, the humane we become’ [7, p. 147].

A person who does not feel free and who does not live according to liberty laws, does not think about justice, equity, equality, it is typical of him or her to live satisfactorily, to see everything in a positive way, it is can be stated theologically, he or she leads life thankfully. Freedom, one of the most pressing and controversial topics of democracy, is the vital issue for a person. The freedom that calls for living together and struggling with

the environment has become a phenomenon reflecting the essence of consciousness, activity, creativity, and the essence of life in general. Therefore, N. A. Berdyaev considers freedom as a natural state of human existence like living.

E. Mounier expresses the idea that ‘absolute freedom is a legend,’ e.g. no. freedom is not unchangeable event, it is transformed into an individual and social relationship, and sometimes can be radically changed. This relationship of personality is within these relationships and communities. Absolute freedom is dangerous for the individual because it can wake the destructive power in the individual up, exacerbate the conflict of interests, and thus, destroys the harmony of social existence. As M. A. Bakunin says, ‘I am free by the freedom of others’ [7, p. 500].

In the conditions of true democracy, the freedom of others comes as a guarantee of individual freedom, in the sense that a person can predict his / her own freedom of social necessity, anticipation of the real state and mood of those affected. If there is no extrovert orientation, freedom becomes an egoism and a pride of selfishness. People, who controls state and society affairs determining ordainment of people, must understand their freedom in this regard.

E. Mounier states that a free person lives in a world where values are formed, and his or her liberty is connected with that.

Democracy and democratic development put the issue of will of people and person on the agenda. Sometimes it is analysed as interests of people and interests of person. The interests determine the will, its directions, and make it more noticeable or even weaker. We consider in both cases will plays a vital role. Without will, both democracy and interests would be unnecessary. According to A. Schopenhauer will makes ‘vital points’ objective, it is a factor giving an importance to human behaviour and imagination. The philosopher thinks that ‘world consists of imaginations and will.’ ‘A priori of existence is understanding the will, a posteriori of will

is understanding the existence. Future proceeding will’s decision looks like that whenever a mind wants something...’ [8, p. 229].

Will is not subjective imagination, but it is objectification of subjective imagination through actions. It is valuable that it proceed to the future. Indeed, human behaviour includes not only wish of this moment, permanent demand, but a rationally understood aim proceeding to the future. Otherwise, the will is not able to objectively assimilate subjective imaginations, it remains in the stage of desires.

During the analysis of the thesis, Western theorists’ views have been thoroughly studied. That’s fine. However, in the East, especially our modern politicians, lawyers, and social scientists ‘teachings, special views on democracy and democratic development can be seen. In their view, democracy is also attractive because it allows them to build their lives on the basis of their own wishes and desires. Democracy provides freedom to the individual, but it also assumes great responsibility. Democracy represents the will of the people and serves as a good base for the realization of the person’s potential. Literacy and self-consciousness of people strengthen democracy.

The viability of democracy is also evident in the fact that it does not deny the existing national, religious, cultural, and national identity. From this point of view, the idea of absence of a model of universal democracy is nothing more than a plausible claim.

Democracy and democratic development are not built by abstract people, but it is a result of particular subjects, individuals, and their common will. The state and the head play a crucial role in this process. The will, initiative and responsibility guarantees the direction of social relations, the establishment of these traditions and novelty. By personal will of a political leader, the news, which has never been or has not happened in public life, becomes a stable phenomenon, changes are done with the will of the people, the effect of destructive forces is reduced, the

order and lifestyle that the society expect will become true. In any country, the will of the political leader is strongly connected with democratic changes, will of people.

The will of the people instinctively feels to approach, to match with the will of the political leader, that's why it connects its wishes with the leader's, sees the ideals of the future in his behaviour, in his or her life. There is no inclination toward despotism, cult of personality or autocracy, the people voluntarily grant their will to the political leader, allow him or her to operate, speak, or establish international contacts on their own behalf. Will is not merely a move or an act, but it is an expression of the understood need and understood affair. Therefore, understood will makes vital these needs and acts, does its best to make them be objective. Harmonising will of people with political leader's should be understood like that.

Bibliography

1. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining Farmoni. O'zbekiston Respublikasini yanada rivojlantirish bo'yicha Harakatlar strategiyasi to'g'risida. – Toshkent : Adolat, 2017. – P. 10–11.
2. Medushevskiy A. N. Demokratiya i tiraniya v novoe i noveyshee vremya // Voprosi filosofii, 1993. № 10. – P. 12–25.
3. Mamut L. S. Narod v pravovom gosudarstve. – Moskva : Yurist, 1999.
4. Gadjiev K. S. Politicheskaya filosofiya. – Moskva : AST, 2002.
5. Nudnenko L. A. Teoriya demokratii. – Moskva : Yurist, 2001.
6. Dal' R. Vvedenie v ekonomicheskuyu demokratiyu. – Moskva : Nauka IMRPA, 1991. – P. 28–30.
7. Shteyner R. Filosofiya svobodi. Osnovnie cherty odnogo sovremennogo mirovozzreniya. – Ervan : Noy, 1993. – P. 147.
8. Shopengauer A. O chetveroyatnom kone ... Mir kak volya i predstavlenie. T.1. Kritika kantovskoy filosofii. – Moskva : Nauka, 1993. –P. 229.

© Aytboyev M. Yu., 2019.

UDC 165

TO THE QUESTION OF THE HIGHEST FORMS OF COGNITIVE ACTIVITY
IN GERMAN IDEALISM OF THE XIX CENTURY

M. G. Mustafaeva

O. N. Kamalova

A. V. Kamalov

*PhD, e-mail: cknts@mail.ru,
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia
Candidate of Philosophical Sciences,
e-mail: kamalovaolga@mail.ru,
Rostov State Medical University,
Rostov-on-Don, Russia
undergraduate student,
e-mail: artemkamalov15@gmail.com,
Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The problem of intellectual contemplation is considered in the context of the study of human cognitive abilities in German philosophy of the XIXth century, primarily the studies of Schelling. The influence of the aesthetic world view on the understanding of this phenomenon among German romanticists is emphasized. It is analyzed the views of Fr. Schleiermacher, where from his viewpoint contemplation is “given” not in poetry, but in religion, it is distinguished the criticism of the aesthetic intuition of the romanticists by Hegel, as well as his discrepancy with Schelling regarding the place and role of intellectual contemplation in the structure of cognitive activity.

Keywords: cognition; contemplation; intellectual contemplation; aesthetic world view; direct and indirect.

Considering the problem of intellectual contemplation in the history of German philosophy of the XIX century, it is impossible to bypass the ideas of Schelling, romanticists, and Hegel about this phenomenon.

As for intuition, Schelling considers it to be a form of an adequate comprehension of the Absolute. “Intellectual contemplation arises when we cease to be an object for ourselves, when the contemplating Self, having closed in itself, becomes identical with the contemplated Self” [7, p. 69]. Like Fichte, Schelling understands intuition as an active ability. But the discrepancy between the two thinkers on this issue is still there: “Fichte,” he writes, “turned to intellectual contemplation in order to prove the existence of the “I”... But I ... do not speak about “I” as directly reliable – as it appears in intellectual co-reflection, but on what has been obtained in intellectual contemplation ..., on the subject *drawn* from intellectual contemplation, that is, on the universal, devoid of definition of the subject – the object. ... This is not

about being at all, but only about pure content, about the essence of what was contained in intellectual contemplation” [8, p. 515].

The universal content of which Schelling speaks has no visual form. It is given in “inner feeling.” “It really is about what it is: – however, this the thing that should be found. It doesn’t even exist as something conceivable” [8, p. 516].

It should be mentioned that the problem of intuition was popular in the philosophical environment of that time. There was an opinion that contemplation or intuition is self-sufficient and does not need any mediation. This approach is characteristic of F. G. Jacobi and many representatives of romanticism. As for Schelling, the pronounced tendency to oppose the intuitive and discursive is characteristic mainly of the late period of his works, although it manifests itself already in the early period of creativity and is associated with aestheticism peculiar to it. Let's stop at this point.

Distinctive features of aestheticism or aesthetic world-view is the exaggeration of the role and importance of art as compared to other areas of activity, the cult of artistic genius, imagination, feelings in the structure of knowledge, etc. [7, p. 476]. Aesthetic world-view led Schelling to rethink the relationship between art and philosophy. Science and art set for themselves the same task – the knowledge of the Absolute. However, for “science, this task due to the method of its solution remains infinite” [7, p. 481]. As for philosophy, being a science, it is akin to art. The difference between them is that the artist overcomes the contradictions of the conscious and unconscious, of freedom and nature, so that this coincidence manifests itself objectively, realistically, i.e. accessible to external contemplation, while the philosopher contemplates the coincidence of these two activities in the act of intellectual intuition, i.e. subjectively [7, p. 86].

To explain the relationship between art and philosophy, Schelling introduces the category of "aesthetic contemplation" into his teaching. If the initial act of intellectual intuition is the beginning of philosophy, and the whole further dialectical process of logical justifications is nothing but the gradual realization that in a single absolute synthesis (the initial act of intuition) it is supposed to be simultaneous and immediate. In its perfect ordered form, philosophy, according to Schelling, is found "only in the totality of all potencies" [9, p. 62], so the higher act of the mind, covering all of the ideas (potency), should be aesthetic. "Aesthetic contemplation is the intellectual contemplation that has become objective" [7, p. 482]. The proof of the possibility of such contemplation is a work of art [4].

Thus, according to Schelling, philosophy should proceed from the principle of absolute identity, which can be comprehended only in direct contemplation. As for the nature of this intellectual intuition, Schelling speaks of it as a kind of "poetic gift" or "creative ability", which is inherent only to the chosen, geniuses.

The teachings of Schelling on intellectual contemplation in general and aesthetic, in particular, caused a noticeable reaction among the philosophers and artists of that time. Most of the representatives of the romantic movement – A. and Fr. Schlegel, Novalis, F. Gelderlin and others - fully supported the aestheticism of the philosopher, shared his view of intuition. So, Fr. Holderlin also considers poetry, art to be the most profound expression of the inner essence of the life process. He emphasizes that the Absolute is revealed, it becomes available only "aesthetically, in intellectual contemplation" [3, p. 480]. In the "theory" (that is, scientific knowledge), this is possible "only in an infinite approximation, like the square is approximated to a circle" [3, p. 480].

Unlike Holderlin, Fr. Schleiermacher believed that contemplation was "set" not in poetry, but in religion. Schleiermacher contrasts his new understanding of religion with, on the one hand, "rational theology," and with another, "moral theology." Religion, from the point of view of Schleiermacher, "must nevertheless be something else, and not indicated by a mixture of opinions about God and the world and the commandments for this or that life", not a "confusion" of "metaphysical and moral crumbs" [10, p. 31]. Religion is "a necessary and inevitable third beginning, supplementing the first two, as their natural opposite, having no less dignity and greatness than any of them" [10, p. 38]. It must be admitted that Schleiermacher not only affirms religion in the sphere of consciousness as one of the three areas, but also gives it a dominant position in the system of spiritual culture [10, p. 40].

The essence of religion is religious "contemplation" (intuition) and the feeling of the infinite. In contrast to scientific knowledge, to which Schleiermacher assigns an active role, in religious contemplation man is "childishly passive." The universe itself is active. Human is only the object of its influence. All he has to do is "allow" the universe to influence him.

Unlike Schelling, for whom the ability of intuition is an extremely rare ability, marking the seal of a genius, for Schleiermacher every person with a developed sense of the infinite may have religious contemplation. The spiritual state that arose at the time of "immersion" in the infinite (eternal) is almost beyond description, it is difficult, even impossible to talk about. The only reaction of the individual consciousness, the "response" of the subject is feeling. "In feeling," writes the philosopher, "beautiful and fragrant flowers of religion are growing" [10, p. 67]. Hence, the characteristic for Schleiermacher connection between religious feeling and the personal, individual side of consciousness becomes clear. Religion, he believes, should be a manifestation of a person's "own," individual feeling, his "initial personal wealth" [10, p. 51–52].

Hegel was the one who had a different view on intuition. In contrast to Schelling, he criticized a number of attitudes of German romanticists. First of all, he spoke out against "poetry" in philosophy. According to Hegel, it is not art, but science (that is, speculative philosophy) that in its system of concepts represents an objective and universal image of the highest integrity, the integrity of the Absolute. It was a kind of verdict to the aesthetic world view and the romantic cult of genius, elitism.

Hegelian criticism has also spread to the concept of intuition in its romantic understanding. From the point of view of the philosopher, the fact that in most cases it is presented as true is only a subjective "assurance", feeling and consequently only a single and random fact. The one and the random, according to Hegel's firm conviction, cannot meet the requirement of validity and objectivity. Knowledge, according to Hegel, is always thinking, and thinking is a process, a movement. Cognition is completed in "pure thinking", and only by reaching this point does true intellectual contemplation become possible. "Completed knowledge is the property of an exceptionally pure thinking, under-

standing the mind; and only he who has been elevated to this thinking, acquires quite definite true contemplation; for him contemplation constitutes only the most appropriate form, in which his already fully developed knowledge is again concentrated" [2, p. 252].

This "spiritualized, true contemplation," which "embraces the substance of the object in its entirety" [2, p. 251], in recognition of the philosopher himself, in a sense, coincides with Schelling's intellectual intuition. Without denying the possibility of such contemplation, Hegel denies the immediate nature of the knowledge that is in it.

Unlike Schelling, in Hegel's philosophy, intellectual contemplation plays a subordinate role in relation to conceptual (pure) thinking. In this case, Hegel criticizes any attempt to abandon the method, logic, and therefore falls upon Jacobi, criticizes the romantic aestheticism and the views of Schelling. But if in relation to Jacobi, Fr. Helderlin, Fr. Schleiermacher, Hegelian criticism is fully substantiated and understood, it is far less valid, in our opinion, in relation to Schelling's early philosophical views. Hegel did not notice (or did not want to notice) that the immediacy of knowledge according to Schelling is not at all absolute. It is, strictly speaking, awareness, and awareness is a process, and a dialectical process. At the same time, Hegel of course "much stronger than Schelling, stressed the dialectic of the mediation itself, the genesis of mediated knowledge in the study of the unity of spontaneity and mediation" [1, p. 98]. Another thing is Schelling's late philosophy. Here the differences with Hegel are of a fundamental nature. "The Philosophy of Revelation" – such a name was received later by Schelling's teachings [5]. The principle of rationality – the leading principle of the whole philosophical structure of Hegel, is subjected here to harsh criticism. According to Schelling, thinking is accessible only to the possible, (the infinite potency of being), but not real being, which it is claiming to know and reveals its powerlessness.

Reality, according to Schelling, becomes an accessible philosophy when it is guided not by what is given in thinking or sensory perception, but by what is given in supersensible contemplation, "mystical experience." The position defended by Schelling was called "positive philosophy" as opposed to "negative", by which the philosopher now implies its former philosophy of identity. Schelling, drawing a line between discursive and intuitive knowledge, lays the foundation for irrationalism in modern philosophy in his later teachings.

Bibliography

1. Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. – М., 1965. – С. 98.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа // Сочинения. – М., 1956.
3. Гельдерлин Фр. Сочинения М., 1969. С. 480.
4. Джиоева Д. А., Камалова О. Н. Значение сенсорных технологий в жизнедеятельности человека // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 1. – С. 136–143.
5. Камалова О. Н., Жолобова И. К. Основные тенденции и инновации в системе отечественного образования // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 1. – С. 38–48.
6. Камалова О. Н. "Созерцание" в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
7. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2-х т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 69.
8. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2-х т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 515.
9. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. – М., 1999. – С. 62.
10. Шлейермахер Фр. Речи о религии к образованным людям, ее признающим. – М., 1911. – С. 31.

Bibliography

1. Asmus V. F. Problema intuicii v filosofii i matematike. – M., 1965. – S. 98.
2. Gegel` G. V. F. E`nciklopediya filosofskix nauk. Filosofiya duxa // Sochineniya. – M., 1956.
3. Gel`derlin Fr. Sochineniya M., 1969. S. 480.
4. Dzhioeva D. A., Kamalova O. N. Znachenie sensorny`x texnologij v zhiznedeyatel`nosti cheloveka // E`konomicheskie i gumanitarny`e issledovaniya regionov. – 2011. – № 1. – S. 136–143.
5. Kamalova O. N., Zholobova I. K. Osnovny`e tendencii i innovacii v sisteme otechestvennogo obrazovaniya // Gumanitarny`e i social`ny`e nauki. – 2016. – № 1. – S. 38–48.
6. Kamalova O. N. "Sozerczanie" v filosofskokul`turologicheskix postroeniyax I. Il`ina // Gumanitarny`e i social`no-e`konomicheskie nauki. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
7. Shelling F. V. J. Sochineniya v 2-x t. – M., 1987. – T. 1. – S. 69.
8. Shelling F. V. J. Sochineniya v 2-x t. – M., 1989. – T. 2. – S. 515.
9. Shelling F. V. J. Filosofiya iskusstva. – M., 1999. – S. 62.
10. Shlejermaxer Fr. Rechi o religii k obrazovanny`m lyudyam, ee priznayushhix. – M., 1911. – S. 31.

© *Mustafaeva M. G.,
Kamalova O. N.,
Kamalov A. V., 2019.*

УДК 81

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО РИТМА В ПЕРЕВОДЕ УЗБЕКСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК (НА ОСНОВЕ ПЕРЕВОДА УЗБЕКСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭМЫ «НУРАЛИ» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)

Ё. А. Насирдинова

*Ассистент,
e-mail: yrkinoy@mail.ru,
Андижанский государственный университет,
г. Андижан, Узбекистан*

THE PROBLEMS OF REPRODUCTION THE POETIC RHYTHM OF UZBEK EPIC MONUMENTS WHILE TRANSLATION INTO FRENCH (BASED ON THE TRANSLATION OF THE UZBEK FOLK POEM “NURALI” INTO FRENCH)

Y. A. Nasirdinova

*Assistant,
e-mail: yrkinoy@mail.ru,
Andijan State University,
Andijan, Uzbekistan*

Abstract. The article offers a comparative study of different prosodic systems and their reproduction in the translation into foreign languages on example of the original text and the translation of the Uzbek epic poem «Nurali». **Keywords:** folklore, rhythm, rhythm of prose, rhymed prose, syllabic versification, stop, turok, barmak, the alexandrian verse.

Художественный перевод тюркоязычных эпических памятников на французский язык начинается с XIX века. Польский востоковед, поэт и переводчик Александр Ходзько, работавший переводчиком в Иране в российской миссионерской организации и в тебризском русском посольстве, а позже в Реште и Гиляне (1832–1834) в должности посла, смог приобрести рукопись «Короглу» и сделал многое для перевода эпоса на английский язык и для его издания. Спустя год это издание в переводе О. Вольфа было напечатано на немецком языке (1843). В те же годы французский читатель получил в переводе Жорж Санд «Приключения и импровизации Короглу». Но они не были поэтическим переводом эпоса. При переводе вся

стихотворная часть дастана была потеряна и переведена прозаическим путём.

Нужно отметить, что эпическое произведение как художественный памятник требует максимально точной передачи смысла и формы, сохранения художественной фактуры эпического текста. Это значит, нужно осуществить перевод, адекватный оригиналу. Явно, что потери неизбежны, но воссоздание с предельной достижимостью художественной структуры и эстетической целостности оригинала связано с мастерством переводчика.

Ровно через полтора века, в 2005 году, появился на свет второй французский перевод тюркоязычного эпоса – узбекской героико-романической поэмы «Нурали». Автором этого изысканного труда был

французский востоковед, этнограф, лингвист, писатель и переводчик, профессор Института востоковедения Парижа Реми Дор.

Как специалист по тюркоязычному миру, Реми Дор отлично знал традиции, обряды, культуру и искусство народов Средней Азии. Как лингвист чувствовал специфику нескольких тюркских языков. Связь с реальной действительностью, отраженной в переводимом произведении, контакт с народом, проникновение в его мироощущение помогли переводчику понять и правильно отразить в переводе ритм узбекских дастанов.

В эпосе народов мира встречается много чего общего, например, гуманистические идеалы – непобедимые герои, верность и товарищество, великодушие и братство народов, лексико-стилистический арсенал описания – эпитеты, метафоры и другие стилистические фигуры. Но каждый эпос имеет свою особенную композицию, специфические выразительные средства, рельефную поэтическую структуру. Национальна и неповторима его метрическая система. Так, узбекская метрическая система бармак не тождественна с французской александрией, хотя часто они сходятся по их общему признаку – слоговому принципу.

Своеобразие ритмики узбекских эпических поэм – чередование прозы с поэтикой. В отличие от ритма ассоциативной прозы ритм эпической прозы звучит намного музыкальнее, и эта музыкальность проявляется с помощью рифмы. На первый взгляд, перевод рифмованной прозы может быть необычным явлением для французского читателя. На самом деле не совсем так. История французской литературы показывает, что это традиционное явление в литературном процессе.

В истории французской литературы рифмованная проза впервые встречается в религиозных текстах. Греческие философы Эмпедокл и Парменид использовали этот стиль (*poésie-prose*) в своих тракта-

тах. В заметках французского литературоведа В. Е. Эльвера говорится, что поэтическая проза встречается в литературных произведениях IV–VII веков [8, с. 6].

Одним словом, на всех этапах развития французской литературы мы встречаем поэтическую прозу. Особенно ею насыщены романы Ромен Роллана «*Colas Breugnon*», «*L'ame enchantée*».

Например: *En premier lieu j'ai moi. Colas Bregnon, bon garçon, Bourguignon, rond de façons et du béton, plus de la première jeunesse, cinquante ans bien sonnés, mais vigoureux, les dents saines, l'oeil frais, et le poil qui tient dru au cuir, quoique gris* [7, с. 6].

Elle était assise près de la fenêtre, tournant le dos au jour, recevant sur son couet sur sa forte nuque les rayons du soleil couchant [7, с. 25].

Опираясь на эти основы, Реми Дор смог успешно приобрести адекватный перевод узбекской эпической прозы на французском языке. Например:

Оригинал: ...хоннинг *Furoti sağrisi moşib*, ёли қулогидан *oşib*, юлдузни қўзлаб, тараққос *бойлаб*, ўйнаб турибди.

Перевод: *Rendu sur place, Ghirot, le cheval du khan, était en train de se divertir sa croupe se demenant, sa crinière volant par dessus ses oreilles, dansant sur place et fixant les étoiles* [6, с. 44–45].

В художественной литературе синтаксические действия, такие как инверсия, синтаксический параллелизм, повышают мелодичность прозы.

Например: *Қайси богнинг гули экан, қайси чаманнинг булбули экан. Хон Гўрўглининг давлатида ҳеч кўрмаганмиз, қайси бекнинг ўғли экан.*

Перевод: *De quel jardin est-ce la rose, de quelle prairie le rossignol? Jamais nous ne le vimes au royaume du khan Goroghli: de quel bek est le fils?* [6, с. 56–57].

Это мы встречаем в прозе Ромен Роллана: *Quand il pleut, je laisse pleuvoir. Quand il tonne, je barytonne. Et quand elle crie, jerie* [7, с. 8].

Второй аспект адекватного перевода эпического памятника – это воспроизведение ритма стиха. Узбекская метрическая система *бармак* основана на делении стиха на стопы – турок. Турок как условная единица напоминает синтагму или синтагматическое членение речевого от-

резка, границы которого могут проходить по различному количеству слогов. Число слогов в стопе может колебаться.

Реми Дор сделал поэтический анализ каждого стиха поэмы «Нурали». Он составил схему деления 11-сложного стиха на стопы – турки.

TABLEAU I.
FORMES MÉTRIQUES

	STROPHE	VERS	RIME	CÉSURE
P1	1	4	aaaa	4 + 4 + 3/6 + 5/6 + 5/4 + 4 + 3
	2	4	bccd	6 + 5/6 + 5/6 + 5/4 + 4 + 3
	3	4	eeffe	6 + 5/6 + 5/4 + 4 + 3/4 + 5 + 2
	4	6	gggggg	4 + 4 + 3/4 + 3 + 4/4 + 4 + 3/6 + 5/6 + 5/6 + 5
	5	5	hhhhh	4 + 4 + 3/4 + 4 + 3/6 + 5/6 + 5/6 + 5
	6	4	iiii	4 + 4 + 3/4 + 4 + 3/4 + 4 + 3/6 + 5
	7	4	jjjj	6 + 5/6 + 5/6 + 5/6 + 5
	8	3	kkh	6 + 5/6 + 5/6 + 5
P81	1	20	aabcc	4 + 4 + 3/6 + 5/4 + 4 + 3/6 + 5/6 + 5
			cdcc	4 + 4 + 3/6 + 5/6 + 5/4 + 5 + 2/6 + 5
			ddded	4 + 4 + 3/4 + 4 + 3/4 + 4 + 3/6 + 5/5 + 5
	2	11	eeffag	3 + 5/4 + 4/4 + 4/3 + 5/4 + 4
			aabcd	6 + 5/6 + 5/6 + 5/6 + 5/4 + 4 + 3/6 + 5
			aabee	4 + 4 + 3/6 + 5/6 + 5/6 + 5

Рис. 1. Схема узбекской метрической системы, 11-сложник бармака, встречающийся в узбекской эпической поэме «Нурали» [5, с. 47]

Первым делом перевода переводчик считал точное перенесение скелета произведения с узбекского (языка оригинала) на французский (язык перевода). Фазил – певец (*бахши*) дастана *Нурали* использовал три типа стиха: 7, 8, 11-сложные. Статистически последний встречается чаще всех. Поэтому переводчик взял за основу 11-сложный стих. Для перевода он выбрал александрийский стих. Во-первых, этот размер использовался во французском

народном творчестве. Во-вторых, он ближе к узбекскому 11-сложнику. И таким образом Реми Дор прибавил один слог каждому размеру: 8-сложник становится 9-сложником, 7-сложник – 8-сложником. Нужно отметить, что октосиллаб – 8-сложник – был таким превосходным стихом средневековой французской литературы, каким был 7-сложник в средневековой узбекской литературе. Ниже мы даем схему перевода Реми Дора.

TABLEAU 2.
TRADUCTION DES DIFFÉRENTS MÈTRES

ÖZBEK 11 = 6 + 5 FRANÇAIS 12 = 6 + 6	<i>Sozima qulq sol jonim bobojon</i> <i>Qizlarning sarasi pari Marghumon</i> Tends l'oreille à mes mots, mon grand-père chéri ! Exquise parmi toutes est Marghoumân Péri.
ÖZBEK 8 = 5 + 3 FRANÇAIS 9 = 4 + 5	<i>Qaramay baland pastiga,</i> <i>Tušdi dušmanning qasdiga</i> Sans distinguer ni grand ni petit, Il fonce tout droit sus à l'ennemi
ÖZBEK 7 = 3 + 4 FRANÇAIS 8 = 4 + 4	<i>Or kelsa omganlatdi,</i> <i>Qir kelsa qirpillatdi</i> Dans les descentes le fait baisser Dans les montées le fait cabrer

Рис. 2. Формы метрики, употреблённые Реми Дором при переводе поэмы [5, с. 48]

Таким образом, Реми Дор смог воспроизвести самый приблизительный ритм узбекской эпической поэмы «Нурали», вдохнув в нее новое звучание на французском языке.

Библиографический список

- Холбеков М. Н. Узбекско-французские литературные связи (в аспекте перевода, критики и восприятия): Дис. на соиск. д-ра филол. наук. – Ташкент : Фан, 1991.
- Джураев К. Ж. Сопоставительное изучение поэтических переводов в контексте межлитературных и межфольклорных связей: Дис. на соиск. науч. ст. д-ра филол. наук. – Ташкент, 1991.
- Фольклор. Издание эпоса. – Москва, 1977.
- Aquen Michele, La Versification. – Paris, 1990.
- Dor Rémy. Ecrire l'oral, traduire l'écrit : quelques remarques centrées sur des matériaux özbek. In: Revue du monde musulman et de la Méditerranée, n°75-76, 1995. Oral et écrit dans le monde turco-ottoman, sous la direction de Nicolas Vatin. P. 29–51.
- Dor Rémy, Nourali le preux et Marghoumon Péri, 302 pages, Paris: 2005.
- Romain Rolland, Colas Breugnon. – Moscou 1955.
- Traité de versification français. Dès origines à nos jours; Paris; 1965.
- Жўраев К. Таржима санъати. – Тошкент : Фан, 1982.
- Фозил шоир. Ўзбек халқ ижоди бўйича тадқиқотлар. 3-китоб. – Тошкент, 1973.

Bibliograficheskiy spisok

- Xolbekov M. N. Uzbeksko-francuzskie literaturny`e svyazi (v aspekte perevoda, kritiki i vospriyatiya): Dis. na soisk. d-ra filol. nauk. – Tashkent : Fan, 1991.
- Dzhuraev K. Zh. Sopostavitel`noe izuchenie poe`ticheskix perevodov v kontekste mezhliteraturny`x i mezhfol`klorny`x svyazey: Dis. na soisk. nauch. st. d-ra filol. nauk. – Tashkent, 1991.
- Fol`klor. Izdanie e`posa. – Moskva, 1977.
- Aquen Michele, La Versification. – Paris, 1990.
- Dor Rémy. Ecrire l'oral, traduire l'écrit : quelques remarques centrées sur des matériaux özbek. In: Revue du monde musulman et de la Méditerranée, n°75-76, 1995. Oral et écrit dans le monde turco-ottoman, sous la direction de Nicolas Vatin. R. 29–51.
- Dor Rémy, Nourali le preux et Marghoumon Péri, 302 pages, Paris: 2005.
- Romain Rolland, Colas Breugnon. – Moscou 1955.
- Traité de versification français. Dès origines à nos jours; Paris; 1965.
- Zhýraev K. Tarzhima san`ati. – Toshkent : Fan, 1982.
- Fozil shoir. Ўзбек халқ ижоди бўйича тадқиқотлар. 3-китоб. – Toshkent, 1973.

© Насирдинова Ё. А., 2019.

УДК 34

**К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**

А. О. Живогляд
А. В. Фисун

*Студенты,
ORCID 0000-0001-8731-4579,
e-mail: zhivoglyad.an@mail.ru,
ORCID 0000-0001-6522-1355,
e-mail: alina-fisun2016@mail.ru,
Волгоградский государственный
университет,
г. Волгоград, Россия*

**TO THE QUESTION OF THE REFORM OF JUDICIAL REPRESENTATION
IN THE CIVIL PROCESS**

A. O. Zhivoglyad
A. V. Fisun

*Students,
ORCID 0000-0001-8731-4579,
e-mail: zhivoglyad.an@mail.ru,
ORCID 0000-0001-6522-1355,
e-mail: alina-fisun2016@mail.ru,
Volgograd state University,
Volgograd, Russia*

Abstract. This article is the result of an independent attempt by the authors to investigate the planned reform of judicial representation in Russia. The advantages and disadvantages of introducing professional legal representation are studied. The authors conclude that the introduction of professional representation in the courts is still necessary. In support of its position, the experience of foreign countries, in which the institute of professional legal representation has long been successfully established, is also given. However, in order for the reform to bring positive results, it is necessary to amend the existing legislation, making legal assistance more accessible for certain categories of the population, as well as providing for penalties for lawyers who do not have the status of a lawyer.

Keywords: legal representation; civil procedure; qualified legal assistance; lawyer monopoly; legal services.

Судебное представительство представляет собой одну из наиболее значимых институтов гражданского процесса. Так, законодательная инициатива, предусматривающая участие в судебном разбирательстве представителя исключительно с высшим юридическим образованием в гражданском процессе по аналогии с административным процессом вызывает горячие споры в профессиональном юридическом сообществе. В рамках данной ра-

боты будет предпринята попытка проанализировать преимущества и недостатки данной законодательной инициативы, а также степень его необходимости.

К недостаткам монополии на судебное представительство можно отнести недостатки, типичные для любого её вида, а именно: «снижение конкуренции на рынке...», следовательно, возможное снижение ее качества; повышение цен на представительство в суде; граждане, которые сами

не могут представлять свои интересы в суде, больше не смогут выдать доверенность на соседа или родственника, чтобы быть их представителем в суде, вручить документы, принять решение и т. д.» [1]. В таком случае эти лица потеряют возможность для защиты своих прав и интересов в суде из-за нехватки денег, в противном случае им придется искать большие суммы денег для того, чтобы оплатить услуги адвоката [1].

Однако, несмотря на приведенные выше минусы, от которых совершенно не защищен ни один вид монополии, мы всё же полагаем, что идея установления образовательного ценза для судебных представителей в гражданском процессе является необходимой мерой.

Так, согласно данным центрального аппарата Минюста от 2017 года, за 2015 и 2016 годы только в него поступило более 1000 жалоб и заявлений граждан, связанных с предоставлением юридических услуг ненадлежащего качества лицами, не обладающими статусом адвоката [2, 3]. Вне всякого сомнения, аналогичных обращений по всей стране гораздо больше. Введение же профессионального представительства в судах позволит значительно сократить количество подобных обращений и позволит гражданам получать наиболее квалифицированную юридическую помощь. Представитель с высшим юридическим образованием сможет грамотно подготовить и оформить необходимые документы для обращения в суд, разъяснить права и обязанности лицам, интересы которых он представляет, поможет выбрать наилучший способ защиты интересов представляемых лиц в суде.

Кроме того, в контексте рассматриваемой темы нельзя забывать об опыте зарубежных стран, в подавляющем большинстве которых (например, Германия, Франция, Япония, Индия, Белоруссия) оказывать профессиональную юридическую помощь вправе лица, обладающие специальным правовым статусом (адвоката,

барристера, солиситора и иных), однако с учетом ряда изъятий, устанавливаемых законодательством каждой страны [3].

В заключение, мы считаем актуальным введение образовательного ценза для представителей в гражданском процессе. Однако, по нашему мнению, правом на представительство должны обладать как адвокаты, так и частнопрактикующим юристам, как, например, в Армении, Казахстане, Китае, Белоруссии [3]. Оставлять право судебного представительства только за адвокатами всё же лишит потребителей юридических услуг права выбора наиболее приемлемого для каждого из них представителя. Помимо этого, в российское законодательство следует внести поправки, которые смогут сделать юридическую помощь более доступной для тех групп населения, уровень доходов которых является низким, а также предусмотреть меры ответственности за недобросовестное исполнение юридических услуг, связанных с представительством интересов в судах, для юристов, не обладающих статусом адвоката, с целью защиты прав и законных интересов потребителей юридических услуг.

Библиографический список

1. Адвокатскую монополию на представительство в судах введут через пять лет // Ведомости. От 24.10.2017 г. [электронный ресурс] – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/10/24/739239-advokatskuyu-monopoliyu>
2. Мусалаев К. С. Представительство и адвокатская монополия в Российской Федерации: плюсы и минусы // Молодой ученый. – 2018. – № 16. – С. 225–228. – URL: <https://moluch.ru/archive/202/49579/> (дата обращения: 19.01.2019).
3. Проект концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [электронный ресурс] – URL: <https://minjust.ru/ru/deyatelnost-v-sfere-advokatury/koncepciya-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy>.

Bibliograficheskij spisok

1. Advokatskuyu monopoliyu na predstavitel'stvo v sudax vvedut cherez pyat' let // Vedomosti. Ot 24.10.2017 g. [e`lektronny`j resurs] – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/10/24/739239-advokatskuyu-monopoliyu>
2. Musalaev K. S. Predstavitel'stvo i advokatskaya monopoliya v Rossijskoj Federacii: plyus` i minus` // Molodoj ucheny`j. – 2018. – № 16. – S. 225–228. – URL
3. Proekt koncepcii regulirovaniya ry`nka professional'noj yuridicheskoy pomoshhi. Oficial'ny`j sayt Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii [e`lektronny`j resurs] – URL: <https://minjust.ru/ru/deyatelnost-v-sfere-advokatury/koncepciya-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy> (data obrashheniya: 19.01.2019).

© Живогляд А. О.,
Фисун А. В., 2019.

УДК 316.6

РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ ПОДРОСТКАМИ-ОДНОКЛАСНИКАМИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

А. С. Хлебников

*Кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: xlebnikov@list.ru,*

О. С. Лопатинская

*магистрант, e-mail: lopatinskayaos@mail.ru,
Московский государственный
психолого-педагогический университет,
Институт «Иностранные языки,
современные коммуникации и управление»,
г. Москва, Россия*

THE ROLE OF THE TEACHER IN OVERCOMING CONFLICTS BETWEEN ADOLESCENT CLASSMATES IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION

A. S. Khlebnikov

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
e-mail: xlebnikov@list.ru,*

O. S. Lopatinskaya

*master student,
e-mail: lopatinskayaos@mail.ru,
Moscow State Psychological
and Pedagogical University,
Institute "Foreign Languages,
Modern Communication and Management",
Moscow, Russia*

Abstract. The relevance of the topic is due to the importance of studying and analyzing the role of the teacher in the conflict between adolescent classmates. The question of the importance of the teacher in resolving the conflict situation between adolescents in the multicultural environment of an educational institution is considered. The article also focuses on the role of the teacher and his methods and technologies used to prevent conflicts in the "student-student" system.

Keywords: conflict; conflict between classmates; conflict between adolescents; multiculturalism; educational organization; the role of the teacher; conflict overcoming.

Человек нередко в своей жизни встречается с проблемой конфликта, которая может быть представлена в самых разных масштабах: между двумя собеседниками, между целыми сообществами, между странами. Факт противостояния сопровождается человеческое общество на всем историческом пути его развития. Поэтому

понятие конфликта исследуется разными учеными длительный период времени: в этом феномене и сегодня можно обнаружить ранее не рассмотренные аспекты. В целом, конфликт понимается как противоречие, возникающее между людьми, коллективами в процессе их совместной трудовой деятельности из-за непонимания

или противоположности интересов, отсутствие согласия между двумя или более сторонами [1]. Сегодня конфликт воспринимается в виде многоаспектного и многогранного феномена: он заметен во всех сферах деятельности государства (политике, экономике, культуре, национальных отношениях) [3, с. 215–217] и общества (профессия, семья). Исследователи выделяют разные виды конфликтов и строят их классификации и типологии, но, на наш взгляд, в рамках данной статьи важно рассмотреть конфликты и конфликтные ситуации, возникающие в образовательных учреждениях в целом (школы, вузы, колледжи). Заметим, что педагогический коллектив любого образовательного учреждения выполняет и производственные, и социальные функции, поэтому его сотрудники оценивают и по деловым, и по нравственно-коммуникативным, культурно-эстетическим качествам [6]. В статье С. В. Баныкиной [1] указывается, что к конфликтам и конфликтным ситуациям в образовательных учреждениях относят межличностные конфликты, возникающие между педагогом и администрацией (руководителем учреждения), педагогом и педагогом, педагогом и родителем ученика, педагогом и учеником, учеником и учеником. Есть вариант разрастания конфликта между личностью и группой – к примеру, между педагогом и учениками, педагогом и администрацией, учеником и классом. Однако в нашей работе хотелось бы уделить внимание конфликтам между учащимися-подростками одного класса средней школы.

Современная школа характеризуется как поликультурное образовательное учреждение, поскольку здесь обучаются представители не только разных возрастных групп (младшие школьники, подростки, старшеклассники), но и национальностей [5]. Кроме того, на поликультурность школы оказывает влияние и разница между социальными статусами родителей обучающихся и интеллектуаль-

ными способностями самих учеников (особенно если иметь в виду установки инклюзивного образования). В связи с этим следует указать на неоднозначность этой особенности современной школы: с одной стороны, поликультурность образовательного учреждения способствует социализации учеников и получению разнообразного коммуникативного опыта, а с другой – временами становится препятствием для взаимопонимания и основой конфликтов. Надо сказать, что подростковый возраст отличается особыми темпами развития, спецификой коммуникации и мировосприятия – на этом этапе подрастающий человек оказывается подверженным эмоциональной буре, психофизическим изменениям, кризисным состояниям. В результате степень конфликтогенности особо высока именно в подростковом возрасте, поэтому такой коллектив требует к себе внимания и педагогов, и психологов [4]. Основа и причины этих конфликтов различны, как, соответственно, различаются и особенности их разрешения, что дополнительно доказывает актуальность исследования конфликтов между подростками. Это особенно ценно в образовательном учреждении – процесс обучения, развития и воспитания детей не должен сопровождаться нарушениями коммуникативного порядка. Тем не менее, в образовательном учреждении возникают межличностные и групповые конфликты, при этом первый вид, по мнению Шаленко В. Н. [9, с. 11], наиболее распространен.

Конфликты между подростками-одноклассниками нередко требуют вмешательства учителя – классного руководителя или предметника. Поэтому важно рассмотреть особенности роли учителя в ситуации преодоления такого противостояния. Можно сразу отметить, что фигура учителя становится главной – именно ему требуется вести процесс регулирования конфликта, который осуществляется при помощи разнообразных технологий. Регулирование конфликта позволяет решить

его без особых потерь и трудностей, однако здесь важно отметить, что наиболее эффективным является управление предконфликтной ситуацией, т.е. изначальным недопущением развития непосредственного противостояния между подростками. В разных научных источниках, в том числе в статье С. В. Баныкиной [1], существуют определенные методы, позволяющие предотвратить развитие конфликтной ситуации и тем самым избежать формирования конфликта.

1. Метод согласия, который предполагает проведение соответствующих мероприятий, позволяющих сторонам (подросткам-одноклассникам) начать сотрудничество при помощи педагога.

2. Метод доброжелательности и симпатии, который предполагает оказание возможной помощи, что особенно ценно именно в конфликте.

3. Метод сохранения репутации партнера, который предполагает умение уважать собеседника, видеть его сильные стороны, что нередко способствует ответной положительной реакции.

4. Метод взаимного дополнения, который предполагает помощь другого человека, владеющего нужными навыками и знаниями. Впоследствии такая ситуация может быть повторена в обратном направлении.

5. Метод недопущения дискриминации людей, который предполагает отсутствие видения различий между собеседниками или конфликтующими сторонами.

6. Метод психологического подъема, который предполагает регулирование чувств и эмоций партнеров, повышение позитивности эмоций и взаимоотношений путем организации разных мероприятий и создания гармоничной атмосферы в коллективе класса.

Основываясь на указанных методах предупреждения конфликтной ситуации, можно кратко охарактеризовать общие социально-психологические качества человека, способствующие правильному по-

ведению либо в момент предотвращения, либо в момент разрешения конфликтной ситуации, которые выявил Д. Карнеги: способность к саморефлексии, умение сосредоточиться на основной проблеме, умение не позволять себе постоянно расстраиваться, склонность к эмоциональной зрелости, умение подходить к проблеме с разных точек зрения и разных позиций ее восприятия, качество наблюдательности и психологического прогнозирования [2]. Все эти качества в той или иной степени должны быть присущи и учителю, который ведет себя наиболее адекватно как при осуществлении своего рода профилактических мер в отношении конфликтной ситуации, так и во время непосредственного разрешения последней. Если же указанные способы регулирования конфликта не действуют, то речь идет непосредственно о разрешении противоречия.

В современной конфликтологии К. Томасом выделены пять стратегий поведения в конфликтной ситуации [8]:

1. Приспособление – одна сторона во всем соглашается с другой, но имеет свое мнение, которое боится высказывать.

2. Избегание – уход от конфликтной ситуации.

3. Компромисс – совместное решение, удовлетворяющее обе стороны.

4. Соперничество – активное противостояние другой стороне.

5. Сотрудничество – попытка прийти к совместному решению.

Наиболее положительными стратегиями, которые может предложить учитель подросткам с целью преодоления конфликта, являются сотрудничество и компромисс – выбор этих поведенческих линий нередко способствует полноценному пониманию учениками возникшей ситуации и особенностей друг друга. В результате компромиссом может стать, к примеру, выработка здоровой дистанции или обоюдное признание своей неправоты. Стратегию сотрудничества также можно использовать, но при обязательной помощи учителя –

подростки в силу возраста не смогут организовать нужное взаимодействие.

По мнению В. М. Афоньковой, позиция педагога, подобная стратегиям поведения в конфликте, может способствовать решению возникшей проблемы. Она называет 4 позиции: авторитарное вмешательство, т. е. подавление конфликта без выяснений его причин; нейтралитет, т. е. отсутствие каких-либо действий; избегание, т.е. ощущение собственной педагогической несостоятельности и незнание выхода; целесообразное вмешательство, т.е. педагог, опираясь на хорошее знание коллектива учащихся, соответствующие знания и умения, анализирует причины возникновения конфликта, принимает решение либо подавить его, либо дать возможность развиться до определенного предела [7, с. 36].

Важной деталью роли педагога в разрешении конфликтов между подростками становится высокий уровень его коммуникативной культуры, выражающейся в умении понять ситуацию со всех сторон, выявить ее причины и последствия, увидеть особенности поведения всех участников. В такой ситуации возможен поиск пути примирения сторон или создания нейтралитета. Главной ошибкой учителя может стать уверенность в собственной логике и неумение выслушать логику учеников – игнорирование их мнений только ухудшит ситуацию.

Начальным этапом деятельности учителя в преодолении конфликта между учениками становится определение проблемы, затем наступает этап ее анализа и решения, который завершается оценкой полученного результата. Оценка результата – заключительный этап, необходимый для понимания верности сделанных учителем шагов по преодолению противостояния. К примеру, если подростки пришли к выводу, что им следует держаться друг от друга на расстоянии без попыток познакомиться, то такой результат следует оценить как позитивный – здесь наблюда-

ется и рефлексия самого педагога, и подталкивание им учеников к самостоятельному анализу проблемы.

В целом, преодоление конфликта между подростками в поликультурной образовательной среде осуществляется нередко при помощи педагога, который чаще всего готов к выполнению такой задачи. Прежде всего педагог будет стремиться к спокойному установлению нейтралитета, что особенно важно при общении между подростками. Затем его роль будет состоять в попытке совместного выяснения проблемы и поиска путей ее решения. Вполне вероятно, что такой подход позволит найти некоторое взаимопонимание, заключающееся в четком выявлении недовольств. Роль педагога в решении конфликта определяется его умением выбрать нужный тон, жесты и конкретные фразы, которые сразу объяснят необходимость выяснения проблемы; умением контролировать собственную эмоциональность; умением правильно выбрать время и место беседы (пустой класс, отсутствие «лишних» собеседников, здоровое физическое и эмоциональное состояние конфликтующих учеников).

Эти коммуникативные умения помогают педагогу сохранять уверенность при ведении разговора и предложении различных вариантов решения конфликтной ситуации; также это создает нужную атмосферу ожидаемого положительного результата встречи. Отсутствие со стороны педагога обвинений, повышенного голоса дополнительно повлияет на подростков, т.е. на их понимание важности соблюдения простых правил делового поведения.

Делая общий вывод, подчеркнем, что роль учителя в конфликте между подростками-одноклассниками может не только способствовать его преодолению, но и профилактике, и выработке адекватных вариантов дальнейшего общения.

Библиографический список

1. Баныкина С. В. Педагогическая конфликтология: состояние, проблемы исследования и перспективы развития // Современная конфликтология в контексте культуры мира. – М. : Наука, 2001. – С. 373–394.
2. Карнеги Д. Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей // URL: <http://lib.ru/KARNEGUY/karnegi1.txt>
3. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. – М. : Прайм-Еврознак, 2005. – 512 с.
4. Николаева А. А., Савченко И. А., Степанова О. С. Роль учителя в профилактике конфликтов посредством информационной безопасности в образовательном учреждении // Научно-педагогическое обозрение. – 2018. – Вып. 2 (20). – С. 125–130.
5. Николаева А. А., Савченко И. А., Зиновьева Н. А. Роль учителя в обеспечении информационной безопасности современных школьников // Образовательные ресурсы и технологии. – 2018. – № 1 (22). – С. 27–32.
6. Савченко И. А. Конфликты в образовательной организации в условиях организационных изменений // Конфликтология / nota bene. – 2018. – № 2. – С. 24–35.
7. Селиванова Е. А. Роль учителя в возникновении и разрешении педагогических конфликтов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2010. – № 3 (5). – С. 34–39.
8. Тест описания поведения К. Томаса // URL: http://psylab.info/Тест_описания_поведения_Томаса
9. Шаленко В. Н. Социально-трудовые конфликты в России: анализ динамики и методы разрешения // Социальный конфликт. – 1999. – № 3. – С. 75–93.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bany`kina S. V. Pedagogicheskaya konfliktologiya: sostoyanie, problemy` issledovaniya i perspektivy` razvitiya // Sovremennaya konfliktologiya v kontekste kul`tury` mira. – M. : Nauka, 2001. – S. 373–394.
2. Karnegi D. Kak priobretat` druzej i okazyvat` vliyanie na lyudej // URL: <http://lib.ru/KARNEGUY/karnegi1.txt>
3. Meshheryakov B. G., Zinchenko V. P. Bol`shoj psixologicheskij slovar`. – M. : Prajm-Evroznak, 2005. – 512 s.
4. Nikolaeva A. A., Savchenko I. A., Stepanova O. S. Rol` uchitelya v profilaktike konfliktov posredstvom informacionnoj bezopasnosti v obrazovatel`nom uchrezhdenii // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. – 2018. – Vy`p. 2 (20). – S. 125–130.
5. Nikolaeva A. A., Savchenko I. A., Zinov`eva N. A. Rol` uchitelya v obespechenii informacionnoj bezopasnosti sovremenny`x shkol`nikov // Obrazovatel`ny`e resursy` i texnologii. – 2018. – № 1 (22). – S. 27–32.
6. Savchenko I. A. Konflikt`y` v obrazovatel`noj organizacii v usloviyax organizacionny`x izmenenij // Konfliktologiya / nota bene. – 2018. – № 2. – S. 24–35.
7. Selivanova E. A. Rol` uchitelya v vzniknovenii i razreshenii pedagogicheskix konfliktov // Nauchnoe obespechenie sistemy` pov`sheniya kvalifikacii kadrov. – 2010. – № 3 (5). – S. 34–39.
8. Test opisaniya povedeniya K. Tomasa // URL: http://psylab.info/Test_opisaniya_povedeniya_Tomasa
9. Shalenko V. N. Social`no-trudovy`e konflikt`y` v Rossii: analiz dinamiki i metody` razresheniya // Social`ny`j konflikt. – 1999. – № 3. – S. 75–93.

© Хлебников А. С.,
Лопатинская О. С., 2019.

UDC 37

**ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT
OF PRACTICAL SKILLS FOR PEDAGOGICAL STUDENTS
OF PHYSICS IN THE CREDIT COURSE SYSTEM AT UNIVERSITY**

Mai Van Trinh

Le Minh Thanh Chau

*PhD. Assistant professor,
Ministry of Education and Training,
undergraduate student,
Sai Gon University,
Sai Gon, Vietnam*

Abstract. Physics is an experimental science, in which experiments play an important role in studying and teaching skills for students. This article presents one number of measures to develop experimental skills for physical pedagogy students in credit training system.

Keywords: physics; formation of skills; experiments; practical skills.

Experiments play a very important role in studying and teaching Physics. The experiment is both a teaching tool and a means of organizing cognitive activities for students, and a research tool for student.

Teacher can make good use of experiments and use them effectively in teaching methods if experimental skills for pedagogy students are developed. In particular, in the credit training system, there must be solutions to organize and manage training and appropriate teaching methods to help students form and practice good experiments skills in physics teaching

1. Experimental use skills of physical pedagogy students

In our opinion, the skills of the experimental pedagogy of students include experimental practice skills and experimental teaching skills. Through the analysis of teaching activities of teachers with experiments, based on professional standards of high school, it is necessary to build a system of experimental use skills for pedagogy student to meet the requirements of practice. The system of experimental use skills should be trained, builded and developed synchronously for students with the following two groups (5.6):

Experimental practical skills	Experimental teaching skills
Determine the purpose of the experiment	Determine the purpose of teaching with experiments
Select the experimental plan	Select teaching methods with experiments
Planning to use laboratory equipment	Planning teaching with experiments
Using experimental and assembly equipment	Applying teaching methods to teaching situations with specific experiments
Perform the procedures of the experiment	Organize the implementation and management of experimental implementation processes in teaching
<ul style="list-style-type: none"> - Evaluate experimental results - Observe and record - Comment - Write a report 	Assessing students' learning outcomes through teaching with experiments: <ul style="list-style-type: none"> - Evaluate students' observation skills - Evaluate students' opinions and comments - Evaluate students' writing skills
Evaluation and improvement of experiments	Evaluate and improve teaching with experiments

The above skill groups have relatively independent but not separated. They are complement and to support each other. If students have good practice skills, they will facilitate teaching with experiments. If students have good teaching and experimenting skills, they will contribute to the development of experimental and practical skills ability to evaluate and improve experiments.

2. A number of measures to build and develop skills to use experiments for physical pedagogy students under credit training system

The purpose of training methods under credit system in the university is to promote students' activeness in building learning plans as well as promoting positive, proactive and creative learning. This training method requires students to self-study as well as team work. To be able to practice the skills of teaching experiment practice for students, the following measures must be well implemented (1):

Awareness of the role of experimental practice in physical teacher training

It is necessary to make both teachers and students have a proper awareness of quality

teaching in experimental practice modules. Management measures are needed here but more importantly, there are various forms of experimental hands-on teaching practices for students to enjoy this subject. We promote practice in university experiments through competitions, and the content of practical experiments linked to reality, technology or clubs.

Innovating the training program towards increasing the amount of experiment practice

The physical teacher training program has long been theoretical. This limitation has many causes, but mainly due to the difficulties in facilities and teaching equipment of universities. Another cause is the teachers and students do not understand about the role of experiment practice. In order to have a team of physical teachers to meet high school teachers' standards, the training program must be fundamentally renewed. First of all, the amount of time required for the experimental practice modules must be increased. In addition, the content of the experimental exercises must be updated and supplemented.

The system of experimental exercises includes general knowledge blocks, major knowledge blocks and experiments to help build and develop professional skills. These tests are linked to the content and general physics program. In order for students to have the skills to use common experiments and general physics teaching skills, they should do real experiment and be familiar with the general physics teaching environment. In doing so, the training program must have modules with a reasonable amount of time for teaching and practicing pedagogy in simulated environment or the real teaching environment in high school (1, 2).

The content of experimental exercises need to be reformed in the surveying a natural phenomenon. It is necessary to design experiments so that the most content can be researched, can be measured in many quantities and built up a lot rules, laws that govern them, and test results can be used to teach in many different lessons. As for the experimental practice modules of the pedagogical knowledge block, it is required to include general physics tests. Today, modern experiments that connect computers are increasingly equipped in universities. We need to put these experiments in the content of teaching and create opportunities for students to use those experiments.

Innovating methods and forms of teaching practice.

The physics practice experiments of pedagogical students is essentially a process of experimenting with experimental ideas used in the teaching. If students have no previous ideas, then conducting experiments will not be useful in training experimental skills using experimental methods but only training assembly and operating skills.

In credit-based training, in order to improve the effectiveness of experimental practice, we should organize to enhance student's creativity, self-study, gradually changing from laboratory type "Cookbook Lab" to laboratory model of "Inquiry Lab". Before go-

ing to the laboratory, teachers need to teach students mastering the content and require the test. Beside, teachers should focus on helping students build skills to determine the teaching purpose of the experiment, identify options to do experiments, determine the options used in teaching content in high school.

Trainers should organize students to work in groups to complete the above content. At this stage, students should be encouraged to use physical teaching software such as Crocodile Physics, Physics, Interactive Physics ... to create virtual experiments to choose the optimal experimental plan. At the end of each experiment, it is necessary for student groups to present the experimental results, including the experimental plan, experimental assembly, reading and processing of measurement results and especially the experimental use experience in teaching specific lessons in general physics program.

Innovating testing and evaluating skills of using experiments in teaching physics

It is necessary to renew the examination and evaluation of experimental use skills for physical pedagogical students. Normally, for each experiment, students have to write an experimental report after doing the experiment. In this report, students must present quite a detailed description of the purpose and requirements of the test, experimental assembly plan, measurement results, processing and argumentation of the results obtained. These are indispensable minimum requirements for students. However, it is necessary to renew students' experimental skills. Teacher need to focus on assessing students' performance: Authentic / performance Assessment. This assessment allows quantification and evaluation of the proficiency level of skills in using experiments in teaching. There are 2 important assessment tools:

- Evaluate through the description tables (Rubric) in experimental teaching, identify specific tasks, evaluation criteria, describe evaluation criteria according to a level achieved, to carry out assessment,

joint assessment and self-assessment (ensure factors: objective, accurate and differentiated).

- Evaluate the construction of lesson plans with experiments.

A lot of skills are required when teachers use experiments in teaching. If student were absent, it is quite complex to assess the ability to perform in teaching with experiments. Therefore, in order to accurately assess, it is necessary to combine other assessment methods (objective test and multiple choice test, interview, execution in assumptions, observation, analysis of documents and tapes). videos etc). In order to assess the skills of using experiments in teaching, it is necessary for students to practice teaching with real experiments in the laboratory as a hypothetical class, "students" in the classroom. This is the students in the group and lecturers who play the role of observation, guidance and assistance.

Enhancing the application of information technology in teaching practice experiments

Information technology plays an important role in innovating teaching methods, especially in forming and developing experimental practical teaching skills for students. It is possible to apply information technology at every stage of the experimental practice teaching process. Experimental theory lectures can be posted on the school website for reference by students before entering the laboratory. With computer-connected experiments, students will become familiar with modern measurement systems with high accuracy, large measurement data, quick, accurate data processing and calculation and demonstration of flexible measurement result in the form of tables or graphs. Instructors and students can use virtual experiments, simulation experiments, or video clips to innovate teaching practice labs. Virtual experiments can be used in the selection phase of the experiment.

The software supports the construction of virtual experiments that allow students to design different experimental options to find the

optimal experimental plan before conducting a real experiment. Virtual experiments will help students choose the optimal plan, avoiding possible risks in the laboratory. Virtual experiments, video clips also support the teaching of experimental theory before students do experiments in the laboratory. In addition, students can use virtual experiments to visualize or explain the nature of physical phenomena. In experimental teaching, virtual experiments can be used to design electronic lectures (4, 3).

For example, *"Examining Newton's Laws with Air Cushion"* is a shared test kit, capable of performing many experiments (measuring the velocity of linear motion, velocity measurement the average of linear motion is uniformly changed, measuring the instantaneous velocity of the fast linear motion evenly, the distance-time graph, the velocity – the time of linear motion steadily, measuring the acceleration of the motion rapid progress, test Newton's laws, measure gravitational acceleration, kinetic theorem, momentum conservation law – elastic collision, momentum conservation law – inelastic collision). The tests have many options. We organized for groups of students to study and discuss the theoretical basis from which to propose plans to conduct experiments and plans to use experiments in general physics teaching. The implementation process can be described briefly as follows:

The tests have many options. We organized for groups of students to study and discuss the theoretical basis from which to propose plans to conduct experiments and plans to use experiments in general physics teaching. The implementation process can be described briefly as follows:

Step 1: Prepare the experiment.

- The groups develop experimental plans, study the theoretical basis (to support students, we create electronic documents, related materials ... posted online for students to reference), record go to "Group practice diary".
- Conduct virtual experiments: using virtual experiment software (can use software of

Nguyen Ngoc Hung and Pham Xuan Que, Interactive Physics, Crocodile Physic ...) to study and predict real results to propose a plan to conduct a real experiment.

Step 2. Perform real experiment.

In turn, conduct experiments according to the selected plan, compare data between experiments (it is possible to connect experiments with computers for easy analysis, storage ...). The next, it is necessary to argue the data obtained with the theoretical results and make conclusions and self-comment on the group.

Step 3: Evaluate, comment and comment to improve the experiment

Step 4: The groups propose a plan to use the experiment (if possible students should try to experiment with this experiment before the fake class to teach a specific content of spectral physics. information

Step 5: Students write experimental reports. After that instructors review reports and combine monitoring of the experiment process to evaluate students' experimental use results.

Thus, students propose a real experiment through virtual experiments. Based on the results of the self-study of each group, the student groups made a judgment on how to conduct experiments most effectively with the highest accuracy ... Both student and teachers general plan to improve teaching and learning.

3. Conclusion

For physical pedagogy students, it is necessary to build and develop skills to use experiments including experimental practical skills and experimental teaching skills. This idea must be reflected in the training objectives and must be included in the physical teacher training program. With the characteristics of training under credit system, it is necessary to have appropriate forms of teaching practice and experiments. Training programs need to be focused on strengthening self-study and group work of students. It is necessary to strengthen the application of information technology in innovating the organization of teaching and innovating the experimental practice teaching methods. The work of examining and evaluating the results of students' experimental practice should be specific through clear criteria. This content will be introduced in another article. Appropriate measures and implemented in a synchronous and persistent way will raise the skills of practical teaching and experiment of physical pedagogical students.

Bibliography

1. Thai Duy Tuyen, Traditional and modern teaching, Education Publisher, 2008
2. Nguyen Tu Anh, General Physical Practice 1-2, Education Publisher, 1981.
3. Nguyen Duy Thang, General physics practice, University of Education Publisher, 2005.
4. Microsoft Corporation, Using information technology in teaching, Education Publisher, 2005.
5. Nguyen Trong Suu (editor), Practical lab materials for high school physics, Ministry of Education and Training, 2011
6. <http://tailieu.vn/tag/tai-lieu>

© *Mai Van Trinh,
Le Minh Thanh Chau, 2019.*

UDC 37

**ACADEMIC COUNSELING SKILL OF LECTURERS –
ADVISORS IN VIETNAMESE UNIVERSITIES****Nguyen Thi Ut Sau***PhD in Education, lecturer,
ORCID 0000-0003-0313-3231,
e-mail: sau_dhsp@yahoo.com,***Nguyen Thi Thanh Huyen***PhD in Education, lecturer,
ORCID 0000-0002-1923-7548,
e-mail: huyentlgd@gmail.com,
Thai Nguyen University,
Thai Nguyen, Vietnam*

Abstract. The content of the paper focuses on analyzing theoretical background and current status of the lecturers' academic counseling skill: counseling skills for students about studying methods in higher education; counseling skills for students in scientific research; career counseling skills for students; counseling skills for students to implement internal rules and regulations. On the basis of the research, the author of the article proposed some recommendations for developing academic counseling skills for lecturers – advisors in universities, thereby improving the quality of academic counseling for students.

Keywords: Academic counseling skill; Advisors; Status; Career guidance; University; Vietnam.

Academic counseling is application of counselors' knowledge and experience on developing an open, honest, trusting relationship to exchange information, to provide solutions, to help students solve the difficulties that they encounter in learning, scientific research, vocational guidance, implementation of internal rules in order to accumulate sufficient system of subjects in accordance with the order of the program.

1.2. Subject and methodology

We conducted a survey including 160 lecturers - academic advisors, 992 students of 5 universities: Hanoi University of Education; University of Social Sciences and Humanities – Hanoi National University; 3 schools under Thai Nguyen University: University of Information and Communication Technology, University of Education; Nong Lam University.

To study the current status of the lecturers' academic counseling skills of advisors in Vietnam, we used the following research methods: questionnaire survey, in-depth interview method, mathematical statistical methods.

The questionnaire surveys were processed by percentage and mean scores. We designed questionnaires with 5 levels: good, fair, moderate, weak, low by 5 points: 5,4,3,2,1. Distance value = 0.8. The results of the study are as follows:

1.3. The results of research on the current status of the lecturers' academic counseling skill – academic advisors in Vietnamese universities.**1.3.1. Current status of counseling skill for students about learning methods in universities**

The counseling skill for students to develop a credit-based learning method is the application of counselors' knowledge and experience on developing a trustworthy relationship and standards to exchange information, to give out solutions in order to help students develop a positive learning method that suits with the credit studying activities. We have investigated the status of counseling skill for the student about studying methods. The results are shown in Table 1.

Table 1

Current status of the counseling skill for the student about studying methods

No	Contents	Teachers were valued by themselves		Students assessed teachers	
		X	Mean	X	Mean
1	Reading and writing methods	4.33	1	3.71	2
2	Asking method	4.23	4	3.64	4
3	Listening method	4.28	2	3.72	1
4	Memory method	4.21	5	3.54	9
5	Using dictionary and information technology in studying	4.17	6	3.55	8
6	Method of expressing ideas	4.16	7	3.56	7
7	Method of system approach	4.04	9	3.54	9
8	Method of research in the group, interaction, and cooperation	4.28	2	3.70	3
9	Method of thinking diagrams in learning	4.06	8	3.59	6
10	Method of self-evaluation and self-assessment	4.04	9	3.60	5

Comments: In general, we see that the counseling skill for students on the method of learning that teachers assess quite well in the contents that related to traditional learning activities: reading and writing methods; and then listening method; the method of research in the group, interaction, and cooperation and method of asking. The content of the counseling skill of teachers, counselors are not good in counseling for students about the learning method, whereby: the method of system approach; the method of self-evaluation and self-assessment; the method of thinking diagrams in learning [1]. On the side of students, they assessed teachers' counseling skill about the learning method at a good level in some contents: the listening method; the reading and writing method; and the method of research in the group, interac-

tion, and cooperation. The contents of which, according to students, are not good for the teachers' counseling skill, which are: the method of memory; the method of system approach; the method of using dictionary and information technology in studying.

1.3.2. The counseling skill for students in scientific research

The counseling skill for students to develop a credit-based learning method is the application the experience and knowledge of the credit-based academic counseling on the developing of trustworthy relationship, standards, and exchange information to give out solutions to help students have the interesting and have the scientific research skills. The level of the counseling skill for students about scientific research activities is shown as follows:

Table 2

Current status of the counseling skill for students in scientific research

No	Contents	Teachers were assessed by themselves		Students assessed teachers	
		X	Mean	X	Mean
1	Analyzing for students to see the importance of scientific research	4.34	1	3.82	1
2	To analyze the developing trend of society, specialized science, and current issues so that students select the appropriate research topic	4.16	4	3.72	3
3	Analyzing for students to understand the requirements, responsibilities, and interests of students in scientific research	4.31	2	3.80	2
4	Consulting students to contact organizations and individuals when carrying out the study	4.11	5	3.67	4
5	Advising students to participate in young creative contests	4.00	6	3.57	6
6	Advising students to anticipate the difficulties and how to solve the problem when carrying out research projects	4.20	3	3.64	5

In general, we see the contents that lecturers – counselors at the universities have the "good – very good" counseling skill according to the teachers' self-evaluation at the highest level on the average scale: The first is the analyzing for students to see the importance of scientific research, the second is the analyzing for students to understand the requirements, responsibilities, and interests of students in scientific research, and then it is the content: advising students to anticipate the difficulties and how to solve the problem when carrying out research projects. The content that teachers – academic advisors at the universities have not good counseling skills is "consulting students to participate in the contest of young creation" and content "consulting students to contact organizations and individuals when carrying out the research project". According to the students' assessment of the teacher's counseling skills in scientific research activities, the contents of which teachers have good counseling

skills are the following contents: Analysis for students to see the importance of activities scientific research; Analysis for students to understand the requirements, responsibilities, and interests of students in scientific research; To analyze the development trend of society, specialized science and current issues so that students select the appropriate research topic. The contents that according to students assess the teachers' counseling skill not good are: Consulting students to participate in the contest of young creation; advising students to anticipate difficulties and solutions when implementing scientific research projects; consulting students to contact organizations and individuals when carrying out the study [2].

1.3.3. Current status of career counseling skills for students

The counseling skill for students about the credit-based learning method is the application the experience and knowledge of the credit-based academic counseling on the de-

veloping of trustworthy relationship, standards, and exchange information to give out solutions to help students have the proper career orientation and suit for themselves [3].

We have investigated the current status of vocational counseling skills for students of teachers – academic advisors at universities. The results are shown in Table 5.

Table 3

Current status of career counseling skills for students

No	Contents	Teachers were assessed by themselves		Students assessed teachers	
		X	Mean	X	Mean
1	Consulting to select the specialized subject (if any)	4.00	6	3.51	5
2	Introducing students to apply for jobs	4.34	2	3.58	3
3	Introducing the requirements of the characteristics of the profession and the level of training	4.44	1	3.63	1
4	Consulting students to study issues related to state policies and laws relating to trained careers	3.95	7	3.55	4
5	Counseling students to complement the practical knowledge and the necessary skills to integrate into the work environment after graduation	4.16	3	3.60	2
6	Advising students on employment information channels	4.05	4	3.44	7
7	Advising students on the skills that they need to find a job, such as how to write a resume and job application, the skills they need to interview and communicate with interviewers.	4.01	5	3.46	6
8	Counseling students to study second degree	3.66	8	3.37	8

Comments: In general, we see the contents that lecturers-counselors at the universities have the "good – very good" counseling skill according to the teachers' self-evaluation at the highest level on the average scale: The first is "introduce the requirements of the characteristics of the profession and the level of training"; the second is the "introduce students to apply for jobs"; and then is the "counseling students to complement the practical knowledge and necessary skills to integrate into the work environment after graduation". The content that teachers – academic advisors at the universities have not good counseling skills is the "Consulting students

to study issues related to state policies and laws relating to trained careers"; the content of the consulting to select the specialized subject (if any) and the content of the "advising students on the skills that they need to find a job, such as how to write a resume and job application, the skills they need to interview and communicate with interviewers". According to the students' assessment of the teacher's counseling skills at the good level in the contents: the introducing the requirements of the characteristics of the profession and the level of training; the counseling students to complement the practical knowledge and the necessary skills to integrate into the

work environment after graduation; and the introducing students to apply for jobs. The contents that according to students assess the teachers' counseling skill not good are more complex contents such as the Counseling students to study second degree; the advising students on employment information channels; and the advising students on the skills that they need to find a job, such as how to write a resume and job application, the skills they need to interview and communicate with interviewers.

1.3.4. Current status of counseling skills for students to implement internal rules and regulations

The counseling skill for students to implement internal rules and regulations of the school is the use of the experience and knowledge of the credit-based academic

counseling on the developing of trustworthy relationship, standards, and exchange information to give out solutions to help students to implement internal rules and regulations of the school. Finally, we went to investigate the status of counseling skills in implementing the internal rules and regulations. And, the results we get are shown in Table 4.

Analyzing the opinions of the academic advisor staff, we see that "*In the consultancy activities for students, we are particularly interested, pay attention to the implementation of internal rules and regulations. In this issue, we regularly remind the students to sign a commitment not to violate the internal regulations of the faculty and the school*". The counseling skill level of for a student to implement the internal rules and regulations is shown in detail in Table 8.

Table 4

Current status of counseling skills for students to implement internal rules and regulations

No	Contents	Teachers were assessed by themselves		Students assessed by teachers	
		X	Mean	X	Mean
1	Studying about students' profile	4.10	8	3.75	8
2	Understanding the process of implementing regulations, regulations of students	4.15	7	3.78	6
3	Studying students' directory and manual	4.10	8	3.65	9
4	Taking a look at the training	4.41	2	3.84	4
5	Explaining questions that students ask	4.36	4	3.82	5
6	Understanding the process of reward and discipline students	4.32	5	3.86	3
7	Advising students about the observance of internal rules and regulations	4.41	2	3.88	1
8	Coordinating with organizations and individuals in advising on the observance of internal rules and regulations of students	4.25	6	3.78	6
9	To orient students to implement the rules and regulations of the school	4.43	1	3.87	2

The counseling skill for students to implement internal rules and regulations on

each content is expressed differently. In general, we see the counseling skills for students

to implement internal rules and regulations of teachers and academic advisors according to the self-assessment of teachers and the evaluation of the students have similarities. Expressions: The teachers mainly perform well in simple contents, such as Orienting students to implement the internal rules and regulations of the school; understanding the process of reward and discipline students, consulting students on the observance of internal rules and regulations. The contents are more complex such as studying students' directory and manual; understanding the process of implementing regulations, regulations of students, that is not effective.

Conclusion

Based on the survey on the status of academic counseling skills of teachers – academic advisors at universities, we found that: In general, the majority of counseling skills of teachers and academic advisors are quite good. In particular, the level of consultancy of each content is different. The contents, that teachers and academic advisors can consult very well, are simple, but in the more complex contents, they are not really effective.

In order to improve the quality of the academic counseling activities offered by faculty – academic counselors at universities, we have a number of suggestions:

For universities: It is necessary to strengthen training courses about counseling skills for teachers – academic advisors. Training methods should be strengthened in practice and case study; Need to use the advisory management software of faculty – academic advisor; Equipped with working rooms with facilities: Internet, computer, printer, telephone to ensure the conditions for academic advisor to work; Need to develop policy framework relating to advisors; It is necessary to strengthen the feedback of stu-

dents about activities of advisors; After each school year, it is necessary to hold a conference to find the best method to ensure the quality of advisors for students.

For advisors: In order to improve their counseling skills, advisors need to be aware of the advisor's mission, be ready to change the habits, the way to communicate with students to create a friendly atmosphere when chatting. This is the driving force behind the manifestation of skills in the counseling process. Actively participate in training courses on counseling skills for advisors; Need to have a diary of advisors' activities. These difficult situations can consult with stakeholders to give out the best solution; encourage meetings with students to understand the needs of their counsel, from which to take appropriate measures.

For students: To properly understand the role and tasks of advisors are to support and assist students in adapting to the form of credit-learning; Understanding the problem that they are experiencing and boldly, proactive in finding the advisor for advice. There should be feedback on the consultancy activities of the advisor to adjust timely.

Bibliography

1. Ministry of Education and Training (2007), Decision No. 43/2007 / QĐ - BGD & DT dated August 15, 2007: Regulation on regular university and college training under the credit system, Hanoi.
2. Tran Thi Minh Duc is the chairperson (2012), Building a model of teaching students in Vietnamese universities, a report on key topics of the VNU level.
3. Tran Thi Minh Duc, editor (2012), CVHT in Hanoi National University and Publishing House.

© *Nguyen Thi Ut Sau,*
Nguyen Thi Thanh Huyen, 2019.

UDC 37

ROLE OF PROFESSIONAL ELEMENTARY SCHOOL MANAGER**Phung Quang Duong***PhD Student in Education,
e-mail: duongpq@vinhuni.edu.vn,
0000-0001-8788-8177,***Phan Quoc Lam***PhD in Education, lecturer,
e-mail: lampq@vinhuni.edu.vn,
0000-0002-2587-9571,
Vinh University, Vietnam*

Abstract. The article identifies and discusses six different roles of professional team leader at primary schools of Vietnam, such as combining communication and interpersonal relations; making right decisions to meet the requirements of different situations arisen in the practice of professional team management; building culture in professional team and school; directing the implementation of new educational content and programs into practical activities of professional groups; scientific role, artistic role and creative one.

Keywords: professional team leader; primary school; management; role; professional activities; Vietnam.

1. Dual role of professional team leader in primary schools of Vietnam.

The professional team leader in primary schools performs two different types of work simultaneously: student educational activities (teachers) and management activities (subjects of management). In order to fulfill this dual role, they must be teachers with good professional competence. At the same time they must manage professional team activities. In spite of existence of top management, the professional team leader also must fulfill the functions of a management entity. In other words, the professional team leader in primary schools must implement a complex task system, requiring a diversified capacity system.

2. Scientific, artistic and creative feature of work of professional team leader in primary schools.

– In order to implement effectively their roles and duties, the professional team leader in primary schools must have a system of scientific knowledge in many different fields and apply them to their specific activities. First of all, they must have a system of basic scientific knowledge as the foundation for teaching and learning activities and modern scientific and educational knowledge system. At the same time they need to have the skills

to solve the problems that arise in the process of primary teaching and education in general and in the grade that they are in charge in particular. In addition to the scientific knowledge about technique and career, the professional team leader must also have a broad understanding of society and life [3]. As managers, they must master the scientific theory of educational management and be capable of applying in practice. They must also have the scientific knowledge and corresponding skills to master the object of management, be able to gather authentic information and make appropriate and practical decisions with high feasibility. In their process of management and activities must be based on scientific management methods such as administrative organization methods, economic methods, psychological and social methods. In a word, work of professional team leader must be based on science, educational career and management knowledge and skills.

– In the management process, the professional team always faces unexpected situations stemming from the rich and diverse variety of phenomena arising in the professional team and schools and society. In fact, not every phenomenon in the management of the professional team is lawful and not all the

rules that relate to the operation of management systems have been perceived into reasoning. In order to manage effectively, the professional team leader could not stereotype and machine and must always be quick, assertive, and capable of creative thinking, flexibility, and inspiration to solve these situations well. In other words, the professional team leader's activities must be artistic and creative.

The artistry in management activities of the professional team leader also comes from the professional team in primary schools, which is essentially a social system [5]. The process of management is the process of impacting people with very diverse needs, with attempts, emotional feelings that are difficult to balance, explicitly measure, differences in personality, complex social relations. That fact requires the professional team leader to handle skillfully, flexibly, "need" or "extra", "hard" or "soft" for each situation. It's hard to find a common way and the best for different situations. The artistry of management activities of the professional team leader also depends on the experience and psychological attributes of the professional team leader individuality. Therefore, the same situation and the same way of dealing with those different subjects has different results.

Although the professional team in primary schools is usually a small group, to operate effectively the professional team leader not only uses management tools but also has an ability to attract and motivate members to perform voluntarily assigned tasks.

3. Combining communication and interpersonal relations.

During the management process, the professional team leader is a representative of the leader, negotiator, and diplomat. Products of management activities are assessed through the development of individuals, collectives, through the results and performance of the professional team activities by individuals [2]. Activities of the professional team leader are activities of organizing and controlling people, so they must rely on in-

terpersonal relations with members of the team and in the school. It is the psychological relationship between people and people there are three aspects: awareness, attitude, and behavior associated with the state of satisfaction or dissatisfaction. Interpersonal relations is a condition for successful management and leadership of the professional team. This relationship is made possible by the communication process. Based on communication, the professional team leader understands and shares the thoughts, aspirations of mobilizing members, resolving conflicts and instructing and working with them, motivating and promoting, participates in the decision-making process.

Communication skills and interpersonal relate to the professional team leader in primary schools are shown in:

- Ability to establish relationships, thereby understanding, sharing and tolerating members;

- Knowledge to motivate and encourage members of the team to perform actively the tasks that the team and each individual undertakes. In particular, the professional team leader must always be an exemplary person, leading in the most difficult tasks;

- Create consensus of the professional team in implementing education policies and guidelines of superior on the primary education;

- Respect, cherish others and be friendly with co-workers, students, and everyone, thereby gathering necessary information about the professional team and yourself. On that basis, make determined management decisions;

- As the representative of the school in the process of contacting teachers, students, and parents, there must be good communication skills to be able to influence effectively the object during the process of management [7].

4. Making right decisions to meet the requirements of different situations that arise in the management practice of professional teams

One of the most important tasks of the professional team leader is to make and en-

force management decisions before a situation arises that needs to be addressed. Management decisions reflect the views and approaches of managers in choosing the best plan to solve the situation. Therefore, in their management activities, the professional team leader in the school must regularly make decisions and organize the implementation of its decisions. In order to have a good and timely management decision and achieve high efficiency, the professional team leader must fully realize the decision-making situation, apply scientific knowledge about management, and express dynamism, creativity and assertiveness, and the necessary skills in enforcing the decision. On the other hand, it must be repaired and adjusted in time when it is realized that it is not really reasonable.

5. Building qualitative culture in professional teams and schools

Professional activities and management are only effective when it is done on a positive cultural background. That is the scientific way discipline works, following the general rules but still ensuring the democracy in the organization. Culture is only available when all members are wholeheartedly focused on their work, self-fulfilling their assigned tasks to work with the highest quality. Culture of quality is also expressed in the friendly psychology between managers and teachers, between teachers and teachers and between teachers and students, and parents [6]. Thus, building a culture of quality is a professional team leader's mission in the process of managing the professional team. It is to build a modern, professional, friendly and efficient working environment. In order to do that, first of all, the professional team leader must promote its leadership role in the lead change, must be a proponent, guide change efforts; plan mission, vision, spread that mission and vision to create the trust for implementation. Building a quality culture at Vietnamese primary schools now is a very difficult job that requires a lot of time and effort because it goes against the tradition of teaching and learning to achieve high achievement

in exams, by all means, school management and power-based patriarchal education have been reigning in Vietnamese education.

As the leaders of the professional team, in order to participate actively in the setting culture of quality in the primary schools, the professional team leader must have a moral orientation, modern school culture for teachers and students besides preserving cultural identity, good traditional values of the nation. It is important that the professional team leader in primary schools must be an exemplary model of culture, ethics and together with the whole school have appropriate measures to repel old culture, build a new one in the school. Building culture of quality in the school is to be carried out regularly, long-term with many efforts in all activities, the most important teaching activities.

6. Directing the creation of new educational content and programs into practical activities of professional teams

The new primary school program has been implemented since the school year 2020–2021. This program has many differences in many ways compared to the current program such as teaching and educational integrating, educating and assessing students according to their ability to approach; the program requires the development of time and region, experience activities, etc. The difference will cause teachers many difficulties in the implementation process because it requires from them many new professional capabilities [8]. Helping teachers adapt to the new program is the responsibility of many different management levels. In particular, the professional team leader in primary schools plays an important role because it is a direct manager of professional skills. They are responsible for conveying the overall guidelines, strategies, and objectives of the program into specific objectives, developing a common program into a program that is appropriate to local practices, developing action plans, schedule, specific measures for the professional team's activities in order to achieve educational goals and organize train-

ing to improve teachers' capacity and draw experience by applying the program to educational practice.

The professional team leader in primary schools must promote its autonomy, self-responsibility and creativity to build and standardize education programs towards modern, lean, qualitative assurance and high integration to meet innovation requirements basic, comprehensive primary education; designing subjects, topics and educational activities of self-selection and experience to promote the activeness, initiative, creativity and application of students' knowledge and skills. The professional team leader should have incentives, encouragement, and encouragement for teachers to focus on teaching, thinking, self-studying for students, creating a basis for learners to update and innovate knowledge, skills and develop capacity. In addition, the professional team leader must organize the application of information technology in the process of teaching, education and professional activities of the group.

Directing the implementation of the new educational program is a new and difficult task for the professional team leader in the primary school. In order to implement well this task, the professional team leader must constantly learn to improve their professional and professional skills as well as the general capacity of teachers and managers of primary schools.

Conclusion: The professional team leader has a very important role and task in the

operation and process of primary educational reform. In order to fulfill their roles and duties, they must conduct specific activities - combining the role of teachers and the operation of an educational manager. This peculiarity of the job requires them to have the professional capabilities and necessary integrated skills for their operations.

Bibliography

1. Ministry of Education and Training (2010), Charter of primary schools, Circular No. 41/2010 / TTBGDDT
2. Ministry of Education and Training (2012), Charter of primary schools, Circular No. 50/2012 / TTBGDDT
3. Ministry of Education and Training (2012), Charter of Primary and Consolidated Documents 03 / VBHN-BGDDT
4. Ministry of Education and Training (2008), Decision No. 16/2008 / QD-BGDDT dated April 16, 2008 of the Ministry of Education and Training promulgating Regulations on teachers' morality.
5. Ministry of Education and Training, Project Management Unit for Supporting Education Improvement (2017), Primary Education Program.
6. Nguyen Phuc Chau (2004), Managing organizational apparatus and human resources in schools, lectures, Hanoi.
7. Tran Kiem (2008), Basic issues of education management science, Hanoi University of Education Publishing House.
8. Training materials Professional life innovation (2014), (For managers, primary teachers), Education University Publishing House.

© *Phung Quang Duong,
Phan Quoc Lam, 2019.*

UDC 159.9.018.3

EXPERIMENTATION IN SOCIAL SCIENCES: POSSIBILITIES AND LIMITATIONS

T. L. Smolina

*Candidate of Psychological Sciences,
assistant professor,
e-mail: talesm@mail.ru,
ORCID 0000-0002-1500-7075,
St. Petersburg University of the Humanities
and Social Sciences,
St. Petersburg, Russia,*

I. S. Gromkiy

*student,
e-mail: psychicvision@yandex.ru,
North-West Institute of Management
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg, Russia*

Abstract. This article examines experiment as a unique type of measurement technique which is used for the investigation of different social phenomena. The use of experiments today depends on the type of the phenomenon under investigation and the purposes of the researcher as well as restrictions posed by ethical issues. The artificiality of the laboratory settings, problems with randomization and validity as well as ethical considerations are all listed as weaknesses of the experimental design. The greatest value of the experiment can be seen in the possibility to investigate highly controversial issues of human behavior.

Keywords: experiment; social sciences; method; measurement technique.

There are a number of various methods in the social science tradition used for the purposes of the researchers. Surveys, field studies and interviews are usually regarded as major instruments of scientific inquiry. Experiment, among them, presents a unique type of measurement technique which is used for the investigation of different social phenomena. In most cases, however, human behavior appears to be the main focus of the experimentation.

Many scholars have attempted to assess and explain patterns of social behavior by means of experiments. Since the implementation of the well-known classical experiments pioneered by Russian physiologist Ivan Pavlov, the experiment method became the prevailing technique for the study of behavior.

Experiment, thus, departs from the traditional behavioral studies which were greatly influenced by Pavlov's studies. Following this mainstream, scientists from different fields of the academic world have further developed experiment – the technique for measuring various aspects of human behavior, namely, attitudes and actions.

Clearly, each method of scientific inquiry has its own strengths and weaknesses [12]. Experiment is not an exception. Limitations and possibilities of the use of experiments in the social science is the major focus of the present work. We will argue here that the use of experiments today depends on the type of the social phenomenon under investigation and the purposes of the researcher as well as restrictions posed by ethical issues. This will

be achieved by using illustrative examples analyzing different types of experiments in the history of social science.

However, before a more detailed analysis of possibilities and limitations is discussed, one must clarify what the experimental method is. Of particular importance here are such questions as: What is experiment? What are the rules of its application? What are the primary elements and purposes of experiment?

Experiment in the social sciences is considered to be the structural technique of observation that has its specific rules of application. According to Babbie (1992), the most general stages of experiment include: "(1) taking action and (2) observing the consequences of that action" [3, p. 237]. More specifically, the sequence of the experimental technique involves the choice of independent and dependent variables, random selection of the subjects to be attributed to control/experimental groups, and pre-testing and post-testing. With slight variations all those elements are essential for the experimental studies of social phenomena.

First of all, one should mention that a researcher has to clearly formulate the research question, most preferably in relation to a theoretical framework. For instance, in Herbert Kelman's experiment (1993, [1958]) of the effects of various communications and other forms of social influence on attitudes and actions, the broader theoretical conception was chosen to test the hypotheses. It was proposed that different sources of power produce various types of behavior. In particular, the following hypotheses were taken into consideration:

(1) Power based on control will affect the confirmative type of behavior which will take the form of compliance;

(2) Power based on attractiveness will produce conformity which will take the form of identification;

(3) Power based on credibility will produce conformity which will take form of identification [8, pp. 496–497].

In this case power is regarded as an independent variable. In other words, the type of power presented by a communicator to subjects is the stimulus of the study. The dependent variable here is the patterns of behavior demonstrated by subjects in response to the stimulus.

Having thus explained the nature of the independent and dependent variable in the experimental design by means of an illustrative example, it seems appropriate to turn to the other main elements, namely, control and experimental groups.

Typically in the experiment two groups are involved in the process. The experimental group in social science literature is usually defined as "the group of subjects that receives the treatment or experimental manipulation" [11, p. 188]. The control group is the group of people who are not subjects of this treatment. There can be variations in the amount of the groups as it is the case in a study of the effects of television violence on children. Albert Bandura, Dorothea Ross and Sheila Ross (1993, [1963]) conducted an experiment which consisted of three experimental groups and one control group. In their experimental design three groups of children were exposed to different kinds of violent scenes. While the first group watched the real life aggressive models, the second group of children was shown aggression on a film. The third group of subjects was exposed to a film with the aggressive cartoon characters. Furthermore, children in these groups were subdivided into male and female groups, thus forming a total of six groups under study. The control group consisted of children who watched a 'neutral' film [4, pp. 151–153].

The second experimental group in this study is usually referred to as a comparison group, that is, "the groups of subjects that is exposed to a different treatment than the experimental group (or that has a different value on the independent variable)" [11, p. 188]. The example of the experiment by Bandura, Ross and Ross indicates that the number of groups participating in the experiment can

vary. It depends solely on the purposes of the investigator who decides to study the phenomenon in the light of the strong-moderate effect.

If the number of the experimental groups can be subject to change, pre-testing and post-testing procedures cannot be varied in the same way. Pre-testing requires the researcher to measure subjects before the actual experiment takes place. In the study on televised violence mentioned above, children of the experimental and control groups were pre-tested in the following way. First, the aggression in the real world was rated by the analysis of the social interactions between the children. The rating included scales of physical aggression, verbal aggression and aggression inhibition. Then, several experimental settings were designed to pretest the level of aggression without showing violent films. After the main experiment was finished, investigators measured the changed level of aggression by means of performing post-testing. Specifically, the aggression investigation took place in a different experimental room where children were exposed to aggressive and non-aggressive toys. Experimenters and a special group of judges have observed children's behavior through a one-way mirror. Different types of games played with aggressive toys (e.g. guns, mallets and peg boards) and non-aggressive toys (e.g. a tea set, dolls, bears) were measured [4, pp. 153–154].

Thus, the effect of the violence on television exposed to children was studied by comparing the pre-test results with the findings obtained from the post-test procedure. The cause-effect of aggression phenomenon is very hard to analyze but the aim of the experimenters in that study was fully achieved. Therefore, the main purpose of the experiment is to indicate causal links between different phenomena and in this sense it is used for explanatory studies in the social sciences. Indeed, experiments most often were applied to investigate certain types of phenomena, particularly to study group interaction and

human behavior [8; 1]. In this case, research on obedient and conformist types of behavior are especially relevant for this analysis.

Several famous experiments conducted by such scholars as Solomon Asch, Philip Zimbardo and Stanley Milgram can be recalled here [2; 9; 10]. All of them revealed unique results and posed controversial issues in regard to the understanding of human behavior. Nevertheless, the study on obedience to authority done by Stanley Milgram presents a special case of experiment which highlights certain aspects of this method.

Milgram (1997, [1963]) conducted behavioral study of obedience under the auspices of Yale University. The advertisement was posted in the newspaper in order to attract people for the participation of the so-called 'memory and learning' study. Forty males took part in the experiment which was conducted in a laboratory setting. The general procedure which involved one naïve subject and one victim, consisted of the following stages. First, the subject of the study was chosen to perform the role of a teacher and was asked to administer a task to a learner using shock generator. Then, the subject under investigation was instructed that with each wrong answer he ought to punish the learner with a shock. What is more, the teacher had to increase the intensity of the shocks administered to the victim. Under these conditions the study of the obedient behavior was conducted and the controversial results were revealed afterwards. It was found that all subjects who participated in this experiment continued to administer shock to another person even after they have reached the point of a 'very strong shock'. Fourteen subjects refused to obey the command of the experimenter at the level of intense shock, while twenty-six obeyed the orders to the end reaching the sign: "Danger: severe shock" [10, pp. 41–53].

Milgram's experiment revealed the interrelationship between two major behavioral patterns: the obedience to authority and the inclination not to harm physically other peo-

ple. The laboratory setting of this experiment, it can be argued, does not reflect the actual human behavior. This artificial side of the laboratory experiment has been the subject of many controversies among the scholars due to the fact that the behavior is studied out of its social context. The remedy to this has been found in transferring and applying the laboratory technique into the real world. In the natural experiment the behavior is observed and evaluated in relation to the spontaneous effects of natural stimulus. Yet, the design of this kind of experiment requires precise actions toward its execution.

When an event occurs in the real life, researchers who engage in the experiments face the problem of validity, especially when it concerns the comparison and control groups. If the experiment group in a natural world is easy to find, people who would construct group for the appropriate comparison present one of the major problems for the design in natural setting. However, both laboratory and natural designs face general limitations of the experimental technique.

According to Catherine Hakim (1992), the design for both laboratory and natural experiments involves two main features, namely, experimental control and the randomization process. In the experimental control the researcher decides which subjects will be under investigation as well as the hypothesis of the event/experience to be tested. Randomization refers to the allocation of people into experimental or control groups on a basis of random sampling [6, pp. 101–102]. As a rule, when the random sampling is performed for the purposes of the experiment, the populations tend to be students or workers. People cannot be randomly chosen to experience such events as unemployment, war, migration other events. This presents one of the obstacles of the experimental design.

In addition to that, the experimenter faces other limitations concerning the research. Problems of internal and external invalidity of the experiment are of particular importance in regard to design difficulties. In-

ternal validity is “the possibility that the conclusions drawn from experimental results may not accurately reflect what has one on in the experiment itself” [2, p. 247]. Several aspects can be distinguished in this respect. For example, people under investigation are subject to constant changes due to the fact that the impact of the social realm cannot be totally eliminated. Then, the question arises of whether testing and retesting procedures will affect subjects’ behavior and as a consequence influence the final results. Additionally, some of the researchers argue that human behavior itself is an ambiguous phenomenon for the investigation: «...people do not show similar behavior patterns across a wide variety of situation. One may be dominant in one situation but not in others. Behavior is much more a function of the situation than of inner characteristics» [5, pp. 237].

What is more, the experimenter may project his or her bias by selecting subjects for experimental and control groups.

The other problem of the experimental design concerns the external invalidity and its impact cannot be underestimated. For instance, in the famous series of experiments conducted by Milgram, as it was shown earlier, highly controversial findings were obtained. Can those results be applied to the real world-situation? The subjects under investigation were American men which hold specific positions and were of a certain age. Are the findings true for women? And what about people coming from other countries? Milgram’s study consisted of series of experiments using different subjects, however, many experiments were done once without replications and only in one cultural setting. This problem of making generalizations about the results received from the study presents one of the fundamental criticisms of the experiment.

Besides, the ethical dilemmas posed by experimental research in the past increases the degree of limitations for the social scientists who seek to use this type of method. According to the American Sociological As-

sociation's Code of Ethics (1999), "the process of conducting sociological research must not expose respondents to substantial risk of personal harm" [11, p. 219]. It is difficult to decide, however, what is exactly considered to be the risk for a person. Even though it appears to be clear that certain types of experiences may cause damage to subjects, it is not as obvious when it concerns the consequences of the experiment. Evidently, Milgram's or Zimbardo's studies are not allowed to be performed on subjects due to the potential harm they may cause. Those kinds of experiments are hard to replicate not only in terms of ethical considerations, but also because of the problems of financial resources.

In spite of all the limitations posed by this type of research technique, experiment has its advantages. The majority of the experiments are easy to replicate and in this way they become especially useful. When the hypothesis concerning phenomenon can be tested several times and in different settings, its validity strengthens. Experiments are very helpful when a researcher tries to find causal relations between social phenomena and in the explanatory study this technique is extremely relevant. What is more, when the experiment meets the requirements of internal validity it can prove that the stimulus (independent variable) affects the respondents' behavior. In the experiment it is even possible to see directly how behavior changes. Also, experiments require "little time and money and relatively few subjects" [3, p. 257]. The greatest value of the experiment can be seen in the possibility to investigate highly controversial issues (e.g. obedience, conformity) and not by means of self-reflective techniques when the person reports what he or she feels, does, and likes. On the contrary, the subjects are put in the circumstances where they actually perform and thus, it is possible to make conclusions on the explicit behavior of the people under investigation. Nevertheless, one must be very careful when making general statements based solely on specific types of experiments.

Thus, those who seek to use an experiment in their scientific inquiry must be aware of the obstacles in the implementation of this method. It has been in fashion for decades because of the dominance of the behavioral approach in social sciences. However, the experiments illustrated in this article showed the main limitations of this type of technique. In particular, the artificiality of the laboratory settings, problems with randomization and validity as well as ethical considerations are all listed as weaknesses of the experimental design. On the other hand, it has been emphasized throughout the paper that an experiment can be a powerful instrument for the social scientists, especially those who attempt to study human behavior. For this reason, experiment has its own advantages in comparison to other methods. Nowadays, researcher can use different measurement techniques to assess the essential aspects that characterize behavior. Thus, the choice of the technique depends on the nature of the social problem under study and the personal preferences of the investigator.

Bibliography

1. Aronson E. and Linder D. Gain and Loss of Esteem as Determinants of Interpersonal Attractiveness in Aronson, Eliot and Anthony R. Pratkanis (eds.) *Social Psychology*. Vol. 3, pp.156-171, Aldershot: Edward Elgar Publishing, 1993 [1965].
2. Asch S.E. *Social Psychology*, Oxford: Oxford University Press, 1987.
3. Babbie E. *The Practice of Social Research*. Belmont: Wadsworth Publishing, 1992.
4. Bandura A., Ross D. and Ross S. A. Imitation of Film-Mediated Aggression Models in Aronson, Eliot and Anthony R. Pratkanis (eds.) *Social Psychology*. Vol. 3, pp.152-160, Aldershot: Edward Elgar Publishing, 1993 [1963].
5. Guthrie G. M. and Lonner W. Assessment of Personality and Psychopathology in Lonner, Walter J. and John W. Berry (eds.), *Field Methods in Cross-Cultural Research*. Newbury Park; Sage Publications, 1986.
6. Hakim C. *Research Design: Strategies and Choices in the Design of Social Research*. London and New York: Routledge, 1992.
7. Haney C., Banks C. and Zimbardo P. Interpersonal Dynamics in a Simulate Prison in Aronson, Eliot and Anthony R. Pratkanis (eds.) *Social Psy-*

- chology. Vol. 3, pp.287-302, Aldershot: Edward Elgar Publishing, 1993 [1973].
8. Kelman H. C. Compliance, Identification and Internalization: Three Processes of Attitude Change in Aronson, Eliot and Anthony R. Pratkanis (eds.) Social Psychology. Vol. 3, pp.51-60, Aldershot: Edward Elgar Publishing, 1993[1958].
 9. Lonner W. J. and John W. Berry (eds.), Field Methods in Cross-Cultural Research. Newbury Park; Sage Publications, 1986.
 10. Milgram S. Obedience to Authority. New York: Pinter and Martin Ltd., 1997, [1963].
 11. Schutt, Russell K. Investigating the Social World: the Process and Practice of Research. Thousand Oaks: Pine Porge Press, 1999.
 12. Smolina T. L. Research methods for measuring stereotypes in social psychology: individual and collective approaches // Sociosphere. – № 3. – 2017. – Pp. 86–93.

© *Smolina T. L.,
Gromkiy I. S., 2019.*

УДК 321.3.11

ДЕТСКИЙ ТРУД КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА КЫРГЫЗСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Б. Курамаев

*Аспирант,
ORCID -0000-0002-4812-5895,
e-mail: sosantropo@mail.ru,
Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел
Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева,
г. Бишкек, Кыргызстан*

CHILD LABOR AS A SOCIAL PROBLEM OF THE KYRGYZSTAN'S SOCIETY

B. Kuramaev

*Graduate student,
ORCID -0000-0002-4812-5895,
e-mail: sosantropo@mail.ru,
Diplomatic Academy
Ministry of Foreign Affairs
of the Kyrgyz Republic K. Dikambaev,
Bishkek, Kyrgyz Republic*

Abstract. The article is dedicated to the problem of social security provision of the Kyrgyz Republic. The author considers the mechanisms of social security provision and threats to social security of the Kyrgyzstan's society, families and its children in difficult life situation. The need to introduce new types of social support for families, such as social contract, is emphasized. The completed analysis based on statistical data allows to conclude that the Government of Kyrgyzstan has affirmed the standards aimed to decrease poverty rates and the quantity of families living behind the poverty line. And additionally indicated, in order to consolidate social security, the priorities of the social policy of the state have been identified.

Keywords: state; society; social security; social policy; threats; family; difficult life situation, poverty.

Прошедшие политические события в Кыргызстане 2005 и 2010 годы показали, что одной из причин стали нерешенные социально-экономические проблемы кыргызстанского общества. Впоследствии политическая и экономическая ситуации существенно осложнила пути преодоления этих противоречий [6, с. 172]. Изучение социальных явлений, которые сложились в результате политических событий, позволили выявить качественные закономерности развития отдельных проблем, таких как безработица, попрошайниче-

ство, насилие по отношению к детям и женщинам, а также систему различных факторов, определяющих характер происходящих изменений в социуме. Анализ социальных явлений и ее состояния и тенденций развития дает основание констатировать, что она, во-первых, приобретает неуправляемый и угрожающий для социальной безопасности страны характер и что, во-вторых, общегосударственная система выявления количественных и качественных параметров асоциальных феноменов в Кыргызстане не адекватна сло-

жившейся ситуации, малоэффективна, требует участия гражданского общества и активистов. Так, как угрозы социальной безопасности Кыргызстана в социальной сфере не только сохраняются, но и имеют тенденцию к росту по масштабам, видам, интенсивности. Которые требуют постоянного и целенаправленного мониторинга на всех сферах общественной жизни Кыргызской Республики, а также обобщающий анализ и прогнозирование перспектив развития.

Наиболее угрожающая ситуация сложилась в эксплуатации детского труда. Для определения перспективы необходимо было целенаправленный мониторинг изучения состояния детского труда в Кыргызстане, так, как проблема детского труда остро стояла перед общественностью. Как одна из острых социальных проблем на государственном уровне была поднята на первом общенациональном форуме «Положение детей в Кыргызстане: реальность и перспективы», которая приняла резолюцию о необходимости принятия концептуальных подходов для снижения детского труда, в особенности его наихудших форм. В связи с этим 2006 году был издан Указ Президента Кыргызской Республики № 24 «О необходимых мерах по улучшению положения детей в Кыргызской Республике». Согласно данного Указа начался процесс интеграции механизмов неотложного т.е. быстрого реагирования на случаи семейного насилия, создание условий для доступа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. И основным регулятором реализации указов принятых на правительственном уровне является Министерство труда и социального развития Кыргызской Республики (МТРС), можно сказать, что именно МТРС является государственным органом, которая несет ответственность в снижении факторов социальной напряженности.

Для более эффективного решения проблем детского труда была разработана

государственная программа действий социальных партнеров по искоренению наихудших форм детского труда на 2008–2011 годы. Но, к сожалению, намеченные эффективные меры по снижению детского труда на государственном уровне не дали положительных результатов, так как социально-экономические проблемы оставались не только нерешенными, но и ухудшились, так, как увеличилось количество семей с низким доходом, росту миграции из сельских местностей в города, близкие и далее зарубежья, которые способствовали увеличению категории незащищённых семей и детей, к падению доходов в семье и других социальных проблем. По сути, данная проблема оставалась нерешенной, только после создания Правительством Кыргызской Республики 24 ноября 2012 года Национального совета по устойчивому развитию страны. Национальный совет разработал «Национальную стратегию устойчивого развития КР на период 2013–2017 годы» и утвержден Указом Президента КР 21 января 2013 года. Одним из приоритетных направлений данной стратегии было обеспечение качественными услугами и создание равных возможностей для социально незащищенных категорий граждан, в частности семьям и их детям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Сложившиеся ситуации показали о необходимости выработать политику, направленную на увеличение сети учреждений социальной помощи и социального обслуживания с учетом их специфики [1, с. 56]. С учетом специфики проблем, были утверждены стандарты:

- минимальные стандарты по уходу, воспитанию и социализации детей в учреждениях, оказывающих социальные услуги детям, оказавшимся в ТЖС (№ 691 от 09.10.2012 г.);
- минимальные стандарты по уходу и воспитанию детей в приемных семьях, оказанию помощи и поддержки при-

емным родителям (№ 670 от 01.10.2012 г.);

- государственные минимальные социальные стандарты социальных услуг, предоставляемых ЛОВЗ, в том числе детям, в полустационарных организациях и учреждениях социального обслуживания (№ 381 от 08.07.2014 г.).

Для определения количественных и качественных определяющих состояние семей и детей, находящихся в ТЖС Национальным статистическим комитетом (НСК) при поддержке Международной организации труда (МОТ) проведено Второе Национальное обследование по изучению распространенности детского труда в Кыргызской Республике. Итоги исследования показали, что в 2015 году в КР более 70 % работающих детей трудились на работах, которые представляют опасность для их здоровья. Распространение детского труда была обусловлена ростом бедности и поляризации общества, где около 70 % населения живет за чертой бедности [4, с. 6].

В рамках реализации Плана мероприятий по реализации Программы на 2015–2017 гг. разработан проект государственных минимальных социальных стандартов для полустационарных организаций, предоставляющие услуги детям и семьям, находящимся в ТЖС.

Постановление Правительства КР «Об утверждении Типового положения о Комиссии по делам детей» от 24.07.2017 г. № 449. Постановление принято в целях совершенствования работы Комиссии по делам детей (КДД). В Типовом положении расширены задачи и функции КДД по обеспечению мер по предотвращению вывоза детей в зону вооруженных конфликтов или военных действий на территории иностранных государств, также дополнены функции по проведению работ по защите прав выпускников детских учреждений интернатного типа и по постинтернатному сопровождению выпускников.

По состоянию на 01.01.2017 г. число детей, находящихся в детских учреждениях интернатного типа (ДУИТ) составило 6983 чел. Анализ показал, что по сравнению с 2015 г., она увеличилась на 801 чел. или 12,9 %. По итогам 1 полугодия 2017 г. число детей, находящихся в ДУИТ составило 6674 чел., что на 309 чел. (4,5 %) ниже чем, в начале года [5]. В большинстве случаев, дети попадают в ДУИТ из-за тяжелого материального положения, трудовой миграции, уклонения родителями исполнения родительских обязанностей.

В целях обеспечения прав и интересов ребенка на воспитание в родной семье проводится целенаправленная работа по реинтеграции (возврат) детей, находящихся в ДУИТ в родные семьи. За период 2014–2017 гг. из ДУИТ в родные семьи возвращены 742 детей, не менее 80 % детей [4], оставшихся без попечения родителей, охвачены семейными формами устройства.

В 2015 г. выявлено 1706 детей, оставшихся без попечения родителей, из них охвачены семейными формами устройства 1981 детей (116,1 %), в том числе переданы под опеку – 952 чел., в семьи – 1012 чел., в приемные семьи – 17 чел. [6].

В 2016 г. выявлено 1558 детей, оставшихся без попечения родителей, из них охвачены семейными формами устройства 1954 детей (125,4 %), в том числе переданы под опеку – 925 чел., в семьи – 1000 чел., в приемные семьи – 29 чел. [6].

За первое полугодие 2017 г. выявлено 531 детей, оставшихся без попечения родителей, из них охвачены семейными формами устройства 821 детей (154,6 %), в том числе переданы под опеку – 423 чел., в семьи – 388 чел., в приемные семьи – 10 чел. [6].

В целом за период 2015–2017 гг. отмечается положительная динамика по данному показателю, что связано с активной работой по устройству детей, оставшихся без попечения в семьи.

Положительная динамика была достигнута благодаря новому виду социальной поддержки семей, получающих ЕПМС как социальный контракт. Для Кыргызстана социальный контракт направлена на активизацию трудового потенциала многодетной семьи, когда по желанию малообеспеченная семья заключает соглашение о взаимных обязательствах с территориальными органами МТСП и получает годовую или 75 % от годовой суммы пособия для развития самозанятости. Полученные денежные средства могут быть вложены в развитие животноводческой, растениеводческой или мелкой предпринимательской деятельности. Для оказания поддержки малообеспеченным домохозяйствам с низким статусом продовольственной безопасности МТСП совместно с ВПП ООН реализуется масштабный проект «Продукты в обмен на труд». По состоянию на 01.01.2017 г. по 27 районам (94 сельских местностей) реализовано 916 проектов, в рамках которого обеспечены продуктовой помощью в виде муки и растительного масла 215,2 тыс. чел. (или 36,8 тыс. малообеспеченных семей). Продукты (в виде муки и растительного масла) выдавались малоимущим семьям за выполнение определенного объема работы (строительство дорог, каналов, систем питьевой воды, ремонт социальных объектов и т.д.). Принятое постановление Правительства КР «О пилотном проекте по предоставлению ежемесячных пособий малообеспеченным семьям, имеющим детей, на основе социального контракта», была одним из механизмов дополнительных мер социальной защиты (обеспечение продуктами питания), направленных на смягчение бедности. В данный момент Правительством Кыргызской Республики прорабатывается вопрос о продлении данного проекта до 2022 года.

Необходимо отметить, о том, что в соответствии с Положением об аккредитации субъектов, оказывающих услуги де-

тям, находящимся в ТЖС (постановление Правительства КР от 23.03.2015 г. № 140) аккредитации подлежат НКО независимо от форм собственности, оказывающие услуги детям, находящимся в ТЖС, и предназначенные для круглосуточного пребывания детей (детские учреждения интернатного типа, приюты, детские дома, пансионаты и религиозные учреждения). Распоряжением МТСП от 14.06.2016 г. № 67 образованы 7 экспертных групп для проведения оценки НКО, оказывающих услуги детям, находящимся в ТЖС.

На начало 2018 года в Кыргызстане аккредитованы 13 НКО, которые работают под эгидой международных фондов как «Ага-хан», «Сорос-Кыргызстан», Швеции и др., наиболее известные в нашей стране ОО «Центр защиты детей», ОФ «SOS детская деревня Кыргызстана», кризисные центры «Детства», «Материнства и Детства», «Аль-Фауз» и др.

Таким образом, Правительство Кыргызской Республики принимает все меры, направленные на обеспечение достойного уровня жизни каждому ребенку.

Библиографический список

1. Иманалиев Н. Факторы государственного регулирования экономики. – Б., 2009. – С. 43.
2. Национальный статистический комитет 2010–2015 (НСК). – Бишкек, 2015. – 154 с.
3. Салморбекова Р. Б., Рустамова Д. А. Проблемы подростков с девиантным поведением в 12–16 лет // Научные исследования: от теории к практике. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 3 (9). – С. 159–162.
4. Текущий архив Министерство труда и социального развития: социальная статистика 2014–2017 гг. – Бишкек, 2017.
5. Уровень жизни населения Кыргызской Республики 2009–2014 / Национальный статистический комитет КР. – Бишкек, 2015. – 166 с.
6. Чухин С. Г. Цветные революции в контексте социокультурной аномии: симптоматика девиаций в социализации современного гражданина // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 8. – С. 172.

Bibliograficheskiy spisok

1. Imanaliev N. Faktory` gosudarstvennogo regulirovaniya e`konomiki. – B., 2009. – S. 43.
2. Nacional`ny`j statisticheskij komitet 2010–2015 (NSK). – Bishkek, 2015. – 154 s.
3. Salmorbekova R. B., Rustamova D. A. Problemy` podrostkov c deviantny`m povedeniem v 12–16 let // Nauchny`e issledovaniya: ot teorii k praktike. – Cheboksary` : CzNS «Interaktiv plus», 2016. – № 3 (9). – S. 159–162.
4. Tekushhiy arxiv Ministerstvo truda i social`nogo razvitiya: social`naya statistika 2014–2017 gg. – Bishkek, 2017.
5. Uroven` zhizni naseleniya Ky`rgy`zskoj Respubliki 2009–2014 / Nacional`ny`j statisticheskij komitet KR. – Bishkek, 2015. – 166 s.
6. Chuxin S. G. Czvetny`e revolyucii v kontekste sociokul`turnoj anomii: simptomatika deviacij v socializacii sovremennogo grazhdanina // Sovremenny`e issledovaniya social`ny`x problem. – 2015. – № 8. – S. 172.

© *Kyramaev B., 2019.*

УДК 311.3. (37)

ФАКТОРЫ СНИЖАЮЩИЕ СОЦИАЛЬНУЮ НАПРЯЖЕННОСТЬ

Б. Курамаев

*Аспирант,
ORCID -0000-0002-4812-5895,
e-mail: sosantro@mail.ru,
Дипломатическая академия
Министерство иностранных дел
Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева,
г. Бишкек, Кыргызстан*

FACTORS THAT REDUCE SOCIAL TENSIONS

B. Kuramaev

*Graduate student,
ORCID -0000-0002-4812-5895,
e-mail: sosantro@mail.ru,
Diplomatic Academy
Ministry of Foreign Affairs
of the Kyrgyz Republic K. Dikambaev,
Bishkek, Kyrgyz Republic*

Abstract. The following article considers the factors that affect social tensions which, on their part, threaten social security provision. Based on the analysis of social policy guided by the principles of the provision of qualitative services and creation of equal opportunities for socially insecure categories of citizens, the author emphasizes that one of the main priorities have been the social protection of children and families in difficult life situation, as well as people with disabilities and senior citizens.

Keywords: state; society; social security; threats; citizen; social protection; children; families; senior citizens.

С приобретением независимого, демократического пути развития Кыргызстан оказался в зоне преобразования общественного, государственного переустройства, формированию социально-экономических, культурно-исторических отношений, которые повлекли за собой переоценки интересов личности, общества с учетом новых возможностей и реальностей. При этом, если смылосодержащими основами интересов личности являются соблюдение его конституционных прав и свобод, обеспечении личной безопасности граждан, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина, то общества в создании правового государства, в достижении и поддержании общественного согласия, в духовно-нравственном обновлении каждого

гражданина государства, Кыргызская Республика не исключение. В соответствии с Конституцией Кыргызской Республики, одним из высших ценностей признается право человека на социальную защиту, направленную на утверждение в обществе социального равноправия.

Правительство Кыргызской Республики начала проводит политику, которая придерживается принципов как: ценность семьи; адресность, адекватность и достаточность мер социальной защиты, отвечающих минимальным потребностям получателей; прозрачность; гарантированность и доступность; комплексность социальных услуг и возможность их выбора; обеспечение равных возможностей и доступа к социальным услугам и благам всех лиц независимо от социального, имущественного, возрастного, этнического, полового и других статусов. Поэтому,

основной целью проводимой политики в сфере социальной защиты населения является обеспечение качественными услугами и создание равных возможностей для социально незащищенных категорий граждан. В целом, этот комплекс принципов направлен на обеспечение социальной безопасности кыргызстанского общества в целом.

Социальная безопасность сложное понятие из-за его многогранности, многоуровности. При определении социальной безопасности мы разделяем мнение российского политолога, профессора И. Сафранчук, который отметил, что «любая попытка дать четкое определение понятия «безопасность» заранее обречена на неудачу и не имеет никакого практического значения, так как невозможно предвидеть и учесть все элементы, структуры или процессы, гарантирующие безопасность во всех возможных ситуациях» [2, 12]. При этом, «построение жизнеспособной системы безопасности страны возможно лишь при условии правильного определения проблемных зон ее развития и последующего или же сведения к минимуму их негативного влияния» [3, с. 105].

В целях обеспечения безопасности во всех его сферах, как по предметным областям, по субъекту/объекту Правительством Кыргызской Республики от 24 ноября 2012 года создан Национальный совет по устойчивому развитию. Разработана и утверждена Указом Президента КР от 21 января 2013 года Национальная стратегия устойчивого развития КР на период 2013–2017 годы. Основной целью Программы является обеспечение качественными услугами и создание равных возможностей для социально незащищенных категорий граждан. Поскольку сегодняшний день соотносится с цивилизационной спецификой нашего государства и условиям продолжающейся трансформацией общества, стихийно формирующего рыночные отношения, с социальными спецификами несоответ-

ствующей историко-культурной традиции. В истории кыргызов культурным традициям были чужды такие социальные феномены когда пожилые и престарелые оказывались в домах престарелых, каждый пятый гражданин оказался на грани бедности, появились лица без определенного места жительства, не говоря уже о безработных, просящих и попрошайничающих, миграционные процесс сопутствовали усилению детского насилия во всех его типах и т.д. К сожалению 68 % населения жили в условиях чрезвычайно высокой степени их уязвимости, высокой степени незащищенности не только экономически, но и социальной [4, с. 23]. Эти ситуации как вызов создавали угрозу не только социальной безопасности, но и государственной. Поэтому, на основе Национальной стратегии была разработана Программа Правительства Кыргызстана по поэтапному переходу Кыргызской Республики к устойчивому развитию на 2013–2017 гг., в дальнейшем до 2020 года, а в будущем до 2035 года.

Согласно Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики, разработана Программа развития социальной защиты населения КР на 2015–2017 годы, которая был утвержден постановлением Правительства КР от 27.02.2015 г. № 85. Основной целью программы является обеспечение качественными услугами и создание равных возможностей для социально незащищенных категорий граждан.

С учетом устойчивого развития, предусматривающее равное внимание к его экономической, социальной составляющим разработан и утвержден план мероприятий по реализации данной программы, который состоит из 4 разделов, 22 задач, 50 мероприятий, а также предусмотрено 96 действий. Комплексно утвержденный план должен был реализована по основными приоритетными направлениями:

Во-первых: социальная защита детей и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, основной причиной считается проблема бедности, социальное неравенство и поляризация в доходах и уровне жизни населения. По официальным данным доля населения, имеющая доходы ниже прожиточного минимума составляет в настоящее время около 13 % [5]. Сохраняется значительное расслоение населения по уровню доходов: децильный коэффициент, отражающий разницу в уровне доходов 10 % наиболее богатых и 10 % наименее социально защищенных граждан, составляет 16,2 %.

Во-вторых: социальная защита лиц с ограниченными возможностями здоровья;

В третьих: социальная защита пожилых граждан.

И только осознав это общее начало необходимо было выработать [3, с. 165] нормативно-правовые основы, в совокупности которые были бы направлены на снижение социальной напряженности, как Закон КР «Об основах социального обслуживания населения в Кыргызской Республике» от 05.07.2017 г. № 118, Закон КР «О государственном пенсионном социальном страховании» и «О минимальной заработной плате в Кыргызской Республике» от 06.05.2017 г. № 76. Согласно этим законом государственными структурами обеспечивающие социальную безопасность принимаются меры по ежегодной индексации страховой части пенсии, с учетом уровня инфляции и динамики среднемесячной заработной платы. При раскладе этой индексации в наиболее плачевном состоянии находятся пенсионеры, хочется отметить, что в Кыргызстане прожиточный минимум составляет 1201 сомов, (1249 руб.) [5], тогда как средняя пенсия составляет 2201 сом. Согласно статистическим данным Министерства Труда и социального развития КР в период 2015-2016 гг. доля пенсионеров, получающих пенсии ниже уровня ПМП сократилась с 52,0% (312,1 тыс. чел.) до 42,0 %

(260,5 тыс. чел.). По итогам 2017 г. (прогноз) доля пенсионеров, получающих пенсии ниже уровня ПМП будет снижена до 38,0 % (при ожидаемом размере ПМП 4453,3 сом). В свою очередь, доля пенсионеров, получающих пенсии ниже уровня прожиточного минимума пенсионера, сокращена до 57,6 % к 2018 году [5]. МТСП на постоянной основе проводится работа по сокращению количества пенсионеров, получающих пенсии ниже уровня ПМП путем оказания социальной помощи с учетом размеров пенсий.

В целях определения потребностей пожилых граждан в различных видах социальных услуг на местном уровне проведено исследование в пилотных регионах республики. Исследование проведено Центром социокультурного образования и исследования «Билим-Бакча», в рамках госсоцзаказа. Определение потребности пожилых граждан в социальных услугах на местном уровне.

В 2016 г. проведена Международная Конференция на тему: «Совершенствование национальных политик по вопросам старения в странах СНГ и Грузии: Опыт партнеров сети AgeNet и перспективы взаимодействия». Рассмотренные, в ходе конференции, вопросы охватили все сферы жизнедеятельности пожилого человека и их роли в развитии общества, проблемам здоровья и благосостояния в пожилом возрасте, а также на окружение, поддерживающее социально-культурно-экономическое состояние человека в этом возрасте. По итогам Конференции участники разработали 35 рекомендаций для внесения в разрабатываемую Комплексную программу по повышению качества жизни пожилых граждан Кыргызстана. Можно отметить, что комплексно эти приоритеты были определены на Мадридском Международном Плане Действия (ММПД) по вопросам старения.

Необходимо также отметить, о том, что беспокойство вызывают угрозы социального аспекта, где глубокое рас-

слоение общества на узкий круг богатых преобладающую массу малообеспеченных граждан, увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности, в тяжелой жизненной ситуации. Поэтому, в “Концепции национальной безопасности КР” принятой в 2012 году, отмечена, что для смягчения социальной дифференциации общества по уровню жизни населения, необходимо повышение эффективности механизмов социальной защиты, преодоление имущественной дифференциации населения, эффективности квалифицированной медико-санитарной помощи для обеспечения безопасности жизни людей и защиты их здоровья [1] как на уровне ведомственных органов, так и местных представительств власти.

Согласно указанной Концепции основными индикаторами состояния социальной безопасности являются:

- индекс развития человеческого потенциала (уровень жизни населения по регионам);
- уровень безработицы (доля от экономически активного населения);
- децильный коэффициент (соотношение доходов 20 % наименее обеспеченного населения).

В целях укрепления института семьи, поддержки семьи и защиты детей, межведомственной рабочей группой, разработан проект Комплексной программы по поддержке семьи и защиты детей на 2017–2027 гг. от 18.04.2016 г. № 138. Закон КР «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики «Об основах социального обслуживания населения в Кыргызской Республике» от 05.07.2017 г. № 118. В рамках этих документов стали применяться меры по усилению механизмов своевременного выявления и сопровождения семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, пожилых, детей с последующими мерами для оказания социальной помощи. Также, указанными документами предусмотрено введение механизмов аккредитации полустацио-

нарных организаций и учреждений социального обслуживания, так как с каждым годом наблюдается количественный рост этих учреждений, которые открываются благодаря финансовой поддержке неправительственными организациями и международными фондами.

В целом социальная политика направлена на обеспечение социальной безопасности, смыслообразующим началом которого является социальная защита, основополагающей социальное обеспечение.

Библиографический список

1. Концепция национальной безопасности КР. 01.06. 2012 г. – Бишкек, 2012.
2. Закон КР «О национальной безопасности» от 26.02.2003 г. № 44.
3. Сафранчук И. А. Введение в теоретические основы безопасности. // Безопасность Кыргызстана: проблемы и перспективы – Бишкек, 2015. – 220 с.
4. Омаров Н. М. Гуманитарные аспекты безопасности Кыргызской Республики в XXI веке: вызовы и ответы. – Б., 2001. – 126 с.
5. Стаховский Н. Коммуникативные аспекты культурных связей. – М., 2009. – 165 с.
6. Министерство Труда и социального развития КР. Статистические данные 2015–2017 гг. – Б., 2017. – 132 с.
7. Салморбекова Р.Б. Социальная напряженность в период трансформация кыргызского общества // Известия вузов Кыргызстана. – 2016, № 6. – С. 164–166.
8. Салморбекова Р. Б. Антропосоциетальная трансформация кыргызского общества: автореф. дис. на соиск. учен. степ. док. соц. наук (22.00.04). – Бишкек, 2012. – 46 с.

Bibliografichesij spisok

1. Konceptsiya nacional`noj bezopasnosti KR. 01.06. 2012 g. – Bishkek, 2012.
2. Zakon KR «O nacional`noj bezopasnosti» ot 26.02.2003 g. № 44.
3. Safranchuk I. A. Vvedenie v teoreticheskie osnovy` bezopasnosti. // Bezopasnost` Ky`rgy`zstana: problemy` i perspektivy` – Bishkek, 2015. – 220 s.
4. Omarov N. M. Gumanitarny`e aspekty` bezopasnosti Ky`rgy`zskoj Respubliki v XXI veke: vy`zovy` i otvety`. – B., 2001. – 126 s.
5. Staxovskij N. Kommukativny`e aspekty` kul`turny`x svyazej. – M., 2009. – 165 s.

6. Ministerstvo Truda i social'nogo razvitiya KR. Statisticheskie dannye 2015–2017 gg. – B., 2017. – 132 s.
7. Salmorbekova R.B. Social'naya napryazhennost' v period transformaciya ky'rgy'zskogo obshhestva // Izvestiya vuzov Ky'rgy'zstana. – 2016, № 6. – S. 164–166.
8. Salmorbekova R. B. Antroposocietal'naya transformaciya ky'rgy'zskogo obshhestva: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. dok. soch. nauk (22.00.04). – Bishkek, 2012. – 46 s.

© Курамаев Б., 2019.

УДК 324

**О РОЛИ И ВЛИЯНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
НА ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА****М. Ш. Усманов**

*Старший научный исследователь,
ORCID 0000-0002-1700-1355,
e-mail: furam@list.ru,
Национальный университет Узбекистана
им. М. Улугбека,
г. Ташкент, Узбекистан*

**ON THE ROLE AND INFLUENCE OF RELIGIOUS VALUES
ON THE PROCESSES OF CIVIL SOCIETY FORMATION****M. Sh. Usmanov**

*Senior Researcher,
ORCID 0000-0002-1700-1355,
e-mail: furam@list.ru,
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. Civil society has many dimensions, among which the cultural and humanitarian (in particular, in the terminology of individual Western researchers – the «religious and national dimension») stands out. In this regard, one of the urgent tasks of studying civil society is to find answers to the questions: what is the role and influence of the mentality, traditions and culture of the population in the formation of civil society; how «civilizational, religious values» are affected in the processes of democratization, relations between the people and state power, etc. It shows the compatibility of universally recognized values of democracy, such as democracy, the rule of law, etc., with the values of Islam.

Keywords: civil society; cultural and religious values; Islam; Islam and democracy; justice.

Гражданское общество имеет много измерений, среди которых особо выделяется культурно-гуманитарное (в частности, по терминологии отдельных западных исследователей – «религиозное и национальное измерение»). В этой связи, одним из актуальных задач изучения гражданского общества остается нахождение ответов на вопросы: какова роль и влияние менталитета, традиций и культуры населения в формировании гражданского общества; как сказываются «цивилизационные, религиозные ценности» в процессах демократизации, взаимоотношениях между народом и государственной властью и т. д.

По мнению многих аналитиков, в частности согласно Р. Инглхарт и К. Вельцелю, ценностная ориентация общества играет ключевую роль в возникнове-

нии и развитии демократических институтов. При этом утверждение демократии во многом зависит от глубоко укоренившихся ценностных ориентаций народа. По их мнению, «человеческое развитие способствует укреплению гражданского общества, политических свобод, качественного государственного управления, а значит, увеличивает и вероятность утверждения демократии в тех странах, где ее еще не существует, и придает ей большую «отзывчивость» по отношению к интересам людей там, где демократическая система уже действует» [1, с. 118].

В данном контексте представляется целесообразным указать на ряд принципиальных моментов, связанных с определением понятий «цивилизация», «культурные и религиозные ценности» и т. д. Следует особо отметить, что исследовате-

ли с давних времен пытались объяснить понятие «цивилизация» и «культура», их взаимную связь. Создавались типы, концепции и теории, посвященные проблемам цивилизации и культуры. Однако однозначной трактовки этих терминов до сих пор нет в современной науке.

В целом, следует подчеркнуть, что современный цивилизационный подход, основываясь на идеях «культурного плюрализма» и необходимости отказа от всякой иерархии культур, вносит целый ряд уточнений в данную концепцию, последовательно отходит от определения в основном двух цивилизационных типов – Восточный и Западный. Это связано с тем, что, если европейский мир в цивилизационном отношении представляет собой относительно единство, то на Востоке существует несколько религиозно-культурных цивилизационных регионов – исламская, индо-буддистская и конфуцианская. Причем, несмотря на существенные различия между этими всеми регионами в политическом устройстве и ценностных ориентациях людей, имеется ряд сходств этих типов¹.

Хотелось бы кратко остановиться на вопросе «совместимости Ислама и демократии», которую отвергают как некоторые западные аналитики, так и отдельные течения внутри самой исламской религии². В частности, бывший Госсекретарь США М. Олбрайт считала, что влияние на политику возрождающегося религиозного чувства будет продолжаться, и отмечала необходимость демократизации всего мусульманского мира [6]. При этом и Западные страны, и Россия, и Китай «при всей избирательности подхода к каждой отдельно взятой мусульманской стране обязательно учитывают ее принадлежность к исламскому сообществу». Это связано с «присущим исламу политизированностью; обязательным членством каждой из таких стран в транснациональных мусульманских институтах; соблюдением на государственном и общественном

уровнях исламской солидарности» и т. д. [2, с. 9].

В данном контексте следует подчеркнуть, что, концепции либерализма и демократического участия населения в делах государства и общества присутствовали уже в средневековом исламском мире. В частности, Аль-Фараби, обсуждая особенности «добродетельного города», подчеркивал, что «во главе добродетельного города не может стоять любой, какой случится, человек, так как управление зависит от двух вещей: во-первых, от того, чтобы человек по своей природе был готов к управлению, во-вторых, от положения и способностей, имеющих своим источником волю» [3, с. 311–312].

По его мнению, подобным человеком может стать только тот, кто соединит в себе двенадцать врожденных природных качеств: быть здоровым; обладать аналитическим мышлением; уметь излагать с полной ясностью все то, что он задумает; иметь любовь к обучению и познанию; быть воздержанным в еде, употреблении напитков и совокуплении; любить правду и ее поборников; обладать гордой душой и дорожить честью; любить от природы справедливость и ее поборников, быть справедливым по отношению к своим людям и к чужим, побуждать к справедливости и т. д.

Говоря современным языком, Аль-Фараби рассматривал в качестве важнейших задач обеспечения благополучия жителей добродетельного города (или идеального государства), реализацию принципов верховенства закона, народовластия, справедливости, стремления к знаниям, здорового образа жизни и т. д. Это, как видим, являются неотъемлемыми свойствами и необходимыми условиями гражданского общества и правового государства в современном их понимании.

Тысячу лет спустя, Мухаммед Икбал утверждал, что ранний исламский Халифат был совместим с демократией. Он приветствовал формирование всенародно

избранных законодательных собраний в мусульманском мире как «возвращение к первоначальной чистоте Ислама» и утверждал, что у раннего Ислама были задатки экономической и демократической организации общества.

По мнению Ахмада Моуссалли концепции в Коране указывают на некоторую форму демократии: шура (консультация, выборы лидеров, чтобы представлять народ и управлять от имени народа), иджма (согласие), аль-херрийя (свобода), аль-хуккук-шарийя (законные права). Он считал, что шура – это доктрина, которая предполагает участие народа в управлении делами его правительства³. Правовед Л. Али Хан, критически анализируя либеральную демократию и атеизм, теорию «универсальной демократии», представляет концепцию «слияния государства», в котором религия и государство соединены, утверждает, что Ислам полностью совместим с демократией [7].

В данном контексте отметим, что Ислам – это объединяющая религия, основанная на вере в единого Бога и признающая все существовавшие до него религии единобожья. Он признает всех пророков и священные книги, ниспосланные пророкам в разные исторические эпохи. Ислам не только принимает их, но рассматривает веру в них как необходимое условие для любого мусульманина. Делая это, он признает единство всех религий. Мусульманин одновременно является истинным последователем Авраама, Моисея, Давида, Иисуса и всех других пророков. Все это объясняет, почему и христиане, и евреи на протяжении истории сохраняли свои религиозные права, несмотря на то, что у власти находилось последователи Ислама.

Таким образом, по нашему мнению, основа и дух демократии не противоречат принципам Ислама. Ислам поддерживает фундаментальные демократические принципы: сила заключается в истине; справедливость и закон – жизненно необходимые вещи; свобода вероисповедания и

права на жизнь, индивидуальная ответственность, а также здоровье не могут быть нарушены; гарантия тайны и неприкосновенности личной жизни; презумпция невиновности; совещательность системы исполнительной власти и др. При этом все права одинаково важны, и права человека не могут быть принесены в жертву ради интересов общества. Ислам считает, что общество состоит из сознательных индивидов, имеющих свободу выбора и несущих ответственность как за себя, так и за окружающих.

В целом можно отметить, что современная «исламская демократия» полностью соответствует и признает общепризнанные в современном мире принципы демократии. При этом сравнительное изучение конституций стран с преимущественным мусульманским населением, показывает, что в Индонезии и Малайзии накоплен значительный опыт в соединении ценностей Ислама и демократического пути развития.

Так, принятая летом 1945 года Конституция Индонезии заложила пять принципов индонезийской модели развития национальной государственности, построения общества «справедливости и процветания», предложенных Сухарто (Панча Сила): вера в единого Бога; справедливая и цивилизованная гуманность; единство страны; демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства; осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии [5].

Целью «панча силы» было обеспечение национального единства среди различных этнических групп, национальностей, религий и культуры архипелага, которую заселяют примерно 350 национальных групп. Тем не менее, первоначально были официально признаны только религии: Ислам, протестантские и католические конфессии христианства, индуизм и буддизм. Конфуцианство было признано только в 1998 году. Она не позволяет объ-

явления какой-либо религии в качестве государственной, выдвигая вместо этого идею веры в единого Бога. В разделе XI Основного закона «Религия» указывается, что «Государство основывается на вере в единого бога. Государство гарантирует каждому свободу вероисповедания и отправления религиозных обрядов в соответствии с его религиозными убеждениями» (т. е. провозглашает принципы религиозной терпимости и толерантности).

Конституция определяет, что «национальная независимость Индонезии провозглашается Конституцией государства Индонезии, являющегося республикой, в которой суверенитет принадлежит народу» и предусматривает разделение исполнительной, законодательной и судебной властей, определяет государственную систему как президентскую с парламентскими характеристиками. Т.е. Основной закон провозглашает демократию и закрепляет «религиозный плюрализм». При этом указывается, что эти идеи основаны на двух столпах Ислама: «муфакат» (консенсус) и «машварат» (консультации, прототип парламентаризма, представительной власти) [8].

В отличие от Индонезийского опыта, **Конституция Малайской Федерации провозглашает**, что «Ислам является религией Федерации; однако другие религии могут исповедоваться в мире и согласии в любой части Федерации. В любом штате, кроме штатов, где глава штата не является главой мусульманской религии в этом штате, в порядке и объеме, признаваемых и провозглашенных конституцией этого штата, а также с соблюдением настоящей Конституции все права, привилегии, prerogative и полномочия, принадлежащие ему как главе этой религии, неприкосновенны и не могут умаляться. Но в любых актах, ритуалах или церемониях, в отношении которых Совет правителей решит, что они должны распространяться на Федерацию в целом, каждый из других правителей в силу своего положения главы

мусульманской религии передает свои полномочия Янг ди-Пертуан Агонгу» [5].

В статье 8 подчеркивается, что «все лица равны перед законом и пользуются равной защитой со стороны закона», статье 11 – «каждый имеет право исповедовать свою религию». Т.е. провозглашаются принципы верховенства закона и «религиозного плюрализма».

При этом следует отметить, что согласно переписи 2010 года, 61,3 % населения Малайзии – мусульмане, 19,8 % – буддисты, 9,2 % – христиане, 6,3 % – индуисты и 1,3 % – приверженцы традиционных китайских религий, таких как конфуцианство, даосизм и др. В Малайзии поддерживается так называемый просвещенный ислам.

Так, четвертый премьер-министр Малайзии Махатхир Мухаммад, занимавший свой пост с 1981 по 2003 год, основываясь, в частности, на положениях 11 аята суры «Ар-Риад» Корана: «Поистине, Аллах не меняет положения людей, пока они сами не изменят себя», отмечал, что «ранние мусульмане были угнетены так же, как и мы в настоящее время. Но после их искренних и решительных усилий помочь самим себе в соответствии с учением Ислама, Аллах помог им разгромить своих врагов и создать великую и могучую мусульманскую цивилизацию. А что сделали мы, особенно – учитывая те ресурсы, которыми Он нас наделил?».

По его убеждению, Ислам не был ниспослан лишь для 7-го столетия нашей эры. Ислам был ниспослан на все времена. Поскольку времена изменились, то и мусульмане также должны измениться: не путем изменения религии, а путем применения ее наставлений в контексте того мира, который радикально отличается от существовавшего в 1-м веке по Хиджре. Все, что требуется – это воля к действиям. Он подчеркивает, что если человек сумеет изменить себя, Аллах поможет ему, как об этом сказано в священном Коране [4]. Он всей своей жизнью и деятельностью дока-

зал верность просвещенному исламу, изобавленному от крайностей толкования Корана и сунны.

Он взял решительный курс на развитие страны. Его знаменитое высказывание: «Если я захочу молиться, я поеду в Мекку, а если захочу знаний, то поеду в Японию» – стало основой общественного сознания малазийцев. В силу этого, наряду с обретением современных технологий, мощным экономическим ростом и достижением высокого уровня жизни, малазийское общество сумело сохранить свои религиозные традиции и культурные основы. В результате за время его руководства Малайзия из крайне отсталой аграрной страны, опиравшейся лишь на производство и экспорт сырья, превратилась в развитое индустриальное государство, в котором вклад промышленного сектора и сферы услуг в ВВП составляет 90 %. Сегодня доля промышленных товаров составляет 85 % от общего объема экспорта. А 80 % автомобилей на малазийских дорогах – местного производства.

В заключении необходимо отметить, что исследователи так и не сошлись на едином понятии «цивилизации», «демократическое, гражданское общество», «культура» и на сегодняшний день существует довольно много точек зрения относительно этих терминов. Например, определений понятия культуры существует около трехсот, также обстоит дело и с понятием «цивилизация». Каждая точка зрения, по своему, в каком-либо аспекте обсуждаемой проблемы права. Все-таки у каждого народа есть своя культура, и исследователи данного народа дают оценку цивилизации, следуя законам своей культуры.

Вместе с тем, можно утверждать о совместимости общепризнанных ценностей демократии, таких как народовластие, верховенство закона и т.д., с ценностями ислама и других религий. В этой связи следует подчеркнуть, что они различаются у каждого народа и «цивилиза-

ции» и имеют свойственные только им формы.

Примечания

¹Подробный анализ дается в трудах: Н. Н. Конрад. Запад и Восток – М., 1972; Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке – М., 1990; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992; Бобров В. В. Введение в философию : учебное пособие – М. : ИНФРА-М; Новороссийск : Сибирское соглашение, 2000 и др.

²Более подробно эти вопросы рассмотрены, в частности, в материалах Международного научно-теоретического симпозиума «Ислам и светское государство», состоявшегося 5-6 сентября 2002 года в Узбекистане // Мунавваров З. И., Шнайдер-Детерс В. Ислам и светское государство. – Т. : Международный фонд Имама ал-Бухари, 2003.

³Смотрите например электронные ресурсы: Ислам и демократия - <http://constitutions.ru/?p=5670>; Сравнительный подход к исламу и демократии – <http://mechet74.ru/lekcii-4/sravnitelnyj-podход-k-islam-u-i-demokratii> и многие др.

⁴Имеется в виду аят: «И никогда Аллах не поменяет такого (положения) с людьми, пока они не переменят его сами» (Коран, 13:11). Иными словами каждое общество само управляет своей судьбой. И в высказывании Пророка Мухаммада это еще раз подчеркивается: «Вами будут руководить согласно тому, какие вы сами». В речи премьер-министра Малайзии доктора Махатхира Мухаммада на открытии 10-й сессии исламской конференции на высшем уровне 16 октября 2003 года имеется ссылка на эти положения Корана и сунны - <http://greylib.align.ru/329/znamenitaya-rech-mahatxira-muxammada.html>

Библиографический список

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития – М. : Новое издательство, 2011. – С. 118.
2. Малашенко А. Россия и мусульманский мир // Рабочие материалы. – № 3. – 2008. – Московский Центр Карнеги. – С. 9.
3. Аль-Фраби. Трактат о взглядах добродетельного города. В книге Аль-Фараби «Философские трактаты». Издательство «Наука» АН КазССР, Алма-Ата, 1972 г., С. 311–312, 317–321.
4. Конституция Индонезии. Преамбула, Раздел XI (Религия) статья 29. Доступна на сайте: <http://artlibrary2007.narod.ru/konstitucii.html>

5. Конституция Федерации Малайзии. Доступна на сайте: <http://artlibrary2007.narod.ru/konstitucii.html>
6. Albright M. Faith and Diplomacy // The Rev. of Faith & Intern. Affairs. 2006. Vol. 4. № 2. – P. 9.
7. Ali Khan. A Theory of Universal Democracy // Wisconsin international law journal, vol. 16. – № 1, January 1997, pp. 61–113.
8. Matthias Heise. Islam meets democracy: the case of Indonesia // Journal of social democracy, 4/2013. – pp. 23–25.
3. Al'-Frabi. Traktat o vzglyadax dobrodetel'nogo goroda. V knige Al'-Farabi «Filosofskie traktaty». Izdatel'stvo «Nauka» AN KazSSR, Alma-Ata, 1972 g., S. 311–312, 317–321.
4. Konstituciya Indonezii. Preambula, Razdel XI (Religiya) stat'ya 29. Dostupna na sajte: <http://artlibrary2007.narod.ru/konstitucii.html>
5. Konstituciya Federacii Malajzii. Dostupna na sajte: <http://artlibrary2007.narod.ru/konstitucii.html>
6. Albright M. Faith and Diplomacy // The Rev. of Faith & Intern. Affairs. 2006. Vol. 4. № 2. – P. 9.
7. Ali Khan. A Theory of Universal Democracy // Wisconsin international law journal, vol. 16. – № 1, January 1997, pp. 61–113.
8. Matthias Heise. Islam meets democracy: the case of Indonesia // Journal of social democracy, 4/2013. – pp. 23–25.

Bibliograficheskij spisok

1. Inglxart R., Vel'cel' K. Modernizaciya, kul'turny'e izmeneniya i demokratiya – Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya – M. : Novoe izdatel'stvo, 2011. – S. 118.
2. Malashenko A. Rossiya i musul'manskij mir // Rabochie materialy. – № 3. – 2008. – Moskovskij Centr Karnegi. – S. 9.

© Усманов М. Ш., 2019.

УДК 316:519.2

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНАЛИЗА СООТВЕТСТВИЙ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ****Е. Е. Фомина***Кандидат технических наук, доцент,
e-mail: f-elena2008@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-1028-0750,
Тверской государственный
технический университет,
г. Тверь, Россия***THE USE OF CORRESPONDENCE ANALYSIS IN SOCIOLOGICAL RESEARCH****E. E. Fomina***Candidate of Technical Sciences, assistant professor,
e-mail: f-elena2008@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-1028-0750,
Tver State Technical University,
Tver, Russia*

Abstract. The article is devoted to the method of correspondence analysis as one of the methods for processing and interpretation of frequency tables which have large dimensionality. An example demonstrates the capabilities of the method in processing sociological information.

Keywords: correspondence analysis; frequency tables; analysis of the survey results.

Анализ соответствий – один из методов многомерной статистики, который предназначен для численного и визуального исследования таблиц сопряженности большой размерности. Он основан на статистике хи-квадрат и представляет собой аналог факторного анализа для порядковых и номинальных переменных [5, 6]. Наряду с логлинейным анализом метод является одним из основных инструментов поиска взаимосвязей в массиве категориальных переменных [5].

Анализ соответствий используется в маркетинге, экономике, медицине при исследовании частотных таблиц большой размерности [1–3]. Тем не менее он может найти применение и в социологических

исследованиях для обработки социологических данных. Задача статьи – демонстрация возможностей метода при обработке результатов анкетирования.

В качестве примера рассмотрим исследование, посвященное мониторингу финансовой активности населения. Одним из вопросов, на которые предлагалось ответить респондентам, являлся вопрос «Как бы Вы распорядитесь дополнительными денежными средствами?». Фрагмент сводной таблицы с вариантами ответов респондентов представлен на рис. 1 (в опросе приняло участие 1002 человека; опрос проводился среди жителей г. Твери и Тверской области).

Как бы Вы распорядитесь дополнительными денежными средствами?	Возрастная группа					
	18-21	22-35	36-45	46-60	61-75	76 и старше
Приобретение вещей для дома	19	98	56	91	34	6
Приобретение недвижимости	11	54	30	30	4	1
Накопление на дорогие приобретения.	19	40	14	29	4	0
Отложу «про запас»	14	62	39	101	63	10
Верну долги / кредиты	9	36	28	43	5	1
Потрачу на развлечения	14	37	18	19	3	0

Рис. 1. Сводная таблица с ответами респондентов

Используя анализ соответствий, проанализируем, какие варианты ответов наиболее характерны для той или иной возрастной группы населения. Обработка результатов проводилась в пакете «Statistica 10». В результате применения метода

получено пять сингулярных чисел, однако два измерения объясняет 91,39 % инерции, что говорит о хорошем показателе качества двумерного решения и возможности его визуализации и интерпретации (рис. 2).

Число измерен.	Общая инерция=,17106 Хи ² =273,18 сс=60 р=0,0000				
	Сингул. значения	Собств. значения	Процент Инерция	Кумулят. Процент	Хи квадрат
1	0,376294	0,141597	82,77754	82,7775	226,1309
2	0,121384	0,014734	8,61354	91,3911	23,5304
3	0,098323	0,009667	5,65157	97,0426	15,4389
4	0,064292	0,004133	2,41640	99,4590	6,6011
5	0,030419	0,000925	0,54095	100,0000	1,4778

Рис. 2. Собственные числа и инерция измерений

Двумерный график, содержащий точки, соответствующие возрастным группам и вариантам ответов на вопрос представлены на рис. 3. Исследуем зависимость между этими переменными. Рассмотрим положение возрастных категорий в пространстве вариантов ответов. Для этого проинтерпретируем оси, опираясь на

вклад, который точки вносят в их инерцию. Так как вопрос «Как бы Вы распорядитесь дополнительными денежными средствами?» содержит 12 вариантов ответов, то средний вклад каждого ответа составит $1/12=0,083$. Таким образом, с каждой осью будут связаны те варианты ответов, инерция которых больше 0,083.

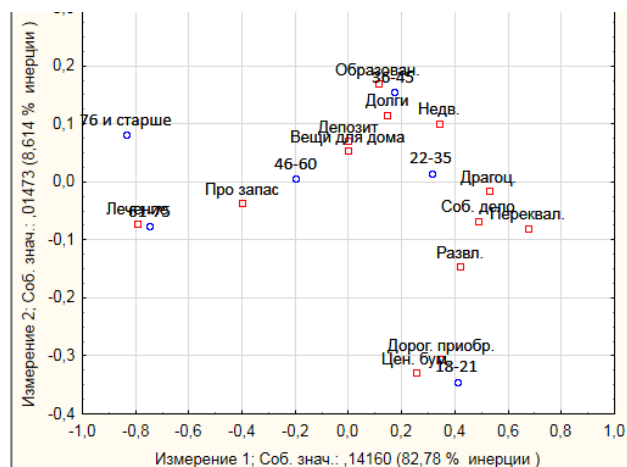

Рис. 3. Карты соответствия

С горизонтальной осью связаны такие варианты ответов как «Приобретение недвижимости» (инерция 0,085), «Вложу в собственное дело» (инерция 0,454) – точки имеют положительные координаты, и «Потрачу на лечение» (инерция 0,413), «Отложу «про запас»» (инерция 0,184) – точки имеют отрицательные координаты (рис. 4).

С вертикальной осью связаны такие варианты ответов «Верну долги / кредиты» (инерция 0,193), «Приобретение вещей для дома» (инерция 0,175), «Потрачу на образование детей» (инерция 0,085) – точки имеют положительные координаты, и «Потрачу на развлечения» (инерция 0,086), «Накопления на дорогие приобретения» (инерция 0,217) – точки имеют отрицательные координаты (рис. 4).

Проанализируем расположение возрастных категорий в пространстве ответов на вопрос анкеты (рис. 4). Возрастная категория 22–35 лет (период максимальной работоспособности, связанный с созданием семьи), наиболее тесно связана с положительной частью горизонтальной оси. Т. е. данной возрастной категории в большей степени соответствуют утверждения «Вложу в собственное дело» и «Приобретение недвижимости».

Точка, соответствующая возрастной категории 36–45 лет (большинство респондентов этой возрастной группы имеют стабильную работу, семью, воспитывают детей), расположена в первой четверти. Однако, по сравнению с точкой, соответствующей возрастной группе 22–35 лет ее координата по горизонтальной оси меньше, т. е. этой категории в меньшей степени присущи утверждения, связанные с положительным полюсом горизонтальной оси. Период 36–45 ближе всего расположен к положительному полюсу вертикальной оси, т.е. может ассоциироваться с такими вариантами ответов, как «Верну долги / кредиты», «Приобретение вещей для дома», «Потрачу на образование детей».

Точка, соответствующая возрастной категории 18–21 год (молодые люди, которые выбирают направление развития в социальном плане), расположена в четвертой четверти и имеет максимальную положительную координату по горизонтальной оси и минимальную отрицательную координату – по вертикальной оси. Т. о. данной возрастной категории наиболее соответствуют варианты ответов «Потрачу на развлечения», «Накопление на дорогие приобретения» и «Вложу в собственное дело», «Приобретение недвижимости».

Возрастные категории 76–90 и 61–75 лет (периоды, в которых проблемы со здоровьем выходят на первый план), расположены в третьей и четвертой четверти наиболее тесно связаны с утверждениями отрицательной части горизонтальной оси: «Лечение» и «Накопление про запас».

Возрастная категория 46–60 лет плохо интерпретируется в двумерном пространстве. Для объяснения положения этой точки следует перейти в пространство

большой размерности (трехмерное). При добавлении третьей оси (третьего измерения) эта точка оказывается наиболее приближена к ее положительной части, связанной с утверждениями «Накопление на дорогие приобретения», «Верну долги/кредиты».

Таким образом, получена содержательная интерпретация результатов анкетирования.

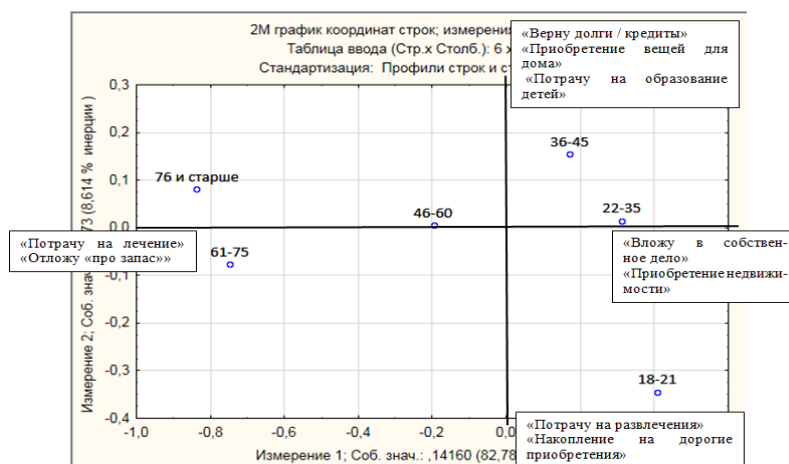

Рис. 4. Интерпретация осей

В статье рассмотрен метод анализа соответствий, позволяющий проводить содержательный анализ частотных таблиц большой размерности и визуализировать полученное решение. Продемонстрированы возможности метода при обработке результатов анкетирования.

Библиографический список

1. Клишина Ю. И. Применение анализа соответствий в обработке нечисловой информации // Социология, М., 1991. – № 2. – С. 105–119.
2. Крипак Е. М. Применение метода анализа соответствий в процессе стратегического конкурентного анализа // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 14 (175). – С. 438–441.
3. Скрипникова Н. И. Использование методов анализа соответствий в маркетинговых исследованиях // Научное сообщество студентов

- XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. IV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 4. URL: <http://sibac.info/archive/economy/4.pdf> (дата обращения: 05.01.2019).
4. Фомина Е. Е., Жиганов Н. К. Методика обработки результатов анкетирования с использованием методов многомерной и параметрической статистики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2017. – № 1. – С. 106–115.
5. Фомина Е. Е. Возможности логлинейного анализа при обработке результатов анкетирования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2018. – № 3. – С. 197–211.
6. Шафир М. А. Анализ соответствий: представление метода // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2009. – № 28. – С. 29–44.

Bibliograficheskiy spisok

1. Klishina Yu. I. Primenenie analiza sootvetstviy v obrabotke nechislovoj informacii // Sociologiya, M., 1991. – № 2. – S. 105–119.
2. Kripak E. M. Primenenie metoda analiza sootvetstviy v processe strategicheskogo konkurentnogo analiza // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 14 (175). – S. 438–441.
3. Skripnikova N. I. Ispol'zovanie metodov analiza sootvetstviy v marketingovy`x issledovaniyax // Nauchnoe soobshhestvo studentov XXI stoletiya. E`konomicheskie nauki: sb. st. po mat. IV mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. № 4. URL: <http://sibac.info/archive/economy/4.pdf> (data obrashheniya: 05.01.2019).
4. Fomina E. E., Zhiganov N. K. Metodika obrabotki rezul'tatov anketirovaniya s ispol'zovaniem metodov mnogomernoj i parametricheskoy statistiki // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politexnicheskogo universiteta. Social'no-e`konomicheskie nauki. – 2017. – № 1. – S. 106–115.
5. Fomina E. E. Vozmozhnosti loglinejnogo analiza pri obrabotke rezul'tatov anketirovaniya // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politexnicheskogo universiteta. Social'no-e`konomicheskie nauki. – 2018. – № 3. – S. 197–211.
6. Shafir M. A. Analiz sootvetstviy: predstavlenie metoda // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. – 2009. – № 28. – S. 29–44.

© Фомина Е. Е., 2019.

УДК 330.341.2

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ДОХОДУ И БОГАТСТВУ****Г. Н. Федоткина***Кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: fedotkina.45@inbox.ru,
МИРЭА – Российский технологический
университет,
г. Москва, Россия***THE CURRENT STATE OF DIFFERENTIATION
OF THE RUSSIAN SOCIETY, INCOME AND WEALTH****G. N. Fedotkina***Candidate of Economical Sciences,
assistant professor,
e-mail: fedotkina.45@inbox.ru,
MIREA – Russian University of technology,
Moscow, Russia*

Abstract. Russians differ significantly in income levels, quality of life and way of life. The article deals with the problems of economic stratification of the Russian society at the present stage of functioning of the market economy, analyzes the stratification indicators.

Keywords: stratification; stratification; quality of life; absolute poverty; relative poverty; rich – poor scale; decile income inequality; human capital.

Неотъемлемым признаком любого общества является его неравенство. Это обуславливает такое явление как «стратификация» общества или его расслоение. Термин «расслоение» означает разделение общества на различные слои населения. Это могут быть группы богатых, зажиточных, обеспеченных, бедных, очень бедных, нищих людей.

Становление и развитие современных экономических отношений сопровождается в России глубоким его расслоением. Так в последние десятилетия в российском обществе появились собственники (современная российская буржуазия) и средний класс. Они существенно отличаются уровнями доходов, качеством и образом жизни, экономическим поведением, политическими ориентациями.

Одним из важнейших факторов экономического расслоения российского общества является уровень денежных доходов населения. Именно дифференциация

денежных доходов населения входит в число наиболее острых социально-экономических проблем, которые срочно необходимо решать. Работниками «Левада-Центр» проводился опрос населения по вопросам неравенства в обществе, который показал, что рейтинг наиболее болезненных неравенств возглавляет именно неравенство людей по доходам. Его отмечают как самое болезненное для общества в целом 84 % населения, а как болезненное лично для себя 69 % населения [4]. Ни в зарубежных, ни в российских исследованиях пока нет единого подхода к тому, как должна выглядеть шкала доходов при построении модели доходной стратификации общества.

Изучение вопросов, связанных с распределением доходов в обществе, позволяет обнаружить проблемные точки в жизни населения любой страны, которые на практике требуют решения с помощью

мер социальной политики, чаще всего государственной.

Денежные доходы населения традиционно являются одним из главных показателей уровня жизни людей. Но это не единственный монетарный показатель. Альтернативой денежных доходов могут выступать расходы, как показатель характеристик потребления, а также накопленное богатство. Наиболее актуальным и перспективным является изучение именно доходов индивидуумов и домохозяйств. Такие доходы могут свидетельствовать не только о реальном уровне жизни людей и возможностях их в сфере накопления. Они раскрывают еще и возможности инвестиционного и сберегательного поведения людей в долгосрочной перспективе. В то же время расходы в большей мере говорят о выбранном образе жизни человека с учетом имеющихся у него ограничений. Накопленное богатство (финансовое и нефинансовое) способно дифференцировать только небольшую часть населения.

Расслоение общества по уровню денежных доходов является одним из самых простых подходов к анализу структуры общества в рамках такой шкалы, как «бедные – богатые». Такая шкала дает возможность получить количественные оценки наиболее благополучных и наименее благополучных в финансовом отношении слоев населения, а также проследить за их динамикой. Эта шкала помогает определить степень доходного неравенства в обществе, выявить изменения доходов различных слоев населения под влиянием экономического роста или экономической рецессии. На основании показателя денежных доходов в обществе определяются группы нуждающихся и бедных людей, которые становятся объектами всесторонней поддержки со стороны государства. Распределение по доходам является одним из важнейших оснований для социальной стратификации общества.

Статистические организации публикуют различные показатели уровня жизни

населения в нашей стране. Но пока при рассмотрении этой проблемы упор делается на вопросы бедного населения, домохозяйств, которые находятся в состоянии абсолютной бедности. Абсолютная бедность в основном определяется через прожиточный минимум – стоимость товаров и услуг, которые могут обеспечить удовлетворение базовых потребностей человека, а также обязательных платежей. Именно размер заработной платы, который граничит с уровнем прожиточного минимума, является гранью между бедностью и нищетой. Граждане, которые получают заработную плату на уровне одного – двух прожиточных минимумов, относятся к слою бедняков. Им хватает денежных средств для поддержания себя и одного члена семьи. Те граждане, которые получают зарплату меньше прожиточного минимума, относятся к слою нищих.

Абсолютная бедность в настоящее время действительно имеет угрожающие размеры в нашей стране. По данным Росстата, около 75 % наемных работников в России находятся у черты бедности. По данным ведомства к категории нищих в нашей стране можно отнести 10,7 %, 27,5 % – к категории бедных, 37 % работников живут выше черты бедности.

Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в 2017 году сократилось с 19,5 млн. до 19,3 млн. человек. Уровень бедности упал на 0,1 пункта до 13,2 % численности населения. Однако рост реальных доходов россиян резко замедлился в мае 2018 года. Тогда они увеличились всего на 0,3 % (по отношению к маю 2017 года). Реальные располагаемые доходы россиян в мае 2018 года снизились на 9,3 % в сравнении с апрелем. По данным того же ведомства, в номинальном выражении доходы населения в мае 2018 года составили 30438 руб. Это на 4 % выше, чем в мае 2017 года, но на 8 % ниже апреля 2018 года. Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата по итогам мая составила

43 815 руб., что на 9,9 % выше, чем годам раньше [3].

С другой стороны, в рамках очень ограниченного круга лиц сосредоточено огромное богатство. Так, в списке Forbes за 2018 год числятся уже больше 100 россиян с совокупным состоянием 410 млрд. долларов. Два года назад их было на три десятка меньше [1].

Анализ состава населения по характеристикам уровня жизни предоставляет возможность оценить качество общества в целом, определить способности этого общества включиться в современное развитие и двигаться по инновационному пути. Имеющееся разнообразие уровня и качества жизни в настоящее время в России опосредовано утверждением в нашей стране частной собственности.

Частный сектор экономики является наиболее привлекательным местом работы для всех граждан. Но особенно он становится привлекательным для молодого поколения людей. Наиболее приоритет-

ными становятся такие предприятия, как акционерные, предприятия смешанные с государственной собственностью, личные частные предприятия. Функционирование и развитие рыночных отношений в нашей стране продолжают создавать возможности для повышения уровня жизни не только тех, кто включен в качестве владельцев собственности, но и тех, кто является наемными работниками. Совершенствование рыночных отношений влияет и на рост доходов в государственном секторе экономики. Так, за 2011–2017 гг. среднедушевой денежный доход вырос на 47,9 %. Правда, реальные доходы выросли намного скромнее. Их падение по отношению к 2011 г. зафиксированы только в 2016 г. [3].

Одновременно с ростом доходов населения в стране сформировалось очень неблагоприятное и ухудшающееся распределение по доходным группам, углубляется дифференциация внутри каждой группы (табл.).

Таблица

Распределение общего объема денежных доходов населения, % [3]

Денежные доходы	2013	2014	2015	2016	2017
Всего	100	100	100	100	100
В том числе по группам населения:					
- первая (с наименьшими доходами)	5.9	5.2	5.2	5.3	5.3
- вторая	10.4	9.8	9.9	10.0	10.0
- третья	15.1	14.8	14.9	15.0	15.0
- четвертая	21.9	22.5	22.6	22.6	22.6
- пятая (с наибольшими доходами)	46.7	47.7	47.4	47.1	47.1

Чтобы проследить динамику соотношения разных групп населения по доходам, Росстатом была определена реперная точка отсчета в 19 тыс. руб. в месяц на человека. Численность группы населения ниже 19 тыс. руб. на человека в месяц в последнее десятилетие заметно сократи-

лась. В 2017 году она составила 40,2 %. По сравнению с 2011 годом она уменьшилась на 20,4 п.п. Очень быстро в этом составе сокращалась группа населения с доходом 7 тыс. руб. в месяц на человека. Она уменьшилась на 9,4 п.п. Медленнее сокращалась группа населения с доходом 7–

10 тыс. руб. в месяц на человека. Она уменьшилась всего на 5,5 п.п. Группа населения с доходом 10–14 тыс. руб. в месяц на человека уменьшилась на 4,2 п.п. [3].

Заметно увеличились группы населения со среднедушевым доходом более 19 тыс. руб. на человека в месяц. Если в 2009 году численность такой группы населения составляла 54,1 %, то в 2017 году – 58,8 %. Среди населения этой группы наиболее массовой является группа населения, где доход составляет 27–45 тыс. руб. в месяц на человека [3].

Опубликованные статистические данные демонстрируют процесс углубления материальной дифференциации населения в России. На фоне увеличения численности обеспеченных групп населения продолжают оставаться огромные массы людей, у которых доходы не позволяют им осуществлять базовый уровень потребления. Чтобы количественно оценить такие группы населения, наряду с показателем величины прожиточного минимума используется показатель «относительная бедность». По оценкам экспертов ОЭСР нахождение на таком уровне означает отсутствие возможности обеспечивать обычные для данного общества условия существования. Люди постоянно должны выбирать между различными своими потребностями из-за того, что ограничены их денежные ресурсы. Такие люди нуждаются в помощи со стороны государства. Часто они не могут ее получить, так как основанием для такой помощи является нахождение их за порогом абсолютной бедности. По оценкам специалистов, численность людей в России, которые имеют доход ниже черты относительной бедности (доход в месяц около 14 тыс. руб. на человека) в 2017 году была на уровне 26 %. Около половины из этого количества людей находится в состоянии абсолютной бедности [4].

В нашей стране около четверти населения не в состоянии удовлетворять свои

потребности из-за бедности. Такая часть населения не имеет достаточно ресурсов для развития своего человеческого потенциала, повышения материального статуса. У людей, которые относятся к категории «бедные люди» отсутствуют необходимые средства для развития и которые могли бы способствовать формированию и развитию человеческого капитала. Человеческий капитал вместе с социальным, культурным капиталом имеет огромное воздействие на инновационное развитие общества. Человеческий капитал формирует статус человека в социальном пространстве. Развитие страны, ее отдельных территорий во многом определяется имеющимся индивидуальным человеческим капиталом. Такой капитал накапливается за счет имеющихся семейных ресурсов, способностей самого человека, социальных условий, которые создаются обществом. Это, прежде всего, касается условий для получения образования, сохранения здоровья человека, его культурного развития.

В современной российской действительности развитие человеческого капитала определяется очень многими факторами. Среди основных можно выделить следующие:

- развитие и совершенствование рыночной экономики;
- осуществление более справедливого распределения общественного богатства;
- развитие системы социальных гарантий;
- совершенствование налоговой политики.

Развитие и совершенствование рыночных отношений в России непосредственно влияет на уровень жизни населения в стране. Условия для функционирования и развития предпринимательской деятельности в стране за последние годы почти не изменились. Это сказалось на снижении роли данного сектора экономики в получении дохода населением. Об этом говорят статистические данные. Так, в 2013 году доход от предпринимательской

деятельности составлял 8,9 %, то в 2017 году он составлял всего 7,8 % [1].

Состав населения в нашей стране по среднедушевому доходу можно представить в виде двух больших групп. Это группа людей, которая смогла достичь относительно приемлемого уровня жизни. Их доход обеспечивает социальный стандарт потребления. Доля такого населения в России составляет 74 %. И есть вторая группа населения, которая находится в состоянии относительной и абсолютной бедности. Эта группа населения постоянно ощущает на себе депривацию по важнейшим социально-экономическим потребностям. Доля такого населения в нашей стране составляет 26 % [3].

Неравенство в доходном распределении в России усиливается за счет быстрого увеличения доходов в верхних имущественных группах населения. Доходы этих групп увеличиваются за счет высокой оплаты труда. Разница между верхней и нижней 10-ти процентными группами в 2017 году составила 14,1 раза по экономике в целом. Ускорение отрыва в средних заработных платах начинается с 8-ой группы, а самая резкая разница просматривается между верхними 9-ой и 10-ой группами – 2,12 раза. У имущественных групп населения доходы увеличиваются так же за счет предпринимательской деятельности и от собственности. В 2017 году доход от собственности составил 6,5 % всех доходов населения [2].

Накопленные сбережения населения во вкладах, ценных бумагах и валюте в 2017 году составляли 9,3 % всех доходов населения. Но распределены они были очень неравномерно. На группу населения с наибольшими располагаемыми ресурсами приходится 51,7 %, а на группу населения с наименьшими располагаемыми ресурсами всего 3,5 % [4]. Приведенная дифференциация доходов населения способствует сосредоточению богатства у верхних имущественных слоев населения в нашей стране. Высокое неравенство в

доходах обуславливает интенсивный процесс накопления, который в условиях современной России не достаточно активно трансформируется в инвестиционную деятельность, в экономику собственной страны. Очень часто накопленные ресурсы вкладываются в приобретение предметов роскоши, в недвижимость и т. п.

Начиная с 2000-х годов, уровень бедности постепенно снижался, но опять начал увеличиваться после начала экономического кризиса весной 2014 года. Что же касается неравенства населения, то оно расти не прекращало. Это очень наглядно можно охарактеризовать с помощью децильного коэффициента неравенства доходов. Он означает отношение средней величины доходов 10 % наиболее состоятельной части населения к среднедушевому доходу 10 % его беднейшей части. С помощью этого коэффициента определяют размеры имущественного расслоения общества

Во многих европейских государствах, например, таких как Швеция, Дания, Норвегия децильный коэффициент с помощью государственного регулирования поддерживается на уровне 4–5. Сегодняшний показатель децильного коэффициента в России находится на уровне 15–17. Это более чем в полтора раза превышает максимально допустимые значения, которые рекомендованы ООН. Если учесть скрытые доходы, прибыль от незаконной предпринимательской деятельности, коррупционные откаты, то разница в доходах между беднейшими и богатейшими слоями населения в российском обществе вполне может достигать 40–50 раз.

Материальная дифференциация российского общества по доходу и богатству проявляется в огромной поляризации высокодоходных групп населения и низкодоходных групп. Это вызывает сейчас и будет вызывать в будущем отрицательный социально-экономический эффект. Чтобы поддерживать и развивать демократическое устройство общества, реализовывать

идеи социального государства необходимо на практике осуществлять более справедливое распределение доходов. Прежде всего, это предполагает соблюдение принципа стартовой справедливости для каждой личности. Стартовая справедливость должна определяться равенством возможностей в материальном обеспечении и образовании для нее. Это позволит создать восходящую социальную мобильность способным детям, включая детей из низко обеспеченных семей. Для этого требуется серьезное совершенствование системы образования в нашей стране в целом и на всех ее уровнях. Необходимо постоянно и существенно увеличивать финансирование системы образования, увеличивать количество бюджетных мест в вузах. Одновременно с этим необходимо развивать частный сектор экономики, более интенсивно осуществлять диверсификацию экономики. Больше внимания необходимо уделять новым, постиндустриальным отраслям экономики, находящимся на острие научно-технического прогресса. Такие отрасли в состоянии предлагать хорошо оплачиваемые рабочие места массовым слоям населения. Именно на них, прежде всего, ориентируются молодые, хорошо образованные люди.

Библиографический список

1. Аганбегян А. Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. – 2017. – № 9. – С. 66–84.
2. Капелюшников Р. Н. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. – 2017. – № 4. – С. 117–139.
3. Социальное положение и уровень жизни населения России. Российский статистический сборник. – М. : Росстат, 2017.
4. Тамбовцев В. Л. Является ли в России экономическое неравенство социальной проблемой // Общественные науки и современность. – 2018. – № 2. – С. 34–40.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aganbegyan A. G. Preodolenie bednosti i sokrasheniye neravenstva po dohodam i potrebleniyu v Rossii // E`KO. – 2017. – № 9. – S. 66–84.
2. Kapelyushnikov R. N. Neravenstvo: kak ne primitivizirovat` problemu // Voprosy` e`konomiki. – 2017. – № 4. – S. 117–139.
3. Social`noe polozheniye i uroven` zhizni naseleniya Rossii. Rossijskiy statisticheskiy sbornik. – M. : Rosstat, 2017.
4. Tambovcev V. L. Yavlyaetsya li v Rossii e`konomicheskoye neravenstvo social`noy problemoj // Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`. – 2018. – № 2. – S. 34–40.

© Федоткина Г. Н., 2019.

УДК 289

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭКСПАНСИИ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. Ю. Жуковец

*Кандидат философских наук,
e-mail: seal_@mail.ru,
Государственный морской университет
им. адмирала Ф. Ф. Ушакова,
г. Новороссийск, Россия*

И. М. Греков

*Кандидат философских наук,
e-mail: cknts@mail.ru,
Рязанский государственный университет
им. С. А. Есенина,
г. Рязань, Россия*

TOPICAL ISSUES OF STUDYING OF EXPANSION OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN MODERN RUSSIA

O. Yu. Zhukovets

*Ph.D of philosophy,
e-mail: seal_@mail.ru,
Admiral Ushakov Maritime State University,
Novorossiysk, Russia*

I. M. Grekov

*Ph.D of philosophy,
e-mail: cknts@mail.ru,
Ryazan State University named after S. A. Yesenin,
Ryazan, Russia*

Abstract. New religious movements in Russia at a boundary of 80-90 years of the XX century, actively using the institutional and financial capacity, broadened the sphere of their influence significantly, having achieved the presence in many leading areas of public life of the country. It is claimed that they succeeded to strengthen their position and to get the support from a number of public organizations thanks to various methods of creation of their own positive image and at the same time thanks to the discredit of sources of negative information about their activity.

Keywords: religion; new religious movements (NRM); sects; destructive religious organizations.

Широкое распространение новых религиозных движений (НРД) в России на рубеже 80–90 гг. XX века стало возможным вследствие мировоззренческого кризиса. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, новые религиозные движения, активно используя свой организационный и финансовый потенциал, смогли в первой половине 90-х гг. XX века максимально расширить сферу своего влияния, добившись присутствия во всех областях общественной жизни нашей страны. Благодаря использованию различных методов создания собственного положительного образа и дискредитации источников негативной

информации о своей деятельности, новые религиозные движения смогли укрепить свое положение и заручиться поддержкой со стороны ряда общественных организаций, вызвав тем самым обеспокоенность традиционных для России религиозных организаций, что представляет собой потенциальный источник социальной напряженности [2; 5; 6].

Изучению новых религиозных движений, их деятельности посвящена обширная литература, вышедшая в последние десятилетия как в России, так и за рубежом [1; 2; 8]. При этом большинство работ принадлежит западноевропейским и

американским авторам, так как в западных странах новые религиозные движения получили более широкое распространение, в то время как государственная идеология СССР и стран «социалистического лагеря» препятствовала деятельности религиозных организаций; соответственно на Западе НРД на несколько десятилетий раньше стали объектом религиоведческих и других исследований. Среди исследователей, занимающихся проблематикой НРД, есть как светские (Л. Н. Митрохин, В. Г. Балагушкин, М. З. Штерин, К. Б. Привалов, П. С. Гуревич и др.), так и конфессиональные авторы (У. Мартин, И. Огорд, Р. Я. Конь). В посвященной данным вопросам литературе рассмотрены вопросы истории, типологии, закономерности развития НРД, изучены психологические аспекты присоединения к НРД и последствия пребывания в них. Отечественными учеными в последние годы проделана значительная работа как в изучении теоретических вопросов, так и в исследовании истории и современного положения НРД в нашей стране. Но некоторые существенные проблемы, в частности, такие как методы завоевания и удержания НРД позиций в различных областях жизни нашей страны, к настоящему времени исследованы еще в недостаточной степени.

Рассматривая ситуацию, которая сложилась в нашей стране на рубеже 80–90-х гг. XX в. в связи с экспансией новых религиозных движений на территорию нашей страны, мы акцентировали внимание на том, при помощи каких методов осуществлялась эта экспансия, как эти движения стремились проникнуть в различные сферы общественной жизни, и насколько им это удалось [6, с. 60–62; 10]. Необходимо отметить: экспансия деструктивных по своей природе и по методам деятельности религиозных новообразований оказалась настолько успешной не только потому, что в нашей стране в этот период мало кто был осведомлен, с каким именно явлением пришлось неожиданно

столкнуться согражданам, и наше общество, находившееся в то время в мировоззренческом кризисе, охотно и с большим доверием принимало все, что, как казалось, имеет отношение к духовным практикам, духовности в целом [2; 4]. Трезвые голоса, предупреждавшие общество об опасности, звучали с самого начала. В очень скором времени зазвучали также и голоса людей, пострадавших от деятельности сект, и их родственников [9]. Но неорелигии принесли с собой, помимо отработанных приемов влияния на массы, не менее отработанные приемы обороны своих позиций: борьбы за общественное мнение, противодействия своим критикам, установления контактов с должностными лицами, облеченными правом принимать решения. Таким образом, мы можем заключить, что деструктивные религиозные новообразования выступают в данном случае в качестве «деструктивных вдвойне»: с одной стороны, они оказывают деструктивное влияние на общество, когда занимаются своей деятельностью, а, с другой стороны, не менее деструктивным оказывается и то «прикрытие», к которому они прибегают в случаях, когда их деятельность встречает протест.

Как известно, со второй половины 90-х гг. прошлого века ситуация в нашей стране начала постепенно меняться к лучшему: была пресечена деятельность наиболее одиозных организаций, таких, как «Аум Синрике». Некоторые сектантские организации начали «сворачивать» свою деятельность сами: потому что средства, затрачиваемые на их миссионерские усилия, не оправдывали достигнутых результатов, или в результате внутреннего кризиса в организации, или же в силу еще каких-либо причин. Так, заметно уменьшилось присутствие в России «Церкви Иисуса Христа святых последних дней» (мормонов), и, особенно, «Церкви объединения» Муна. Какие-то деструктивные организации практически прекратили свою активную деятельность, растеряв почти всех

своих практикующих адептов, как, например, печально «прославившееся» в первой половине 90-х гг. «Великое белое братство Юсмалос». Общественное мнение в последние годы довольно отрицательно относится к деятельности сект, а государственные организации избегают контактировать со скомпрометировавшими себя и в нашей стране, как и за рубежом, организациями.

На первый взгляд могло бы показаться, что ситуация нормализовалась, и вопросы экспансии НРД несколько утратили актуальность и практическую значимость. В действительности же, несмотря на утрату целым рядом сект некогда завоеванных в нашей стране позиций, ситуация с деструктивными неорелигиями в целом далеко не безоблачная. Некоторые организации не только не утратили своего влияния, но, напротив, продолжают укреплять свои позиции. Так, несмотря на ряд судебных процессов, приведших к ликвидации организаций «Свидетелей Иеговы» в Москве, Таганроге и др. городах, численность адептов этой деструктивной секты продолжает стабильно расти. Продолжается и рост численности адептов неопятидесятнических организаций, несмотря на целый ряд эксцессов, вызвавших вмешательство органов государственной власти (Одним из самым громким эпизодов было разоблачение мошеннической деятельности и судебное преследование лидера «Посольства Божьего» Сандея Аделаджи). Несмотря на внутренние неурядицы, переживаемые сейчас «Церковью саентологии», эта организация не только не завершила свою деятельность в нашей стране, но, напротив, открыла в течение последних нескольких лет новые отделения в различных городах. Нельзя сказать, что позиции таких сект, как «Свидетели Иеговы» или саентология сильно пошатнулись в результате судебных запретов на распространение целого ряда наименований их печатной продукции как экстремистской литературы.

Секты в целом не склонны так легко отказываться от завоеванных ими позиций, если только их руководство не приходит к выводу, что затраченные усилия не окупаются результатом. К сожалению, получилось так, что в силу целого ряда обстоятельств многие секты завоевали прочные позиции в начале 90-х гг., и сейчас довольно сложно добиваться того, чтобы эти позиции были ими оставлены. И, как мы считаем, главная позиция, завоеванная деструктивными сектами – это их легализация, то есть регистрация в качестве религиозных организаций, со всеми вытекающими отсюда преференциями (и с возможностью демагогически обвинять в «религиозной нетерпимости» своих противников). Например, «Церковь саентологии», не признаваемая в качестве религии во многих странах, зарегистрирована в качестве таковой в России, и предпринятые не столь давно попытки лишь её этого статуса не увенчались успехом: саентологи подали жалобу в Страсбургский суд, который, руководствуясь формальными признаками, вынес решение в пользу саентологов, обязав Россию сохранить за этой организацией статус религиозной. Закрытие судом двух местных отделений «Свидетелей Иеговы», при сохранении за этой организацией в целом статуса централизованной религиозной организации, также вряд ли может означать серьезную утрату позиций этой сектой, на совести которой множество смертей из-за отказа адептов от медицинской помощи, в частности, переливания крови.

Следовательно, ни методы экспансии, ни методы защиты результатов экспансии, используемые сектами, не могут сейчас рассматриваться как нечто, представляющее более исторический, чем конкретно-практический интерес. Для того чтобы адекватно оценивать сложившуюся в нашей стране в настоящий момент ситуацию, и выстраивать обоснованные прогнозы на будущее, необходимо, в первую очередь, ясно представлять себе, как эта

ситуация возникла [11]. Мы надеемся, что обсуждение ряда существенных и актуальных проблем, связанных с положением религиозных новообразований в современной России, продолжатся в ракурсе междисциплинарного подхода. Ситуация меняется довольно быстро, так как новые религиозные движения – образования крайне подвижны и динамичны, и поэтому представляет несомненный интерес изучение современной стратегии НРД, используемой ими для проникновения в учебные заведения, государственные учреждения, а также для привлечения неопитов в ситуации, когда общественное мнение настроено в большинстве негативно [5, с. 138; 7; 9]. В этой связи, в частности, заставляет обратить на себя внимание тот факт, что в последние годы все большее число неорелигиозных, оккультных групп предпочитают регистрироваться не в качестве религиозных, а в качестве общественных объединений – например, просветительских обществ. Не может не привлечь внимания и рост «фронтальных» организаций, то есть таких, которые действуют под контролем какого-либо нового религиозного движения, но формально не относятся к нему.

Библиографический список

1. Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий (исток, сущность, влияние на молодёжь Запада). – М., 1984.
2. Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб., 1998.
3. Ворожко Ю. Н., Несмеянов Е. Е., Руденко А. М. Философия самореализации личности в современной культуре. – Новочеркасск, 2015.
4. Джиоева Д. А., Камалова О. Н. Значение сенсорных технологий в жизнедеятельности человека // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 1. – С. 136–143.
5. Жуковец О. Ю. Методы и приемы манипуляции общественным мнением, используемые организациями сектантского типа // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 5. – С. 133–147.

6. Жуковец О. Ю. Распространение новых религиозных движений в России в конце XX в // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 3 (64). – С. 58–62.
7. Камалова О. Н., Жолобова И. К. Основные тенденции и инновации в системе отечественного образования // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 1. – С. 38–48.
8. Конь Р. М. Введение в сектоведение. – Н. Новгород, 2008.
9. Осипов А. И. Тоталитарные секты. Технология обмана. – Минск, 2011.
10. Тен Ю. П., Греков И. М. Влияние этнокультурных и религиозных факторов на формирование комплекса маркетинга // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 790–794.
11. Фаликов Б. З. НРД: проблемы религиозного статуса (на примере саентологии) // Религия и право: информационно-аналитический журнал. – 2001. – № 2.

Bibliograficheskiy spisok

1. Balagushkin E. G. Kritika sovremenny`x netradicionny`x religij (istoki, sushhnost`, vliyaniye na molodyozh` Zapada). – M., 1984.
2. Barker A. Novy`e religiozny`e dvizheniya. – SPb., 1998.
3. Vorozhko Yu. N., Nesmeyanov E. E., Rudenko A. M. Filosofiya samorealizatsii lichnosti v sovremennoj kul`ture. – Novocherkassk, 2015.
4. Dzhioeva D. A., Kamalova O. N. Znachenie sensorny`x texnologij v zhiznedeyatel`nosti cheloveka // E`konomicheskie i gumanitarny`e issledovaniya regionov. – 2011. – № 1. – S. 136–143.
5. Zhukovecz O. Yu. Metody` i priemy` manipulatsii obshhestvenny`m mneniem, ispol`zuemy`e organizatsiyami sektantskogo tipa // Gumanitarny`e i social`ny`e nauki. – 2013. – № 5. – S. 133–147.
6. Zhukovecz O. Yu. Rasprostraneniye novy`x religiozny`x dvizhenij v Rossii v konce XX v // Gumanitarny`e i social`noe`konomicheskie nauki. – 2012. – № 3 (64). – S. 58–62.
7. Kamalova O. N., Zholobova I. K. Osnovny`e tendentsii i innovatsii v sisteme otechestvennogo obrazovaniya // Gumanitarny`e i social`ny`e nauki. – 2016. – № 1. – S. 38–48.
8. Kon` R. M. Vvedeniye v sektovedeniye. – N. Novgorod, 2008.
9. Osipov A. I. Totalitarny`e sekty`. Texnologiya obmana. – Minsk, 2011.

10. Ten Yu. P., Grekov I. M. Vliyaniye e`tno-kul`turny`x i religiozny`x faktorov na formirovaniye kompleksa marketinga // Gumanitarny`e i social`ny`e nauki. – 2014. – № 2. – S. 790–794.
11. Falikov B. Z. NRD: problemy` religioznogo statusa (na primere saentologii) // Religiya i pravo: informacionno-analiticheskij zhurnal. – 2001. – № 2.

© Жуковец О. Ю.,
Греков И. М., 2019.

УДК 316(346.32)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Г. Ж. Туленова
Д. Ш. Сагдуллаева

*Доктор философских наук, профессор,
кандидат философских наук, доцент,
e-mail: sagdullaeva.76@mail.ru,
ORCID 0000-0003-0847-9901,
Ташкентский университет
информационных технологий,
г. Ташкент, Узбекистан*

FEATURES OF POLITICAL REFORMATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

G. J. Tulenova
D. Sh. Sagdullaeva

*Professor, Doctor of Philosophical Sciences,
PhD, assistant professor,
e-mail: sagdullaeva.76@mail.ru,
ORCID 0000-0003-0847-9901,
Tashkent University of Information Technologies,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article analyzes the processes of renewal and modernization in Uzbekistan. Reveals the essence and methodology of reforms, the main approaches and principles. The genesis of the strategy of political reforms based on their principles, some threats and challenges of the transition period.

Keywords: modernization; society; spheres of social life; economy; politics; law; culture; democratization; liberalization; civil society.

Введение

После обретения независимости Республика Узбекистан осуществляет построение демократического правового государства, обеспечивающего соблюдение прав и свобод человека, духовное обновление общества, интеграцию в мировое сообщество. Объективные условия формирования гражданского общества и развития нашего государства, с учетом изменения геополитического и геостратегического положения в мире, требовали новых подходов и теоретического осмысления в понимании природы и сущности политических преобразований, нацеленных на защиту общенациональных инте-

ресов и ценностей, приоритетов личности и общества, их прав и свобод.

Поэтому особо актуальным и значимым для всех нас является осмысление сути происходящих и ожидаемых политических процессов в Узбекистане. Актуальность обсуждаемых проблем объясняется еще и тем, что реформирование всех сторон общественной жизни в Узбекистане преследует цель раскрыть все заложенные потенциалы индивидов и общества в нашей стране.

Каковы особенности и основания процессов обновления в современном узбекском обществе?

Стратегия и тактика реформ. Методы политической модернизации.

Цели и принципы политического реформирования, прежде всего, нашли свое отражение в новой Конституции и выразились в определении суверенитета, народовластия, верховенства Конституции и закона, внешней политики, основных прав и свобод человека, экономики, общественных организаций, семьи, средств массовой информации, организации государственной власти и т.д. В каждой статье Конституции можно найти реформаторские задачи, реализация которых в зависимости от их объема и сложности требует большего или меньшего времени. Долгосрочные задачи в основном связаны с необходимостью в изменении сознания, с решением целого ряда экономических вопросов, которые должны стать базой для позитивных политических трансформаций.

Правовое государство предполагает безусловное подчинение государства следующим принципам: народный суверенитет, нерушимость прав и свобод человека со стороны государства, связанность государства конституционным строем, верховенство конституции по отношению ко всем другим законам, разделение властей и институт ответственности власти как организационную основу правового государства, независимость судей, приоритет норм международного права над нормами национального. Все эти принципы нашли свое отражение в Конституции Республики Узбекистан. Соответственно организовывая реформы, государство как непосредственно руководствуется данными принципами, так и стремиться обеспечить их реализуемость. Последнее предполагает создание и развитие соответствующих демократических институтов.

Основным методом политического реформирования выступает право и законотворчество. Процесс принятия законов имеет демократический характер, так как в нем участвуют избранные народом депутаты.

Политическое реформирование протекает по принципу «от простого к сложному». Меняя идеологию прежней структуры, государство, тем не менее, сохраняет на какое-то время его форму. Затем вносятся некоторые коррективы, для отражения новых потребностей, и лишь после обстоятельной подготовки проводится коренная реформа. Так было, например, с парламентской реформой, когда Олий Мажлис Республики Узбекистан долгое время работал в режиме полупрофессионального, однопалатного органа. Затем созревание парламентаризма вызвало к жизни необходимость перехода к двухпалатной системе, к созданию профессиональной нижней палаты. В свою очередь, практика двухпалатного парламента породила потребность в усилении роли политических партий и их фракций. С образованием двухпалатного парламента усилился его реформаторский потенциал.

Постепенно в реформаторский процесс включаются некоммерческие негосударственные организации. Опираясь на принципы реформ, государство идет по пути совершенствования административной системы, особенно в части передачи ряда функций общественным институтам. Последние принимая от государства заказы на исследования, дают научно обоснованные рекомендации. Развивая общественные политические организации, государство также обеспечивает их участие в процессе демократизации, обновлении и модернизации страны.

Так, с принятием Конституционного Закона «Об усилении роли политических партий в обновлении и дальнейшей демократизации государственного управления и модернизации страны» в процесс реформ активно подключились политические партии, которые получили рычаги политического влияния, как на местах, так и на уровне Кабинета Министров.

Это влияние в большей степени имеет реформаторское значение. Так, усиление партий через повышение статуса фракций

в Нижней палате парламента, создание условий для политической конкуренции, путем создания института парламентского большинства и парламентской оппозиции повысит эффективность принимаемых законов и решений парламента.

Введение института консультаций Президента с фракциями парламента по кандидатуре Премьер-министра также содержит реформаторский элемент: фракции политических партий не упустят случая, чтобы поднять важные вопросы экономического, социального, политического развития во время консультаций. По сути дела создан еще один эффективный механизм взаимодействия государства и общества, который будет работать на политической основе.

Все это есть результат либерализации политической системы, передачи ряда функций от государственных органов общественным организациям.

Принципы реформ.

Осмысление первого опыта, путей и методов реформ привело руководство страны к необходимости сформулировать основополагающие принципы, которые впоследствии получили названия «пяти принципов» или «Узбекская модель реформирования».

Прежде всего, это выше обозначенный принцип поэтапности реформ.

Далее, важнейшей задачей построения новой государственности стало решение экономических проблем, деидеологизация экономики, перевод ее на рыночные рельсы. Отсюда принцип: приоритет экономики над политикой.

Этот принцип имел универсальное значение и определил характер и направленность всех последующих преобразований. Помимо того, что сосредоточение общественных сил на реформировании экономической системы и сильная социальная политика сняли социальную напряженность, и выбили почву из под ног дестабилизирующих факторов, приоритет экономики над политикой обозна-

чил также отказ от административно-командных методов управления экономикой и утвердил курс на формирование таких общественных отношений, которые базируются на рыночной экономике [1, с. 181–203]. Данное обстоятельство отразилось и на характере построения новой системы государственного управления, которая изначально проводилась в соответствии с требованиями рыночных отношений. В частности, нужно было не только ликвидировать структуры политического и экономического управления, но и пересмотреть принципы, формы и методы управления. Вывести из управления планово-распорядительные функции и придать управлению функции координатора и регулятора экономической политики.

Эта задача актуализировалась также и тем, что система государственного управления должна была взвалить на себя роль организатора и координатора реформ. В этот сложный переходный период только государство обладало всеми социально-политическими, правовыми, организационными и экономическими ресурсами узбекского общества, включая кадры, финансы, собственность, реальную силу государственной власти, природные богатства, политико-правовые институты и отчасти тот авторитет и влияние, которые достались по наследству от прежней исторической эпохи. Отсюда следующий принцип: государство-реформатор.

Принцип, согласно которому государство берет на себя ответственность за проведение реформ, имел также большое психологическое значение. С одной стороны, необходимо было изменить гипертрофированное понимание роли государства в жизни общества и личности, с другой, необходимо было распорядиться с пользой неким синдромом, который характеризуется безусловной лояльностью основной массы людей в отношении к государственной системе. Частично она была обусловлена врожденными чувствами государственной зависимости, кото-

рую испытывал человек в условиях тоталитарной опеки и регламентации. В государстве люди видели реальную силу, и было бы непростительной ошибкой ослабление государственного аппарата управления как раз в тех условиях, когда именно последовательная, профессиональная и авторитетная власть была в состоянии обеспечить выбор и реализацию стратегии, политики развития, вывести экономику из кризиса и консолидировать общество. Именно обновленная система государственного управления могла решить задачи политического и экономического реформирования, стать средством общественного согласия, проводить грамотную кадровую политику, достоверный информационный мониторинг, координацию и публично-правовое регулирование.

Для этого новая система государственного управления должна была обрести некоторые свойства, сочетающие в себе гибкость, оперативность, профессионализм, открытость и т.д. в то же время, она должна была опираться на национальную и демократическую традицию принятия государственно-правовых решений; быть апробирована на долговременность и на соответствие мировым стандартам, опыту народной жизни, национальным и культурным традициям, интересам человека, общества и его сегментов. В этом случае принцип «государство-реформатор», мог не только выполнить задачи субъекта реформ, но и изменить представления о государстве, о его сути в условиях демократии, в условиях построения правовой государственности.

Верховенство закона – это путь к построению правового государства. В правовом государстве видятся условия, гарантирующие юридическое равенство всех граждан перед законом, верховенство закона, защиту интересов общества и безопасности населения. «Правовое государство немислимо без торжества законности и правопорядка, приоритета прав и свобод личности, твердой дисциплины, внутрен-

ней самоорганизации и ответственности, уважения законов и традиций» [1, с. 44]. Через верховенство закона, который «способствует саморазвитию человека, реализации интересов личности, максимальному функционированию ее прав и свобод» виделось определение гражданского общества [1, с. 166].

По мнению Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова, политическое и государственное устройство обновленного общества должно гарантировать человеку свободный выбор форм его политического, экономического и социального бытия [1, с. 44]. «Правовое государство, – пишет И. Каримов в книге «Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса», – означает не просто формальную законность, а целостную функционирующую систему, основанную на признании и полном принятии человеческой личности как высшей ценности» [1, с. 174–175].

Пятым принципом была объявлена – сильная социальная политика, обеспечение социальной защиты населения.

Ухудшение макроэкономической ситуации в начальный период независимости ограничивало возможности изыскания внутренних ресурсов на социальные цели, тогда как необходимость в них возросла из-за осуществления коренных реформ в экономике и в общественной жизни в целом. Обстоятельства требовали не только изыскания дополнительных средств, но и изменения структуры их распределения в социальный сектор из-за необходимости увеличения затрат на такие меры социальной защиты, как поддержка доходов в связи с инфляцией, безработицей и т.п.

Система социальной помощи малообеспеченным семьям в Узбекистане сегодня представляет собой успешный опыт адаптации современных управленческих технологий к менталитету народа, привлекающий внимание представителей многих стран и международных организаций.

Приоритеты дальнейшей модернизации Республики Узбекистан.

Основные приоритеты дальнейшей модернизации страны были обозначены первым Президентом Республики Узбекистан И. А. Каримовым в принятой 12 ноября 2010 года «Концепции дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране»: демократизация государственной власти и управления, реформирование судебно-правовой системы, реформирование информационной сферы и обеспечение свободы слова и информации, обеспечение свободы выбора и развитие избирательного законодательства, формирование и развитие институтов гражданского общества, дальнейшее углубление рыночных реформ и либерализация экономики.

В ходе выполнения намеченных в концепции задач был последовательно реализован конституционный принцип разделения властей, между ветвями государственной власти создана эффективная система сдержек и противовесов, усилена роль полномочий и контролирующих функций законодательной и представительной власти в центре и на местах.

В целях коренного повышения эффективности проводимых реформ, создания условий для обеспечения всестороннего и ускоренного развития государства и общества, реализации приоритетных направлений по модернизации страны и либерализации всех сфер жизни была принята *Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах*, инициированная Президентом Республики Узбекистан Ш. Мирзиязевым, с которой связан следующий этап развития и модернизации страны. Данной концепцией предусматривается:

совершенствование государственного и общественного строительства, направленное на дальнейшее усиление роли парламента и политических партий в углублении демократических реформ и

модернизации страны, реформирование системы государственного управления, развитие организационно-правовых основ государственной службы, совершенствование системы «Электронное правительство», повышение качества и эффективности государственных услуг, практическую реализацию механизмов общественного контроля, усиление роли институтов гражданского общества и средств массовой информации;

обеспечение верховенства закона и дальнейшее реформирование судебно-правовой системы, направленное на укрепление подлинной независимости судебной власти и гарантий надежной защиты прав и свобод граждан, совершенствование административного, уголовного, гражданского и хозяйственного законодательства, повышение эффективности системы противодействия преступности и профилактики правонарушений, полную реализацию принципа состязательности в судебном процессе, совершенствование системы оказания юридической помощи и правовых услуг;

развитие и либерализация экономики, направленные на дальнейшее укрепление макроэкономической стабильности и сохранение высоких темпов роста экономики, повышение ее конкурентоспособности, модернизацию и интенсивное развитие сельского хозяйства, продолжение институциональных и структурных реформ по сокращению присутствия государства в экономике, дальнейшее усиление защиты прав и приоритетной роли частной собственности, стимулирование развития малого бизнеса и частного предпринимательства, комплексное и сбалансированное социально-экономическое развитие регионов, районов и городов, активное привлечение иностранных инвестиций в отрасли экономики и регионы страны путем улучшения инвестиционного климата;

развитие социальной сферы, направленное на последовательное повышение

занятости и реальных доходов населения, совершенствование системы социальной защиты и охраны здоровья граждан, повышение социально-политической активности женщин, реализацию целевых программ по строительству доступного жилья, развитию и модернизации дорожно-транспортной, инженерно-коммуникационной и социальной инфраструктур, развитие сферы образования, культуры, науки, литературы, искусства и спорта, совершенствование государственной молодежной политики;

обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики, направленные на укрепление независимости и суверенитета государства, создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства, укрепление международного имиджа страны.

В целях реализации данной концепции разработаны и приняты, после всенародного обсуждения, государственные программы, предусматривающие целый комплекс конкретных практических мер, направленных на дальнейшее развитие всех сфер жизни общества [2].

Заключение

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в Узбекистане идет активный процесс совершенствования деятельности пирамиды власти: сделать власть ответственной за распоряжение общественными делами - это современный путь организации власти, реальный механизм ее демократизации, подконтрольности обществу и подлинного самоуправления. Именно здесь мы видим созидательную основу всей конструкции новой узбекской государственности, которая приняла правовой вектор развития. Это реализация узбекской модели демократизации, которая последовательно превращает Узбекистан в могущественное, демократическое и процветающее государство.

Узбекистан сегодня показал миру, что у нас создана и реализуется целостная программа обновления и модернизации применительно к современным потребностям развития Узбекистана в условиях растущей глобализации. Это политическая и правовая предпосылка прорыва в будущее. Технология прорыва в будущее Узбекистана и ее методология состоит в том, что государство акцентирует основополагающие ценности, определяя (но, не детерминируя), корректируя (но, не диктуя) направление движения, вырабатывая процедуры сосуществования многообразия, т.е. того, в чем состоит высший и истинный смысл демократии. А стержневой идеей, на которой формируется новая узбекская идентичность XXI века, является идея, вдохновлявшая всех в нашей стране и одновременно глубоко укорененная в народном сознании идея о том, что Узбекистан – государство с Великим будущим.

Мы глубоко уверены, что стать великим Узбекистаном это – прежде всего, геополитическая данность и историческая заданность, это – вопрос существования узбекского народа как национальной общности.

Библиографический список

1. Каримов И. А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Т. : Узбекистан, 1997. – С. 181–203.
2. Указ Президента Республики Узбекистан Ф-4947 от 7 февраля 2017 года «О Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 годы».

Bibliograficheskiy spisok

1. Karimov I. A. Uzbekistan na poroge XXI veka: ugrozy bezopasnosti, usloviya i garantii progressa. – T. : Uzbekistan, 1997. – S. 181–203.
2. Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan F-4947 ot 7 fevralya 2017 goda «O Strategii dejstvij po pyati prioritetny'm napravleniyam razvitiya Respubliki Uzbekistan na 2017–2021 gody».

© Туленова Г. Ж.,
Сагдуллаева Д. Ш., 2019.

UDC 159.922.4

**MANAGEMENT OF NATIONAL RELATIONS
AS THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC POLICY****E. Salmoorbekov***Postgraduate student, e-mail: erlan81.18@mail.ru,
Institute of Philosophy,
Political and Law Studies
National Academy of Sciences
of the Kyrgyz Republic,
Bishkek, Kyrgyz Republic*

Abstract. The article analyzes at the level of philosophy of science is carried out a comprehensive socio-philosophical analysis of the dynamics of ethnic conflict in contemporary Kyrgyzstan. Defined the problem field of inter-ethnic conflicts following the collapse of the Soviet Union. Revealed that the political instability of this state is one of the causes, effects of inter-ethnic conflicts. The contents of the report on the events of 2010 in the south. The basic classification and the factors determining the causes of ethnic conflicts in the contemporary stage. Based on the nature of inter-ethnic conflicts in Kyrgyzstan revealed the dynamics and the further development of the settlement of issues of ethnic conflicts in Kyrgyzstan.

Keywords: ethnic conflict; nation; ethnic group; armed and unarmed conflict; language policy; the mechanism of the settlement.

Introduction

The process of globalization raises issues of interethnic nature, which increases the number of incidents in the soil of interethnic hatred. After the collapse of inter-ethnic conflicts, issues of interstate border zones remained overboard. In the world the most complex and intractable problems are inter-ethnic conflicts.

After independence, those aimed at forming a policy in the sphere of inter-ethnic relations were not raised in an official document. Interethnic relations were realized under the slogan “Kyrgyzstan is our common home”. In state policy, inter-ethnic issues were carried out in a number of areas.

1) Institutionalization of inter-ethnic relations in Kyrgyzstan. In 1994, for the first time in the CIS, the Assembly of the People of Kyrgyzstan (APK) was created, an institute that united national-cultural centers of various ethnic communities. In the very name of the Assembly, it was emphasized that a civilian nation is being formed in Kyrgyzstan – the word “people” is used in the singular, implying its unity and priority of common civil identity, recognition of the

ethno-cultural characteristics of various communities.

2) Language policy. In the field of language policy in the period of independence, a number of activities are being undertaken aimed at imparting the status of the state language and the official Russian language. The National Commission on the State Language under the President of the Kyrgyz Republic ineffectively pursues a policy in raising the status of the state language.

The fundamentals of language policy, enshrined in the country's Constitution, in addition to securing the status of the Kyrgyz language as the state language and Russian as the official language, guarantee to representatives of all ethnic groups that form the people of Kyrgyzstan, the right to preserve their native language and create the conditions for its study and development.

The state provides assistance and organizes equal conditions for all ethnic groups to learn their native language. At the same time, providing training in the Kyrgyz language is not effectively implemented, since the teaching methodology is not properly set. At present, it is required to understand the level of

teaching Kyrgyz language for a non-titular nation.

3) Cultural policy. It is important that in the years of independence, efforts were made to preserve and support schools, higher educational institutions with different languages of instruction, as well as theaters and other cultural facilities.

One of the causes of interethnic conflict in the south of the republic is the increase in Uzbek institutions, such as: kindergartens, schools, universities, centers of cultural events.

Culture spreads through the activities of public institutions (theaters, cinemas, libraries, museums, etc.), as well as the norms of behavior formed and regulated by public institutions, primarily the family, the educational system, and local communities. The goals of preserving the identity and developing cultures of ethnic communities are achieved through their interaction within the country and the expansion of international cooperation.

Taking into account regional and global trends of cultural interaction, the state provides its citizens with the opportunity to freely communicate in various cultural spaces, tolerantly accepting a different way of life and adequately representing their own Kyrgyz culture.

4) Socio-economic situation. In order to consolidate the state focuses on overcoming regional inequalities and social stratification, reducing the differences between urban and rural living standards.

The state supports the full participation in the political processes of representatives of all ethnic groups living in Kyrgyzstan, the development of their public activity, and encourages participation in political and state events. In realizing their rights, ethnic and other social groups should make every effort to strengthen unity and preserve the integrity of the country and stability in society.

Effective participation in political processes reduces the risk of interethnic conflicts. Using management tools, the state

seeks to create maximum opportunities for the participation of ethnic groups, including women, young people from these groups, in the process of making and implementing government decisions.

Through the implementation of special measures in the areas of governance and education, including through the improvement of legislation, the state seeks to create conditions for ensuring the representation of ethnic groups in the legislative, executive and judicial branches of government at the local, regional and republican levels.

Ensuring the rule of law and equal opportunities, the development of a multiparty system and pluralism of opinions increases the political culture of society. The wide involvement of representatives of various ethnic groups in electoral processes through membership and active work in political parties contributes to building trust and participation of citizens in the political life of the country.

5) The role of the media in inter-ethnic relations. The formation and dissemination of the idea of the spiritual and cultural community of the people of Kyrgyzstan, patriotism and inter-ethnic harmony is an important state task.

The sustainability of a multi-ethnic state is ensured by a high degree of political culture based on respect for state symbols and common values. The media are designed to promote the ideas of the unity of diverse cultures. The media should be a tool for disseminating consolidating ideas and images.

Consolidation on the basis of civil identity is a tool to strengthen the unity of the people, it allows to overcome the division of society according to ethnic, regional origin, religious and other differences. To achieve this goal, purposeful work should be carried out to develop and form symbols of belonging to a country, to form a respectful attitude to state symbols.

One of the priorities is the development of a common information space for the cultures of all ethnic groups in the country. At

the same time, it is important to ensure understanding and recognition of ethnic diversity as the basis for the formation of society and intercultural dialogue. The state encourages the preservation and development of ethnic cultures, contributes to the development of the national culture of Kyrgyzstan, promotes systematic objective reflection in the media of life, problems of ethnic communities, development and interaction of cultures.

The new leadership of Kyrgyzstan is achieving stability in the republic, still stumbles upon significant difficulties. They are due to both objective and subjective reasons. Primarily dependent on low political and general culture of the leaders of political parties, the ruling elite, not to mention the common population, unresolved inter-ethnic contradictions since the Soviet times, the presence of the so-called "third forces" that destabilize the situation and contribute to the preservation of the tense situation in the country. For the full functioning of the state language in all spheres of public life in the country, the state provides conditions for the development of the potential of the Kyrgyz language and the expansion of its use in the socio-political, economic, industrial, cultural, scientific and other fields of activity.

Having reviewed and analyzed various assessments and characteristics of the June 2010 events, data in Kyrgyzstan and abroad, the National Commission believes that there was a major ethnic conflict between Kyrgyz and Uzbeks in the south, which was accompanied by outbreaks of violence, numerous victims and injuries, large-scale arson and destruction.

2. The conflict began in mid-May of that year in the Jalal-Abad region, on June 10–14, it turned in a massive manner in the Osh region and on June 12–13, again spread to the Jalal-Abad region. This conflict had its own historical and political roots, due to the heavy legacy of the Soviet era, when any contradictions and conflicts in the sphere of interethnic relations were hushed up or driven into the depths in the force order. The policy of pere-

stroika and publicity of the 1980s exposed these problems, the extreme expression of which was ethnic clashes in Osh and Uzgen in 1990. But then an objective and principled assessment of these events was not given, and the necessary lessons were not drawn from them.

3. Under these conditions, some leaders of the Uzbek community of the south again began to make demands to raise the status of the Uzbek language, to allocate quotas in elected bodies of citizens of Uzbek nationality, to infringe upon the rights of the latter by representatives of the titular nation, and that in territories with the overwhelming majority of the Uzbek population, heads of local authorities and institutions of ministries and departments should appoint persons of Uzbek nationality. For this, they created a political party "Vatan" (later "Rodina"), by ethnicity formed a parliamentary faction in parliament, took measures of an organizational propaganda nature.

4. The consequences of the 2010 June ethnic conflict were dire. They are associated with 426 human lives and health of 1,930 citizens, 925 of whom have gunshot wounds, enormous material damage in the amount of almost 4 billion soms, a further increase in population outflows outside the country, a significant slowdown in the development of the economy, and damage to the international image of Kyrgyzstan. All this requires the most serious reflection, the extraction of a bitter lesson and the mobilization of all forces in the name of stabilizing the situation in the country, restoring a good image in the world community.

Recommendations.

1. Reduce the ethnocultural distance, establish permanent contacts, and create conditions for trusting dialogue and partnership, allowing you to harmonize relations that require consideration of the characteristics of different ethnic groups.

2. To raise the standard of living and culture of the population. To cultivate tolerance and tolerance among the younger generation,

through family institutions and the educational system.

3. Develop a state ideology calling for the consolidation of all ethnic groups inhabiting Kyrgyzstan. Develop an ideology based on the premise: I am a citizen of Kyrgyzstan!

4. Reduce the ethnocultural distance between representatives of different nationalities by identifying problems, conducting training workshops and joint socially significant events.

5. Strengthen the importance of the state language in order to strengthen the friendly relations between representatives of the titular nation and representatives of other nationalities inhabiting Kyrgyzstan. Give the knowledge of the state language the value of a benevolent attitude and a sign of mutual respect.

6. It is necessary to develop and implement programs for the training and retraining of qualified translators of the state language (written, literary, simultaneous translation).

7. To organize short-term courses for state and municipal servants, taking into account the level of proficiency in the state language.

Bibliography

1. Галтунг Д. Культурное насилие / пер. В. А. Попова // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – Выпуск 8. – М. : ИС РАН, 1995.
2. Смоленский В. Г. Конфликты и конфликтология. – М., 1995.
3. Салморбекова Р. Б. Социальная напряженность в период трансформация кыргызского общества // Известия вузов Кыргызстана. – 2016. – № 6. – С. 164–166.
4. Южанинов К. М. Социология конфликта. – Томск, 2003.

Bibliography

1. Galtung D. Kul`turnoe nasilie / per. V. A. Popova // Social`ny`e konflikty` : e`kspertiza, prognozirovanie, tehnologii razresheniya. – Vy`pusk 8. – M. : IS RAN, 1995.
2. Smolenskij V. G. Konflikty` i konfliktologiya. – M., 1995.
3. Salmorbekova R. B. Social`naya napryazhennost` v period transformaciya ky`rgy`zskogo obshhestva // Izvestiya vuzov Ky`rgy`zstana. – 2016. – № 6. – S. 164–166.
4. Yuzhaninov K. M. Sociologiya konflikta. – Tomsk, 2003.

© *Salmoorbekov E.*, 2019.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosphere@yandex.ru**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, од-

ному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид СФ-ФИО, например: **СФ-Петров ИВ** или **SF-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

ORCID

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2019 ГОДУ**

Дата	Название
20–21 марта 2019 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2019 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2019 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2019 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2019 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2019 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2019 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2019 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2019 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2019 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2019 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2019 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2019 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2019 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2019 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2019 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2019 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2019 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2019 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2019 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2019 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2019 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2019 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2019 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2019 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2019 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2019 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2019 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2019 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2019 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2019 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2019 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2019 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов

28–29 октября 2019 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2019 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2019 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования
5–6 ноября 2019 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2019 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2019 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2019 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2019 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2019 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2019 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2019 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,721, • РИНЦ – 0,107.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,915
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор Б. А. Дорошин

№ 1, 2019

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена
на сайте журнала <http://sociosphera.com/sociosphere>

Редактор – Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 13.03.2019. Формат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 15,6. Тираж 100 экз. Заказ № 1/19.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440026, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35
Тел. (8412)21-68-14
веб-сайт: <http://sociosphera.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У. Тел. (8452)24-85-33